

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»
Институт общественных наук
Кафедра социологии и политологии

Использование дискурс-анализа в обучении будущих социологов

Выпускная квалификационная работа

Квалификационная работа
допущена к защите
Зав. кафедрой
Прямикова Елена Викторовна

дата

подпись

Исполнитель:
Медведев Егор Олегович,
обучающийся группы
СПО-1601

подпись

Руководитель:
Миков Юрий Вендимианович,
к.ф.н., доцент

подпись

Екатеринбург 2018

Содержание

Введение	3
Глава 1 Основные теоретические подходы к изучению социальной коммуникации и дискурса	9
1.1 «Теории Ю.Хабермаса и Н.Лумана как объясняющие теоретические модели социальной коммуникации»	9
1.2 Теоретические подходы к понятию дискурс	28
1.3 Специфика политического дискурса	48
Глава 2. Критический Дискурс анализ в образовательном процессе	71
2.1 Подходы к дифференциации обучающихся в вузе	71
2.2 Применение Исторического дискурс-метода.	87
Заключение	109
Список источников и литературы	114
Приложение 1. Программа исследования	126
Приложение 2. Вводный материал и пример практической реализации метода	129
Приложение 3. Единица политического дискурса	147
Приложение 4. Критический дискурс анализ – эталон.....	148
Приложение 5. Дотеоретическая интерпретация публичного выступления.....	160
Приложение 6. Критический дискурс-анализ (Исторический дискурс-метод).....	170
Приложение 7. Заключительные эссе (саморефлексия)	182
Приложение 8. Данные доклада «Молодёжь России».....	188

Введение

Развитие личности – одна из наиболее актуальных тем в таких сферах, как психология, политология, социология и педагогика. В современном мире важность развития «человеческого ресурса» стала очевидной для многих стран, в том числе и России.

В данной работе мы рассмотрим проблему в рамках высшей школы. Она состоит в том, чтобы оценить возможность улучшения качества коммуникации между преподавателем и студентом в рамках субъект-субъектных отношений с помощью использования общенаучного, междисциплинарного метода дискурс-анализа, а точнее определенных его разновидностей в сторону критической социальной науки.

Зачастую студенты и преподаватели изначально находятся в разных сферах дискурса, и для более качественного включения в научный дискурс, который несет в себе ряд отличительных характеристик, таких, как рациональность мышления, аргументацией и т.д., мы предполагаем использование дискурс-анализа как методологического направления, который позволяет включить того, кто его использует, в научный дискурс, дискурс образования, политический и общественный дискурсы.

Другая проблема заключается в том, что уровень развития коммуникативных навыков студентов должен быть достаточно высок, для того чтобы образовательный процесс проходил качественно, при высокой нагрузке на блок самостоятельного изучения. Именно поэтому обращаясь к коммуникации, как социальной, так и педагогической, мы ищем способы развития навыков студентов, предполагая, что одно из качественных методических направлений – критический дискурс-анализ – может быть полезен. Мы считаем, что междисциплинарный подход, принципы и основы данного направления могут в полной мере удовлетворить потребности, которые возникают во время процесса образования. Это потребности в

качественной коммуникации, понимании смысла, возможностях интерпретации и анализа, через использование критического дискурс-анализа студентами.

Стоит отметить, что основой педагогического процесса является коммуникация, которая в свою очередь может включаться в дискурс. Понятия коммуникации и дискурса, а также понятия, связанные с ними, разрабатывали такие ученые как Н. Луман и Ю. Хабермас и ряд других ученых, которые будут представлены ниже. Изначально опираясь на воззрения первых двух, мы можем очертить ряд проблем, которые присутствуют в логике образования. Обращаясь к коммуникации, мы определяем ее не только как базовый элемент общества как системы, но как процесс, который помогает достигать определенных целей, в том числе педагогических.

В данном труде, мы планируем рассмотреть основные понимания коммуникации через две разных точки зрения: со стороны теории действия – Юрген Хабермас, а также со стороны теории систем – Никлас Луман. Также эти ученые подводят нас к проблеме дискурса и его сущности в современном обществе.

Стоит отметить, что воззрения Ю. Хабермаса относительно дискурса можно отнести к философско-культурологическим теориям дискурса, среди которых в основном выделяют два направления.

К первому направлению относят французские школы дискурс-анализа (например, Мишель Фуко, Жан Бодрийяр, Жак Лакан, Мишель Пешё, П.Анри, Ж.-Ж.Куртин).

Данное направление основывается на критике рациональности Ницше и Хайдеггера, философии жизни Бергсона, а также на постструктуралистских концепциях. Дискурс в этом направлении изучается в рамках традиции понимания данного понятия как риторическое и эстетическое образование,

эта группа теорий в основном ставит тождество между феноменом власти и дискурсом, полагая его исключительно в сфере социальных взаимодействий и отношений. В рамках этого направления обычно выделяют две главенствующие теории, радикально повлиявшие на содержание большинства исследований дискурса: психоаналитическую теорию дискурса Жака Лакана и теорию дискурсивных формаций (теорию археологии и генеалогии) Мишеля Фуко. Ко второму направлению можно отнести теории дискурса в рамках немецких школ философии языка [6] (прагматические теории Ю.Хабермаса и К.-О.Апеля, конструктивистские теории Эрлангенской школы, теория верификационной семантики Э.Тугендхата, «философия нормального языка» А.фон Савиньи и другие). Базовые положения этих школ опираются как на идеи Канта о рассудочном монологическом дискурсе как форме познания, так и на англо-американские теории речевых актов. Другими словами, данное направление теорий является наследником традиции конца XIX века, определявшей дискурс нормативным, формально-логическим образованием.

Хабермас предпринял попытку интеграции понятия «дискурс» в корпус категорий, определяющих систему социального действия. В рамках его теории, коммуникативное действие наиболее рациональное и продуктивное в формировании стабильных и легитимных отношений. Дискурс же, будучи разновидностью социально-ориентированной практики, поддерживает реализацию коммуникативного действия, образуя идеальную поведенческую модель.

Однако, данные направления не позволяют решать спектр проблем, который связан с дискурсом и анализом дискурса и текста. Именно поэтому, мы считаем, что следует обратиться к лингвистике и лингвистическим теориям, дополнить понимание дискурса, а также сформулировать возможность использования анализа дискурса в обучении. Значимость данного решения обусловлена также и тем, что в рамках лингвистических

теорий формируется междисциплинарный подход, который в большей степени удовлетворяет нашим интересам.

Э. Бюиссан был первым, кто переосмыслил понятие «дискурс» в труде «Язык и дискурс» 1943 года, положив начало новому отношению к данной категории лингвистики.

В связи с развитием семиотики как науки дискурс становится предметом изучения многих ученых, выходцев их разных академических сфер. Значимым становится вопрос: «Что является первичным дискурс по отношению к тексту или наоборот?».

В рамках ответа на данный вопрос образовалось множество направлений, мы выделим лишь часть из них: а) социолингвистика (Дж.Фишман, С.Эрвин-Трипп, У.Лабов; б) теория речевых актов (Дж.Остин, Дж.Р.Серль, П.Коул и др.); в) французская школа дискурс-анализа (М. Пеше, П.Анри, Ж.Ж.Куртин); г) Бирмингемская школа дискурс-анализа (Дж.Синклер, М.Куохард и др.); д) конверсационный анализ (Г.Сакс, Э.Щеглов, Г.Джефферсон и др.); е) критический дискурс-анализ (Т.А. ван Дейк, Р.Лаков, Р. Водак., Н. Фэрклоу, С. Титчерс и др.)

Также стоит обратить внимание на отечественных исследователей в области лингвистики, политологии, социологии и психологии, которые также разрабатывали проблему текста и дискурса: Адамьянц Т.З, Макарова М.Л., Переверзев Е.О., Борисов С.Д., Кожемякин Е. А., Коротков Е.В., Манохин Д.С., Крысов В. О., Чудинов А. П., М. Новак, Русакова О.Ф., Касавин И. Т., Мазунова Л.К., Голоднов А.В., Григорьева В.Г., Богданов, В. В., Андреева В.А, Карасик В.И. , Кибрик А.А., Плунгян В.А., Чернявская В.Е., Сигал, К.Я. и другие.

Объектом работы является социальная коммуникация как дискурс.

Предметом работы является применение метода дискурс анализа при изучении социально-гуманитарных дисциплин в вузе формирование критического мышления в процессе критического дискурс-анализа (исторического дискурс-метода).

Гипотеза представлена следующим образом – «использование критического дискурс-анализа в преподавании социально-гуманитарных дисциплин в вузе способствует формированию критического мышления студентов и развивает их коммуникационные навыки»

Цель работы заключается в изучении возможности использования критического дискурс-анализа как междисциплинарного метода в процессе подготовки студентов социально-гуманитарных специальностей, в том числе оценка его возможностей в развитии критического мышления студентов.

Задачи работы:

1. Изучить основные теоретические подходы к рассмотрению понятий социальной коммуникации и дискурса
2. Провести сравнение теоретических подходов к анализу дискурса
3. Выявить специфику политического дискурса как наиболее эффективного в рамках анализа дискурса как методического направления
4. Рассмотреть подходы к дифференциации обучающихся в вузе
5. Определить возможности критического дискурс анализа (исторического дискурс метода) в рамках образовательного процесса

В работе были использованы следующие методы: анализ и синтез научного текста, исторический анализ, сравнительный анализ, обобщение. В эмпирическом исследовании: апробация в педагогической ситуации критического дискурс-анализа с дальнейшим применением анализа документов.

Исследование проводилось во втором семестре текущего учебного года. В нем приняло участие 5 студентов вузов города Екатеринбурга, второго и третьего курсов обучения. Каждый из студентов проходил 4 этапа: этап дотеоретического анализа текста и его интерпретации, этап введения в методологию критического дискурс-анализа и исторического дискурс-метода, этап самостоятельной работы по дискурс анализу, этап саморефлексии по проделанной работе. Для данных этапов предоставлялась единица дискурса для анализа, вводный материал, разработанный исследователем, возможность консультации с исследователем по вопросам выполнения работы, а также ряд смысловых блоков, которые выполняли вспомогательную функцию для студентов при написании работ. В заключительном 5 этапе мы проводили анализ, обобщение и сравнительный анализ результатов в виде документов, полученных при первом третьем и четвертом этапах.

Работа состоит из введения, двух глав: три и два параграфа соответственно, заключения и **восьми** приложений.

Глава 1 Основные теоретические подходы к изучению социальной коммуникации и дискурса

1.1 Теории Ю.Хабермаса и Н.Лумана как объясняющие теоретические модели социальной коммуникации

С середины XX века внимание научного сообщества к языку стало возрастать, став наиболее актуальной темой в рамках интегративного научного знания и развития наук в целом. В нашей работе мы также обратимся к исследованию лингвистических конструкторов в нашей жизни и их роли в развитии общества, в рамках как лингвистики, так и философии, социологии и политологии. Соответственно, для нас отправной точкой является понятие социальной коммуникации, которое разрабатывалось рядом ученых теоретиков.

Итак, для того чтобы рассмотреть понятие коммуникации, а точнее социальной коммуникации в науке мы обратимся к двум достаточно различным позициям. Одно исходит из теории действия, видный и достаточно ангажированный представитель, которой является Юрген Хабермас, теоретик «интеграции» структуры и действия, другое исходит из естественных наук и кибернетики, в достаточной степени реализована в работах ученого, создателя теории системы – Никласа Лумана.

Наш выбор обусловлен рядом положений:

Фундаментальность данных ученых позволяют основательно рассмотреть понятие коммуникации и роль коммуникации в обществе. Данные ученые внесли значимый вклад в развитие понятия социальной коммуникации и коммуникации, что выражено в виде большого объема работ, а также высоком уровне цитирования. Можно определять данных ученых как классиков в развитии научной мысли.

Интегративная направленность теорий данных ученых, позволяет рассмотреть проблему структуры и действия непосредственно через различие позиций. Определенная «оппозиционность» данных ученых, позволяет выделить в предмете изучения акценты на действие (Ю. Хабермас), а также на структуру (Н. Луман) и провести определённый синтез положений двух ученых, расширить понимание коммуникации.

Стоит отметить, что в рамках нашей работы акцент на действие более значим, поэтому мы в большей степени обратимся к воззрениям Ю. Хабермаса.

Сущность положений данного ученого затрагивает этические вопросы взаимодействия в обществе и публичном пространстве, что, в свою очередь, волнует современную российскую молодежь и позволяет лучше понять принципы, на которых основаны современные критические направления. Акцент теории Ю. Хабермаса на «диалогичности» и консенсусе удовлетворяет идеалы современной высшей школы, позволяет лучше понять принципы, на которых основаны современные критические теории.

Критическое направление в науке позволяет сформировать научную основу для позитивных изменений в обществе, так как в своей сущности имеет установку позитивные преобразования (например, коммуникации).

Начиная с воззрений Юргена Хабермаса стоит обратиться к тем основным положениям, которые он выстраивает, переходя к определению и проблематизации самой коммуникации и в дальнейшем выделяя свое специфическое определение дискурса.

В отличие от лингвистически ориентированных концепций, Ю. Хабермас понимает коммуникации как непосредственные активные межсубъектные связи во всех сферах человеческого бытия, в том числе таких, где индивид выступает как субъект гражданских и общественно–политических отношений. В таком виде коммуникация выступает не просто

как межсубъектные отношения, но как интерсубъективное взаимодействие. Хабермаса интересует субъект направленной социально политической активности, который может выступать как индивид, социальная группа или гражданское общество. Данное положение дает достаточно большие возможности для анализа и работы в рамках изучения роли коммуникации в политической и общественной жизни государства и общества. Весомый вклад в осмысление коммуникации – включение «притязания на значимость». Оно заключается в том, что каждый субъект коммуникации экспрессивно выражает нечто, что, по его мнению, является истинным или значимым. В процессе коммуникации анализируется «рациональность» каждого из притязаний, и делаются соответствующие выводы с примерным исходом в консенсус. [106] Анализируя любой текст, исследователь каждый раз оценивает значимость, что вложена в него, определенный след, в рамках текста как сложной символической системы

Одной из главных проблем, через которую Хабермас проводит своё понимание коммуникации, является проблема понятия рациональности в науке, а конкретнее в социологии. Выстраивая свою собственную типологию действия по уровню рациональности, он обращается к классическому примеру разработки данной проблематики у Макса Вебера, опирается на культурную основу из теории действия Толкотта Парсонса и дополняет это идеями и их развитием в рамках Франфурктской критической школы, являясь вторым «поколением» ученых в этой социологической традиции.

По Хабермасу типология действия выглядит следующим образом:

1. Драматургическое действие (участники публичного взаимодействия выражают и репрезентируют самих себя), что в целом можно сравнить с традиционным (следование ритуалу) и аффективным (выражение эмоций) типом, по уровню у Макса Вебера;
2. Нормативное действие (ориентация субъекта на сложившуюся систему норм и ценностей), которое также пересекается с традиционным

действием, а также ценностно-рациональным (следование догме) по Веберу;

3. Телеологическое (ориентация субъекта на достижение цели), которое делится на два выражения:

А) Инструментальное – направленность на объекты материального мира

Б) Стратегическое – на ожидания, цели и средства «Другого»

В классификации Вебера данный вид является идеально-типическим – целерациональным действием (соотнесение взаимных ожиданий, целей и средств);

4. Коммуникативное – действие, которое ориентировано на достижение взаимопонимания и согласия; соотнесение ожиданий происходит на всех трех уровнях общественных интересов (знание, норма, интенция)

Коммуникативная рациональность, которая является наиболее значимой для Ю. Хабермаса, основана скорее на поиске «взаимопонимания», создавая при этом «прозрачную» конвенцию в процессе коммуникации. Однако установка на понимание не обязательна для аффективного и традиционного действий. Но в отличие от данных действий целерациональное и коммуникативное действия нуждаются в определенной общей системы координат, которые участники коммуникации могут определять во взаимодействии (у М. Вебера это «сферы референций»).

«Если мы, напротив, исходим из коммуникативного использования пропозиционального знания в речевых действиях, мы встречаем предрасположенность к широкому понятию рациональности, которое связано с более древними представлениями о логосе. Это понятие коммуникативной рациональности предполагает коннотации, которые в конце концов обращаются к центральному опыту, объединяющей вне всякого принуждения и приводящей к согласию силе аргументированной, речи, в связи с которой

различные участники коммуникации преодолевают свои поначалу только субъективные представления и, благодаря общности разумно мотивированных убеждений, одновременно убеждаются в единстве объективного мира и интерсубъективности своих жизненных связей.» [106]

Стоит отметить, что ученый определяя коммуникацию обозначает ее как «механизм координации действий» [105, с.24], то есть как само «коммуникативное действие».

Хабермас исходит из того, что монополией на интерпретацию коммуникации не обладает ни один из участников этого процесса в конкретной реализации. Когнитивный аспект является важнейшим в интерпретации ситуации диалога, а также в координации коммуникативных действий субъектов. Основная задача интерпретации заключается во включении толковании ситуации одного субъекта в ситуацию другого субъекта таким образом, чтобы в синтезированном варианте оба «внешних мира» субъектов были соотнесены на фоне «общего мира», как и различные в зависимости от субъекта определения ситуации. [105]

Говоря о жизненном мире, следует раскрыть данную категорию, которая нередко встречается в работах данного ученого. Категорию «жизненный мир», а также связанную с ней категорию «система» [106] ученый определяет таким образом, что «система», являясь «гарантом» стабильности социальных процессов и, стремится подчинить себе мир значений и смыслов, образующийся в интерсубъективной повседневной коммуникации («жизненный мир»), подменяя процессы согласования на манипулирование и подчинение.

Результаты коммуникативного взаимодействия по Хабермасу могут быть различны, и их можно рассматривать, как «координацию целенаправленных действий разных участников взаимодействия; как взаимопереплетение эгоцентрических подсчетов собственной выгоды (причем степень конфликта и кооперации изменяется вместе с имеющейся на

данный момент совокупностью интересов); как интегрирующее в социальном плане согласие относительно ценностей и норм, регулируемое культурной традицией и процессом социализации; как консенсуальное отношение между публикой и исполнителем роли; или же как взаимопонимание в смысле взаимного процесса истолкования» [105, с. 24].

По Хабермасу результаты коммуникативного взаимодействия могут быть разного рода: как координация целенаправленных действий субъектов коммуникативного взаимодействия; как взаимное переплетение подсчетов собственных выгоды и издержек (степень конфликта/кооперации зависит от актуальной совокупности интересов); социальная интеграция «общих» ценностей и норм в результате согласия, которое регулируется как социализацией, так и традицией в культуре и т.п.; как консенсуальное отношение между исполнителем роли и публикой; как взаимопонимание в процессе взаимного истолкования. [105]

Не стоит также делать выводы что коммуникативное действие по своей логике растворяется в консенсусе, так как при речевом взаимодействии согласие не является приоритетным, и участник коммуникации может не согласиться с говорящим, даже поняв его. Достижение консенсуса не является обычным результатом в акте коммуникации, а лишь является наиболее идеальным исходом.

Термин «коммуникативное действие», о котором мы упоминали выше обозначает тип социального взаимодействия, координирующийся посредством действий речевых, но в тоже время, не совпадающий с ними, в виду изменений в процессе коммуникации. [92]

Кроме того, Ю. Хабермас использует категорию «дискурс». Он выводит ее с помощью различения форм коммуникации (речи). Первой формой является коммуникативное действие (сама интеракция), где коммуниканты обмениваются значимыми для них (и относительно объективно значимыми) требованиями, тем самым имея цель обмена

информацией. Второй формой является дискурс, где находится проблематизированное соглашение, возникшее в коммуникативном действии через определенные основания. Таким образом, взаимопонимание становится процессом, цель которого преодоление ситуации, которая возникает в результате коммуникативного действия в виду предполагаемых значимых требований с каждой стороны. [46]

На основе вышесказанного можно сказать, что дискурс в основе своей является мотивированным разрешением проблем через консенсус, через мотивировку значимых требований в проблемах, которые выражены во мнениях и нормах. Кроме того, в дискурсе значимые требования виртуализируются, то есть мы можем делать ряд операций над мыслями, обстоятельствами и решениями, с точки зрения их относительной объективности, пользы и оптимальности. [105]

Термин «дискурс», в его политической философии практически полностью совпадает с диалогом. На это обстоятельство указывает целый ряд современных исследователей. Так, О.Ф.Русакова пишет: «По Хабермасу, дискурс представляет собой диалог, – согласование спорных притязаний на значимость с целью достижения согласия» [37, с. 54].

Данное воззрение было развито через диалогику, но восходящую к более крупным образованиям, от индивидов к социальным группам и институтам и т.п. Схожее понимание данного понятия придерживаются Тимофеева Л.Н., которая отмечает что дискурс – обмен обоснованными позициями, взглядами в соответствии с определенными нормами, в результате чего реализуются определенные решения и производятся действия. [99] Дука А.В. определяет дискурс как «социальный диалог, происходящий посредством и через общественные институты между индивидами, группами и организациями, а также между самими социальными институтами, задействованными в этом диалоге» [91, с. 94–95].

Более подробный анализ теории дискурса и воззрений на данное понятие мы приведем в следующей части нашей работы, данные примеры были приведены с целью показать развитие и трансформацию воззрений на дискурс и диалог данного ученого в рамках науки.

Ряд научных направлений основываются на идеях Ю. Хабермаса, в том числе и критический дискурс-анализ как методология, что мы также рассмотрим позже.

Стоит отметить, что воззрения Ю. Хабермаса не являются «чистой» теорией, а выражены в определенной «инструкции» для практического использования в реальной коммуникации, с целью увеличить ее эффективность, разработанных им самим.

Их можно сформулировать, как принципы обсуждения, только благодаря которым возможно достижение подлинного, не навязанного внешне консенсуса. Они обозначены в модели «идеальной речевой ситуации»:

1. Все потенциальные участники обладают правом начать дискурс по проблемным общественным вопросам и продолжить его.
2. Все участники дискурса обладают равными возможностями представить свои точки зрения, обосновать их или опровергнуть другие.
3. Все участники правдивы в отношении своего «внутреннего мира», «своих установок, чувств и намерений».
4. На точки зрения участников и сам дискурс не должны оказывать влияния «внешние принуждения» реальности: социальное положение, влияние граждан, учитывается только значение самого аргумента. [30]

Для того, чтобы определить где в масштабах структуры будет осуществляться социальная коммуникация и дискурс, нам стоит обратиться к такому концепту как «публичная сфера», который является одним из основных в работах ученого.

Хабермас определяет публичную сферу как некое пространство, в котором взаимодействуют или противостоят «система» и «жизненный мир».

В ранних работах рассуждения Хабермаса о публичной сфере пересекаются с понятием «публичного пространства» Ханны Арендт [5, с. 211–215]. По Арендт, «публичное пространство» - место «развития» человека в гражданина, где он лично участвует в обсуждении общественных дел, выражает свою волю публично, а также обменивается волеизъявлением с другими гражданами, где происходит признание различий без принуждения и насилия. Разница между концепциями «публичного пространства» и «публичной сферы» [43, с. 819–820] заключается в том, что у Арендт акторы находятся в рамках пространства, при соприсутствии и видимости друг друга, а у Хабермаса акторы могут быть в различных местах, но иметь возможность к коммуникативному действию и дискурсу с помощью СМИ. Стоит отметить что после критики модели публичной сферы, в более поздних работах [57, с. 421–425] Хабермас говоря о публичной сфере указывает на то, что она является по сути множеством подсфер, которые не могут быть сводимы к некому одному пространству, а также заключены в замкнутые общности и администрированы.

Теория коммуникативного действия, которая была представлена частично в вышенаписанном является результатом поиска основ, которые способны в относительно полной мере отразить возможные пути взаимодействия на пути к повышению уровня свободы в обществе. Концепция же публичной сферы, являясь закономерным результатом этого поиска, воплощает в себе идеально-типическую модель взаимодействия, в ходе которого устанавливается «мораль равного уважения» [46, с. 20]. Становится возможной проблематизация и изменение тех структур социального мира, которые могут действовать во вред.

Роль публики и публичной сферы с течением времени при использовании прессы трансформируется в институт общественного мнения,

наделенный функциями легитимации власти. Однако публичная сфера испытывает обратное влияние массовой прессы и властных институтов, и со временем капиталистическое общество превращает публику в пассивного агента политического перформанса, такое видение потребителя мы видим и сейчас в особенности в рамках политического дискурса в выступлениях политиков и т.д. Хабермас описывает этот процесс как «рефеодализацию СМИ» [46] в начале XIX в.: рационально критический диалог, инициированный в эпоху расцвета книгопечатания, размывается практиками потребления, процессе коммерциализации буржуазных медиа.

В обществе постмодерна, где интересы граждан подчинены «индустрии культуры» [47] и политическому перформансу, институты СМИ начинают работать в интересах властных элит и, определенным образом, влиять в пользу власти. Давление на публику снижает ее политическую активность и делает из нее потребителя медиапродукта. Граждане пользуются сервисами государственных структур и принимают на себя роль потребителя, снижая свою ответственность перед обществом и самим собой, на манер рыночных отношений, полагаясь на решения властных институтов. Такие тенденции формируют «манипулятивную» публичную сферу [58, с. 211–222], создаваемую рынком и властными институтами для легитимации существующего социального порядка и его последующего воспроизводства. [36]

Риски, что порождаются данными тенденциями, могут сказать о том, насколько важно в современном мире стремиться к осознанному и внимательному анализу того, что нам каждый день предлагают институты СМИ и тем более в связи с развитием интернета и расцветом социальных сетей.

Также эти положения играют роль той базы, которая может быть применима не только в анализе коммуникации и дискурса, и общества, но также и реализации педагогического процесса на основе теории

коммуникативного действия и концепции публичной сферы, и в первую очередь на основе диалога, взаимопонимания и консенсуальности, которые являются ключевыми компонентами теории данного ученого. Институт образования обладает большим потенциалом как для продуктивного диалога, так и для плавных и позитивных изменений, корректировки норм «снизу», введения инновации и новаторства при помощи субъект-субъектных отношений, «деконкуризации» и «декапитализации» педагогического и образовательного процессов.

Другими словами, положения Ю. Хабермаса позволяют нам говорить о том, что общество может быть изменено мирным путем, через социальную коммуникацию, преимущественно в диалоге, как наиболее эффективной реализации коммуникативного действия. Нужно обратить особое внимание на его когнитивный подход к морали и вытекающую отсюда теорию истины на основе консенсуса. Этика дискурса, утверждает Хабермас, «покоится или же рушится» благодаря двойному предположению, что «нормативные требования правильности имеют когнитивное значение и могут трактоваться как требования истинности», и что «оправдание норм и установок требует, чтобы имел место реальный дискурс и, таким образом, не может осуществиться в строго монологической форме...». В текущей ситуации немногие могут вести диалог адекватно. Наиболее ярко мы можем видеть выражение вышесказанного предположения в коммуникации властных структур и общества в России, именно поэтому важно рассмотреть сферу политики, которой Ю. Хабермас уделял большинство своего внимания и работ, а также политический дискурс как актуализированный текст в контексте жизненного мира и социальной действие. Основой для такого воззрения на общество, сферу политики и роль дискурса, также является теория данного ученого.

Также стоит рассмотреть другую точку зрения на коммуникацию, которая отличается от вышеописанной. В рамках системного подхода Никлас

Луман сформулировал свое понимание коммуникации как элемента системы..

Изначально, заявив свою позицию как критическую по отношению к «обиходному пониманию коммуникации», он отталкивается от факта дифференциации психологии и социологии и его цель раскрыть непростое, в силу его междисциплинарного использования, для социологии понятие коммуникации с наиболее четкой социологической точки зрения, в рамках системного подхода. Он говорит: «В социологии к таким «осадкам» относятся понятия действия и коммуникации. Обычно они используются в отношении субъекта. Они предполагают автора, обозначаемого как индивид или как субъект, которому могут быть приписаны коммуникация или действие. Но при этом понятие «индивид» или «субъект» используется только как пустая формула для одного, самого по себе высококомплексного факта, который выпадает из компетенции психологии и уже не интересует социологов.» [31]

Далее Н. Луман говорит о том, что «коммуницировать может только коммуникация» и связано это с тем что в рамках социальной системы которая является самовоспроизводящейся по своей сущности, коммуникация является базовым элементом данной системы и в сети таких элементов производится то, что рядом исследователей понимается как коммуникационное действие. Таким образом автор разводит два понятия, структурируя их. Делает он это на основе новых витков развития теории систем: «Однако ясно очерчивается реконструкция теоретических средств, коренящихся в теории познания и охватывающих биологию, психологию и социологию». Суть их сводится к тому, что положение самоописания как об особой черте мышления опровергается и переходит к положению о том, что самоописание «выступает всеобщим принципом системного построения с особыми следствиями, касающимися комплексности и эволюции». В соответствии с этим Луман предполагает следующее: «Нужно заняться не

понятием действия, а понятием коммуникации, поскольку не действие, а коммуникация является неразложимой (элементарной) социальной операцией и, к тому же, именно той операцией, которая неизбежно включается всегда, когда образуются социальные ситуации». Соответственно коммуникация рассматривается как относительно обособленное понятие.

По Н. Луману коммуникация является эмерджентной реальностью, которая устанавливается через синтез селекции информации, селекции сообщения этой информации и селективного понимания или непонимания сообщения и его информации. Только вместе эти компоненты производят саму коммуникацию, при согласовании селективности каждого с каждым.

Также уделяется внимание различию коммуникации и восприятия. Разница в том, что коммуникация, давая «богатые возможности для восприятия», которое осуществляется вместе с ней, является коммуникационной по своей сути, в самореферентной системе она продолжает воспроизводство самой себя будучи элементом системы. Восприятие же «остается событием прежде всего психическим», оно замкнуто в сознании, хотя оно может быть внешним поводом для последующей коммуникацией. Участники могут вносить в коммуникацию восприятия и связанные с ними интерпретации событий, но только по законам самой коммуникации «к примеру – только в языковой форме, только в используемое для речи время, только через навязывание, проявление, заявление самого себя, то есть, только в таких «обескураживающих» условиях. [31]

Описывая понятие коммуникации он, противопоставляя его точке зрения других авторов, которые склоняются к теории действия, в том числе Юргена Хабермаса, говорит следующее:

«Их понимание коммуникации по-прежнему исходит из теории действия и, вследствие этого, они рассматривают процесс коммуникации как

успешный или неудачный перенос известий, информации или требования понимания.

В противоположность этому, подход системной теории к данной проблеме предполагает особое внимание к эмерджентности самой коммуникации. Ничто не переносится. Создаётся избыточность в том смысле, что коммуникация порождает память, которая может быть использована многими и весьма различными способами. Если некто, А, сообщает нечто некоему В, то дальнейшая коммуникация может обратиться как на А, так и на В. Система как будто пульсирует, постоянно создавая избыток и производя селекцию.»

Итак, вместо идеи консенсуса Хабермаса, Луман, в рамках теории систем, ставит тезис: «коммуникация ведёт к обострению вопроса, вне зависимости от того будет сообщенная и понята информация принята или отклонена».

Открывается поле форсирования «альтернативных состояний», которое не могли быть возможными без коммуникации. Коммуникация выступает как «морфогенетический фактор», который приводит к созданию институтов, которые «даже при невероятных коммуникациях обеспечивают готовность их принятия». Данное положение важно для оценки политического дискурса в рамках развития политических институций как социальной подсистемы, базируемой на коммуникации.

Говоря о ценностном отношении коммуникации, Луман, снова отталкиваясь от позиций Хабермаса по включению требований значимости в коммуникацию, говорит о том, что эмпирически можно наблюдать имплицитность ценности по отношению к коммуникации: «Ее предполагают. На неё намекают. Не говорят прямо – «я за мир», «я ценю своё здоровье».

Тем самым Луман выводит мысль о том, что ценности «означают серьезную подстановку их значимости». «Тот, кто коммуницирует,

ориентируюсь на ценности, пользуется бонусом ценности – дать о себе знать, если он не согласен, должен при этом другой». Таким образом протестная сторона вынуждена испытывать себя в аргументации первой, она «попадает в опасность необходимости думать инновативно и изолироваться». «Дискутируют не о ценностях, а о предпочтениях, интересах, положениях, программах.» – заключает Луман, что дает привести предположение о том, что ценности не являются некой стабильной структурой, напротив «психологически ценности кажутся вынужденными вести чрезвычайно подвижное существование. Они то используются, то не используются без того, чтобы для этого можно было бы открыть некий вид глубинных психологических структур. Их стабильность — я хочу это сформулировать провокативно — исключительно коммуникационный артефакт, и автопоэтическая система сознания обходится с ним так, как ей заблагорассудится. И именно вследствие того, что в этой игре присутствуют структуры аутопойезиса социальной системы, ценностная семантика годится для наглядного представления основных положений социальной системы для собственного употребления».

Последние положения помогают лучше определить коммуникацию не только в рамках системы, но и в рамках политического дискурса, выраженного в монологичной форме в публичных речах, например, в речах политиков. Нейтральность самой коммуникации и ее «базовость» для системы позволяет оценивать и отсеивать имплицитные качества, четко различать коммуникацию и дискурс, как реальность, произведенную в сореализации систем коммуникации, жизни и сознания, «то есть с другими уровнями реализации автопоэтической системы.» [31]

Обращая внимание на методологические различия данных ученых, можно сформулировать два основных аспекта, в которых мы рассматриваем социальную коммуникацию и дискурс в целом.

Во-первых, это интегрированный подход Ю. Хабермаса, в котором мы можем найти обоснование значимости диалога, который в основном направлен на достижение определенного консенсуса, а также то, что включается в каждый акт коммуникации, а именно притязание на значимость. Притязание на значимость важен как элемент коммуникации, который по сути своей указывает на то, что информация, передающаяся каждым из акторов подается ими как истинная, с целью влияния на второго участника. В этих воззрениях мы подходим к отношению коммуникации и реализации власти или ее потенциальной реализации. Данные положения применимы как в рамках институций при диалоге социальных общностей и групп, например, профессиональных групп педагогов и чиновников или на примере диалога педагогов и студентов, даже при учете изначально неравного положения как в первом, так и во втором примере. Рассмотрение процесса взаимодействия в рамках точки зрения Ю. Хабермаса позволяет провести достаточно качественный анализ взаимодействия не только в рамках политического дискурса, но и в рамках образовательного дискурса как одного из дискурса символических элит.

Во-вторых, это определение коммуникации в рамках системного подхода Н. Лумана как элемента системы, который является базовым для функционирования и воспроизводства ее самой. Отталкиваясь от этого положения, можно сказать, что важность изучения коммуникации проявляется с самого факта невозможного игнорирования коммуникации как системообразующего элемента, пронизывающего нашу повседневность при всей своей невероятности, а значит невозможности предсказывать. Также представляется возможность рассматривать составляющие коммуникации – постоянную селекцию информации, сообщения и понимания. Соответственно, для адекватного понимания взаимодействия в обществе нам необходимо учитывать возможность такого положения коммуникации в общественной системе. Кроме того, в рамках отношения дискурса и власти

положение об имплицитности ценностей в коммуникации и ее истинная нейтральность говорят нам о том, что ценности, включаемые участниками коммуникации, включаются для направленного идеологического воздействия, понимая идеологию «как комплексную когнитивную систему, контролирующую формирование, трансформирование и применение других социальных знаний, таких как мнения и оценки, а также социальных репрезентаций, включая социальные предубеждения.»[17] Данные положения предоставляют возможности для изучения коммуникативных и дискурсивных процессов, а также акцентируют внимание на возможности их анализа.

На основе вышесказанного мы можем разделить понимание коммуникации в рамках подходов, связанных с гуманитарными дисциплинами, где коммуникация представляется скорее, как качественная единица анализа, в нашей работе представитель данного направления – Юрген Хабермас, а также связанных с математикой и кибернетикой, представитель Никлас Луман, где коммуникация представляется скорее, как количественная единица. Хабермас раскрывает дискурсивность именно как диалогичность, что, несомненно, является важной частью нашего исследования. Несмотря на критику воззрений Ю. Хабермаса другими учеными, мы можем остановиться на Н. Лумане, который указывал на то, что Хабермас переоценивает консенсус в дискурсе и коммуникации и недооценивает конфликт. Также через воззрение Лумана на коммуникацию мы можем рассмотреть данное явление в рамках теории систем как ключевой элемент в самовоспроизводстве и изменении самой системы. [31]

В данной работе нам важно показать значимость воззрений Хабермаса как того, кто сформировал теорию о ненасильственном улучшении общества через осознанную коммуникацию и дискурс, с акцентом на взаимопонимание и консенсус. Данное воззрение отражается в отношении дискурса и власти, Отношения между этими структурами зачастую строятся именно на

консенсуальных моделях взаимодействия, которые могут реализоваться в конкретной ситуации социального взаимодействия в образовательном учреждении. Возможность анализа и достаточно четкого научного подхода в отношении социальной коммуникации и ее анализа предоставляется через методологических положения теории системы Никласа Лумана.

На основе этих двух «столпов» науки и немецкого направления философии, политологии и социологии мы можем оценить значимость как коммуникации, так и специфической коммуникации в политике, по Н. Луману коммуникацией с имплицией идеологических установок. Политическая коммуникация отражает мир политики и имеет свой особый язык – политический дискурс, который представляет мир. Политический дискурс по сути своей обслуживает все сферы политической жизни общества и имеет основную цель – оказывать влияние. [97]

Переходя к рассмотрению специфики дискурса, а затем и политического дискурса, как наиболее релевантного в нашей работе нам следует начать с рассмотрения теории дискурса в интегративной парадигме.

Для нас важен этический аспект, который Ю Хабермас привнес в понимание коммуникации. Осознание того, что с помощью качественного коммуникативного действия мы можем прийти к решению, которое удовлетворяет каждого из коммуникантов, сформировать консенсус, чрезвычайно важно в ситуации постоянного напряжения и агрессии. На основе этих взглядов мы можем утверждать, что сущность использования критического дискурс анализа в образовательном процессе не только в развития коммуникативных навыков через формирование навыков работы с текстом и дискурсом, но также и попытка вдумчиво использовать язык в повседневном взаимодействии.

Далее, основываясь на воззрениях Ю. Хабермаса мы рассмотрим дискурс и политический дискурс как специфическую дискурсивную сферу, в которой осуществляется определенное социальное действие (дискурсивный

акт). Данное социальное действие (практика) заключающееся в актуализации определенного текста в рамках культурно-исторического контекста и конкретной дискурсивной ситуации, производимое с целью достичь мнимого или реального консенсуса, или конфликта, через определенные стратегии и тактики. Мы обратим внимание на критическую позицию Франкфуртской школы, развитую в направлении критического дискурс-анализа, дополняя ее вышесказанными взглядами Ю. Хабермаса.

Однако, методологически значимые положения не удовлетворяют наших интересов в полной мере.

Определение Н. Луманом коммуникации как нейтрального элемента, ее «базовости» и ключевой роли в системе, с возможностью имплицитности ценностных позиций и установок, является лишь обоснованием возможности, фундаментальным и теоретизированным положением. В нашей же работе мы рассматриваем более прагматичное, практическое использование социальной коммуникации.

Ряд положений Ю. Хабермаса позволяет говорить о социальной коммуникации, дискурсе как о включенных в теорию рационального действия. Это позволяет определить акторов как участников взаимодействия, каждый из которых осознанно преследует определенные цели, сознательно участвуя в процессе социально-ориентированной практики – дискурса. Соответственно для нас открывается возможность «инструменталистского» подхода к понятию социальной коммуникации и диалогичного понимания понятия дискурса, что достаточно актуально в рамках педагогического процесса. Однако, в данном случае понимание излишне сужается, а акцент на достижении согласия через наиболее рациональную и легитимную модель является скорее кантианской утопией рациональности, нежели реально работающей теорией. Мы используем социальную коммуникацию и дискурс не только для того, чтобы прийти к консенсусу, но также и для конфликта, его провоцирования и эскалации, тем более в рамках системы образования.

Кроме того, люди не являются полностью рациональными, что редуцируется в рамках данной теории.

Тем не менее, данные теории и положения, которые мы рассмотрели выше, позволяют нам сформулировать отправную точку, где совмещаются возможность действия и влияния на структуру образовательного процесса и системы взаимоотношений. Наличие идеальной модели позволяет рассматривать процессы, которые проходят в коммуникативной и дискурсивной сферах с критической позиции. Именно благодаря подходу к коммуникации, который сформулировал Ю. Хабермас мы можем предположить, что развитие коммуникативных навыков, через включение в определенные нормативные структуры (например, герменевтические), может быть важно для позитивного развития общества.

Для того, чтобы в полной мере удовлетворить задачам нашей работы, нам следует обратиться к воззрениям других ученых, которые разрабатывали понятие «дискурс» в рамках междисциплинарного подхода: лингвистики, семиотики, социологии и политологии.

1.2 Теоретические подходы к понятию дискурс

Стремительное развитие дискурсной методологии и дискурсных теорий в современных гуманитарных науках, а также их последующая популярность во многом обусловлена не только и не столько историко-социальной, и культурной конъюнктурой, но и развитием внутри самой науки, различных школ и парадигм. Наука обладала «внутренней силой» для разрастания и углубления в различные сферы деятельности человека. Именно для понимания основных течений теорий дискурса стоит рассмотреть внутреннюю динамику науки по отношению к данному понятию, а в особенности вторую половину XX века, как наиболее продуктивную в развитии.

По мнению И.Т.Касавина, привлечение исследовательского внимания к дискурсной проблематике (в первую очередь – понятийно-терминологической) связано, главным образом, с индивидуализацией языковой коммуникации, «когда тексты начали избавляться от анонимности и вставал вопрос об их генезисе в процессе личного творчества» [3, 32], то есть в эпоху Возрождения. Изначально термин «дискурс» восходит к латинскому «discutere», что означает «обсуждать», «вести переговоры». Именно в схожем значении он использовался в науке XVI - XVIII веков [32]. Дискурс рассматривается как научная речь, которая зачастую направлена на изучение природы вещей и общества, в связи с основными научными направлениями тех веков. Можно сказать, что дискурс в данном значении рассматривается как инструмент научного поиска и исследования.

Затем такое понимание дискурса побуждает некоторых исследователей к его «догматизации». Как отмечает И.Т. Касавин, «в этом контексте историческая миссия дискурса состояла в создании функционального эквивалента божественному откровению» [25, 41]. «Дискурсивным» стало называться такое систематическое, рассудочное, аналитическое мышление, которое последовательно делает познаваемым предмет изучения (Р. Декарт). Дискурсивное мышление полагается в противоположность синкретическому мышлению и интуиции. В работах Канта и Гегеля «дискурсивный» становится оппозицией по отношению к «интуитивному»: Кант противопоставлял дискурсивную ясность понятий, достигаемую посредством рассуждений, интуитивной ясности, достигаемой посредством созерцаний; Гегель, понимая дискурсивное мышление как формальное и рассудочное, противопоставлял его спекулятивному мышлению.

Дискурс представляется как самодостаточное явление, хранящее в себе весь необходимый потенциал для своего воспроизводства. Это представление происходит от отношения к рассудочному мышлению, где оно направлено на интроспекцию и саморефлексию. Дискурс в данном понимании не

нуждается и не предполагает «внешних» речевых или мыслительных стимулов для дальнейшего саморазвития и саморазворачивания.

Именно в такой интерпретации («дискурс как монолог», «дискурс как саморефлексия», «дискурс как система») он противопоставляется разговорной речи или повседневным диалогам.

В XVIII в. понятие дискурса дополняется специфичной жанровой склонностью в виде эссеистского научного трактата, который был популярен в данное время. Так, такая характеристика как интроспекция и саморефлексия плавно переходила во вполне свободный стиль изложения своих мыслей, в виде эссе. Таким образом, дискурс и научный трактат эссеистского типа сосуществовали друг с другом в качестве не просто синонимических понятий, но, скорее, как содержание и форма.

В XIX в. эссеистский стиль научной письменной и устной речи заменяется точным стилем описания. Это в основном было связано с представлением о науках в рамках «позитивистской» и «натуристической» парадигмой, где истина определялась как количественно выражающийся феномен. Это изменяет требования к форме выражения научных трудов. Наука не допускает «свободного» изложения рационального, соответственно, понятие дискурса не может существовать как прежде и, либо вымещается из научной сферы в область эстетического, либо подвергается понятийному изменению. В понятие привносятся формально-логические и терминологические параметры в соответствии с действующей конъюнктурой. [94]

Из выше сказанного следует что понимания дискурса разделяется на два радикальных направления. Это либо научное формальное-логическое и строгое понимания дискурса, либо свободное эссеистское понимание которое уходит корнями в саморефлексию и интроспекцию, но уже обращенное в сферу «гуманитарных» наук. Данное положение важно для дальнейшего

рассмотрения в бурном развитии теории дискурса второй половины XX века и в определенной степени обуславливает и предвосхищает его.

В конце XIX – начале XX века, в связи с развитием аналитической и лингвистической философии, интерес к дискурсной проблематике снова возрастает. Г. Фреге, Ч. Пирс, Л. Витгенштейн, Ч. Моррис и другие обращаются в своих исследования и работах к проблеме языка. Данную ситуацию в философии называют «лингвистический поворот», который раскрывается в смещении исследовательского акцента с метафизики сознания на проблему языка как предельного онтологического основания мышления. Формула «язык – царство бытия» становится основной для лингвистически ориентированных исследований того времени. Однако дискурс как термин не используется широко и не затрагивается в силу активной переработки базовой категории – языка. [94]

Во второй половине XX века ситуация меняется: дискурс, как ключевая категория научного анализа, становится очень популярен, а также как предмет исследований в области множества философски культурологических и социально-гуманитарных дисциплин. Это обусловлено с одной стороны тем, что в это время происходит также дифференциация гуманитарных наук: появляются психосемантика, этнография, социальная антропология, социальная психология, историография, этнография, социолингвистика и т.д. С другой стороны, предмет дискурс-анализа, а именно сам дискурс, предполагает разработку междисциплинарной методологической программы, так как дискурс является многоуровневым и имеет множество аспектов.

Изначально можно определить пионера реинтерпретации термина «дискурс» в гуманитарных науках XX века бельгийским лингвистом Э. Бюиссансом, который является автором «Язык и дискурс» 1943 года. [13] Он расширяет классическую бинарную оппозицию «язык-речь» с помощью введения нового элемента – дискурса. Дискурс понимался как «медиум» или «проводник» между живой речью и абстрактной знаковой системой. В этой

оппозиции, дискурс был введен как механизм актуализации языка в естественной коммуникативной ситуации, в результате чего разворачивалась речь. Однако, до конца 60-х годов XX века понятие «дискурс» в широком академическом употреблении не выделялось в отдельную категорию и использовалось зачастую как синоним понятиям речь, текст, а иногда даже язык и коммуникация. Это связано в первую очередь с возникновением и развитием семиотики как общей теории знаковых систем, и с ее успешными действиями по расширению представлений о языковых формах. Согласно данным представлениям, язык существует в многообразных формах и включает в себя как невербальные, так и вербальные репрезентации. Язык проявляет себя и в графическом изображении, и в телесных жестах, и в иных знаковых формах.

С точки зрения Ролана Барта семиотический проект предполагает изучение «больших значащих единиц», к которым он относит дискурс и тексты. Они, в свою очередь, понимаются как синтетическое и интегрирующее транстекстуальное образование, которое обладает рядом свойств: функциональностью, процессуальностью и актуальностью. [7] Таким образом, в 1970-х годах происходит дифференциация текста и дискурса в научных исследованиях: либо текст и речь трактуются как аспекты дискурса, либо дискурс интерпретируется как способ актуализации текста (по аналогии с «предложение-высказывание»). В первом случае дискурс является первичным по отношению к тексту, соответственно исследовательские проекты могли включать широкую предметную область, фактически любое действие с использованием речи и языка. Во втором случае, когда текст первичен по отношению к дискурсу – изучение дискурса предполагается исследование преимущественно динамической формы существования текста, а анализ приобретает черты формально-функционального исследования. [94]

Последствием такого двоякого понимания содержания понятия «дискурс» является то, что к концу 1970-х годов формируются и интенсивно

развиваются несколько независимых направлений анализа дискурса, среди которых можно перечислить наиболее сильные: а) социалингвистика (Дж.Фишман, С.Эрвин-Трипп, У.Лабов; б) теория речевых актов (Дж.Остин, Дж.Р.Серль, П.Коул и др.); в) французская школа дискурс-анализа (М. Пеше, П.Анри, Ж.Ж.Куртин); г) Бирмингемская школа дискурс-анализа (Дж.Синклер, М.Куохард и др.); д) конверсационный анализ (Г.Сакс, Э.Щеглов, Г.Джефферсон и др.); е) критический дискурс-анализ (Т.А. ван Дейк, Р.Лаков и др.).

Стоит отметить, что в нашей работе важно то направление, которые предприняли попытку интегрировать лингвистические концепции в политологию и семиотику, а именно критический дискурс-анализ. Выраженные лингвистические течения представлялись Бирмингемской школой и конверсационным анализом, с интеграцией в другие науки- в социологию – социалингвистика, в философию – французская школа дискурс-анализа и так далее.

Также следует рассмотреть дальнейшее развитие в рамках дифференциации по содержанию понятия «дискурс», которое перешло в рамки «лингвистических», «философско-культурологических» и «социально-гуманитарных» школ.

Лингвистические школы объединяет то, что они в качестве важнейшей структурной единицы дискурса берут его тематическое ядро, топику. Организация смысла в дискурсе и его специфика определяется не контекстом, не целью и не исследовательской проблемой, а непосредственно темой, трактуемой как динамическое образование, в силу развертывания в ходе дискурсивной практики.

Внимание к динамической стороне дискурса, а также утверждение первичности дискурса по отношению к тексту является важным аспектом в интерпретации дискурса в теории коммуникации: дискурс как

коммуникативное действие в ходе которого производятся и артикулируются тексты.

Дискурсная проблематика, развиваемая лингвистами, затронула даже область исторической эпистемологии: анализ исторического дискурса был комбинирован с семиотическим подходом, что вылилось в разработку лингвосемиотической концепции дискурса как нарратива (Х. Уайт, Р.Барт, Ф.Анкерсмит). Следуя логике этой концепции базовыми компонентами дискурса (по Уайту) являются: типы сюжетопостроения; стратегии аргументации; идеологические импликации. Типов сюжетопостроения выделяется четыре: романтический нарратив, трагедия, комедия и сатира. Основанием для такой классификации является характер архетипа, лежащего в основе повествования: это, соответственно, победа добра над злом, гибель победившего героя, эпизодические победы при невозможности конечного триумфа, триумф мира над человеком. Основными типами дискурсивной аргументации Уайт называет формизм, механицизм, органицизм и контекстуализм. К идеологическим импликациям (стратегиям) Уайт относит анархизм, радикализм, консерватизм и либерализм. Все компоненты соотносятся между собой, определяя и специфицируя определенный дискурс. Однако данный подход не смог выполнить роль «каркасной» структурной модели дискурса, ограничившись изучением нарративных историко-политических текстов. [94]

Итак, активное «рассеивание» и специализация теорий дискурса в пространстве смежных дисциплин привело к тому, что лингвистка «взяла на себя» узкую область дискурсивных исследований – это организация дискурса на языковом уровне: лексика, синтаксис, грамматика.

Дальнейшее развитие дискурсная проблематика, категория дискурса и собственно дискурс-анализ получают «за пределами» лингвистики – то есть в сфере философии, культурологии и социально-гуманитарных науках. Это развитие, безусловно, в значительной степени обусловлено

вышеупомянутыми достижениями лингвистики, что можно увидеть в дальнейшем при рассмотрении определенных направлений дискурс анализа, например, ИДМ (исторический дискурс-метод) и КДА (критический дискурс-анализ).

В социально-гуманитарных теориях дискурса и философско-культурологических так же, как и в лингвистических теориях, нет единства мнений и взглядов на дискурс, его природу, параметры и основные категории. Но, если в лингвистике главный конфликт был между первичности дискурса или текста, то в остальных науках суть в различных исторических трактовках «дискурса». Как мы говорили, в конце XIX века дискурс трактовался либо как строгое научное монологичное рассуждение, либо как эссеистское свободное изложение мыслей.

Философско-культурологические теории дискурса в двадцатом веке, в основном, относятся к двум направлениям.

К первому направлению относят французские школы дискурс-анализа (например, Мишель Фуко, Жан Бодрийяр, Жак Лакан, Мишель Пешё, П.Анри, Ж.-Ж.Куртин).

Данное направление основывается на критике рациональности в трудах Ницше и Хайдеггера, философии жизни Бергсона, а также на постструктуралистских концепциях. Дискурс в этом направлении изучается в рамках традиции понимания данного понятия как риторическое и эстетическое образование, эта группа теорий, в основном, ставит тождество между феноменом власти и дискурсом, полагая его исключительно в сфере социальных взаимодействий и отношений. В рамках этого направления обычно выделяют две главенствующие теории, радикально повлиявшие на содержание большинства исследований дискурса: психоаналитическую теорию дискурса Жака Лакана и теорию дискурсивных формаций (теорию археологии и генеалогии) Мишеля Фуко. [44, 45]

Жан Бодрийяр расширяет понятие дискурса, тем, что включает предметы обыденной жизни, так как они, по его мнению, выполняют не просто бытовые, но и социально коммуникативные функции, а также транслируют социальные смыслы, активно участвуя в воспроизводстве общества, в его культурном и институциональном аспектах. В рамках «общества потребления» Бодрийяра основной чертой современности является то, что, с одной стороны, условием воспроизводства культуры, а с другой стороны, способ действия современных дискурсивных практик является потребление. Обладать дискурсами – обладать всем символическим миром, в то время как обладать властью – обладать только реальным миром [10]

Кроме включения предметного мира в поле дискурсных исследований, французские культурологи и философы включают, также, и анализ идеологических формаций. Например, Патрик Серио предметной областью дискурс-анализа определяет: «тексты в полном смысле этого термина, произведенные в институциональных рамках, которые накладывают сильные ограничения на акты высказывания; наделенные исторической, социальной, интеллектуальной направленностью» [38, с. 58].

Соответственно, такое расширение границ анализа предполагает анализ текстов, которые содержат, поддерживают и конструируют определённые идеологические позиции. Сам корпус текстов трактуется, в этом случае, как элемент социального института, представляющего собой условия появления тех или иных высказываний. Можно сказать, что в рамках французской традиции дискурс-анализа, формулируется проблема субъекта дискурса, которая определяется утверждением, что производство и распространение дискурсов не во власти индивидов, а во власти институциональных образований – армии, церкви, государственного аппарата, здравоохранения и т.д., и именно они определяют, что можно, а что нельзя говорить. [44; 45]

Мишель Пеше делает акцент на связи фукианской теории дискурсной формации с теорией идеологической формации Луи Альтюссера. Пеше понимает дискурсную формацию как репрезентацию, артикуляцию, реализацию предзаданных идеологических (социокультурных, культурных, социальных) установок коммуникантов. В данном фрагменте, идеология рассматривается как то, что определяет и содержание, и способы производства дискурса.

Таким образом, в теории Пеше дискурс становится своего рода идеологическим «перформансом», формой насилия над индивидом. [60] В дальнейшем эта идея развивается в рамках постструктуралистов, таких как Жак Деррида, Юлия Кристева, Славой Жижек, которые сформулировали еще одну глобальную задачу теории дискурса, а именно выработка стратегий сопротивления идеологическому насилию и способов элиминации негативного влияния дискурса.

Стоит отметить, что эти направления относительно независимы, а в наше время, можно заметить, как многие из них пересекаются и дополняют друг друга, что можно также увидеть при изучении школы критического дискурс-анализа.

Ко второму направлению можно отнести дискурсные теории в рамках немецких школ философии языка [41] (например, прагматические теории Ю.Хабермаса и К.-О.Апеля, конструктивистские теории Эрлангенской школы, теория верификационной семантики Э.Тугендхата, «философия нормального языка» А.фон Савиньи и другие). Базовые положения этих школ опираются как на идеи Канта о рассудочном монологическом дискурсе как форме познания, так и на англо-американские теории речевых актов. Другими словами, данное направление теорий является наследником традиции конца XIX века, определявшей дискурс нормативным, формально-логическим образованием.

В первом параграфе, мы лишь немного коснулись воззрений на дискурс данного ученого, здесь мы углубим и рассмотрим другие позиции Юргена Хабермаса. В рамках теории коммуникативного действия он формулирует логико-этические принципы дискурса.

Хабермас предпринял попытку интеграции понятия «дискурс» в корпус категорий, определяющих систему социального действия. В рамках его теории, повторимся, это нормативное, драматургическое, стратегическое и коммуникативное действия, где наиболее рациональная и продуктивная модель в формировании стабильных и легитимных отношений. Дискурс же, будучи разновидностью социальноориентированной практики, поддерживает реализацию коммуникативного действия, образуя идеальную поведенческую модель. Нормативно, дискурс осуществляется при соблюдении ряда правил, которые были описаны в первом параграфе, в рамках реализации идеальной коммуникативной ситуации, что в целом определяет потенциальную позитивную значимость дискурса, о которой мы говорили в завершении первого параграфа.

В социально-гуманитарных науках, полипарадигмальных и междисциплинарных по своему определению, и в силу историко-социальных условий, теории дискурса были основаны, зачастую, путем проецирования философско-культурологических и лингвистических концепций дискурса на ту или иную дисциплину. Это было связано с тем, что научное сообщество, к концу 70-х годов XX века, пришло к соглашению о том, что объектом лингво-ориентированных теорий должно стать актуальное использование языка в социальном контексте, а не оставаться абстракцией или идеальной языковой системой.

Так, например, в американской конфликтологии, поле исследований кризисных коммуникативных ситуаций создало почву для «деятельностно-ориентированных теорий дискурса» (К.Трейси); дискурсные исследования в рамках американской социальной психологии пересекаются с изучением

речевой интеракции и обозначаются термином «дискурсивная психология» (М. Уэзерелл, Я. Поттер); в сфере культурантропологии структурный анализ мифов, сказок, загадок и других форм устного творчества создал основу для исследований способов коммуникации в различных культурах – в частности, для «этнографических исследований разговора» (У.Лабов, Н.Рис, Э.Щеглофф) и «интеракциональной социолингвистики» (Дж.Гамперц, З.Бауман, И.Гоффман); в европейской политологии критика политических отношений сопрягается с деконструктивистскими моделями языкознания и образует «критический дискурс-анализ» (Т.А. ван Дейк, Н.Фэрклоу, Э.Лаклау, Р.Водак); в европейской когнитивной психологии, растущий интерес к проблемам семантической памяти, привел к разработке когнитивных моделей понимания связного текста и дискурса (Д.Кинч, Т.Ван Дейк). [94]

В 90-х годах XX века активизируется интеграция дискурсных теорий, чего не было до этого. Между психологией и лингвистикой, лингвистикой и социологией, а также между психологией и антропологией, политологией и этнографией, семиотикой и политологией. Эти тенденции приводят ученых к выводу о необходимости новой дисциплины – дискурсологии, целью которой мог бы быть синтез основных достижений относительно разрозненных научных теорий дискурса.

Стоит отметить что наша работа в полной мере соответствует данной тенденции и явно включает в себя пересечения социологии, лингвистики, политологии, педагогики.

Следствием эволюции теорий дискурса является то, что понятие «дискурс» значительно расширилось от сугубо лингвистического явления до трансцендентального метафизического феномена. Дискурс-анализ претендует на статус самостоятельной области научного знания, а не только прикладной. В рамках общей теории дискурса можно подробнее рассмотреть 4 основные направления трактовки.

Первая трактовка – формальная. Здесь дискурс рассматривается как категория устной или письменной речи – произведение, относительно завершённое, структурно и по смыслу. Длина дискурса варьируется от двух и более связанных высказываний до цельного произведения (беседы, описания, лекции и т.д.) Данная трактовка зачастую используется в рамках лингвистических теорий.

Вторая трактовка – прагматическая. Акцент в ней ставится на прагматику реализации высказываний и воздействие факторов (культурных, социальных, психологических) на данную реализацию. Данная трактовка характерна для прагматических теорий как в социологических, так и в семиологических, лингвистических дисциплинах.

Третья трактовка – функциональная. Дискурс в ней – любой способ функционирования языка в социальном контексте. Хотя позиции и идеи формального подхода прочны в европейской социально-гуманитарной традиции, функциональный подход имеет сильные позиции в России и частично в Европе. Данная трактовка распространена в социологических и социолингвистических функционалистских подходах.

Четвертая трактовка – критическая. В ней дискурс рассматривается как ряд предписаний, правил, требований и их практической реализации в целях рационализации, оценивания и наделения смыслом социальных фактов. Использование такой трактовки свойственно «критическим» подходам ряда теорий: социологических, политологических и философских. В рамках данной трактовки, понятие дискурс наиболее абстрактное, так как оно может относиться к социальной общности, целой культуре или специфическому историческому периоду.

Но, прежде всего, стоит начать с методологического разделения понятий «текст» и «дискурс» на основе лингвистики как науки, что изначально занималась языком, текстом и речью, а затем стала первопроходцем разработки и изучения дискурса в рамках возрастания

интереса к данному понятию. В нашей работе, мы считаем, стоит обратить внимание не только на зарубежную методологию, но и на работы и определения отечественных ученых.

Текст, представляя «опредмеченную форму акта коммуникации» [10, с. 6], понимается как «методически целесообразный, аутентичный фрагмент культурно-языкового пространства, в рамках которого моделируется взаимодействие актора через управляемые текстовые деятельности» [98].

Понятие «дискурс» и его разработка в лингвистике связано с попыткой внести в дихотомию понятий «текст» и «речь» с помощью введения нового элемента. Данный исторический эпизод мы рассмотрим ниже, при анализе исторического аспекта развития понятия «дискурс». Здесь стоит отметить, что акцент дискурса был направлен на преобладание «речевой стороны», которую, при этом, можно будет описать как традиционными методами лингвистики, так и иными методами в рамках других наук. [99]

В современной науке, наиболее сильным стало положение о том, что понятие «дискурс» шире понятия «текста». Дискурс — это «сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [16, с. 8]; текст не может быть объяснен «вне исторического, социокультурного, психологического контекста восприятия порождения текста, иначе, вне дискурса» [44, с. 36]. Однако, стоит рассмотреть различные трактовки наиболее полно, в сравнении с определением и ролью текста по отношению к дискурсу.

При сравнительном анализе этих понятий можно выявить ряд наиболее значимых различий, которые помогут нам понять сущность данных понятий, а также различия в трактовках дискурса. Мы выделяем шесть направлений трактовок:

Первое направление относится к пониманию структурированности, системности речи. Распространено мнение, что дискурс — это речевая единица, а текст — языковая. Такое противопоставление встречается в оппозиционных парах более мелких единиц: фонемы и звука; морфемы и морфа; лексемы и словоформы; предложения и высказывания, и, в завершении, текста и дискурса. В рамках этой логики Т. ван Дейк предложил и популяризировал мнение о тексте как абстрактной сущности, которая актуализируется в дискурсе. [16] Также существует противоположная точка зрения, Андреева В.А пишет, что текст — это лишь физический феномен, который не имеет отношения к психическим сущностям, то интерпретировать можно лишь не сам текст, а процессы дотекстовые и послетекстовые, то есть дискурс. [4] Белявская Е.Г определяет текст как реальность, которая дана в непосредственном ощущении. Текст видим, читаем, передаваем, то есть мы можем осуществлять манипуляции, которые не связаны с изучением текста в научном плане. Дискурс, по сути, научная абстракция, своеобразное «восстановление» механизмов формирования речевого сообщения, которые практически не имеют объективизации в обыденной реальности. [5]

Второе направление считает, что дискурс следует рассматривать как речь звучащую, которая связана с формой устной передачи информации. Текст же связывается с письменной формой. Из этого положения выходит оппозиция, поддерживаемая рядом ученых «письменный текст и устный дискурс», а также деление лингвистики на анализ письменного текста и дискурс-анализа (устной речи). [90] Данное понимание восходит к англоамериканской традиции в лингвистике, где предмет дискурс-анализа — устный диалог.

Третье направление отсылает нас к отождествлению дискурса, в широком понимании, как процесса и результата «речевой деятельности» и «языкового материала». По Макарову М.Л., текст представляется как

языковой материал, который зафиксирован на определенном материальном носителе с помощью начертательного письма. Соответственно, термины речь и текст являются видовыми по отношению к родовому термину дискурс. [32]

Четвертое направление происходит из соотнесения дискурса с речью в процессуальном аспекте речи. Данное положение позволяет считать логичным соотношение дискурса/текста как процесс/результат процесса. Считается, что это не нарушает этимологию слов «дискурс», об этом понятии было сказано выше, и «текст» («ткань, сплетение, соединение», то есть предмет, результат действия) [89]. Однако при данном положении сам анализ дискурса будет затруднен в силу определения предмета анализа. Также Сигал К.Я. считает, что результат любой человеческой деятельности не может быть отчужден от самой деятельности и закономерностей из нее вытекающих, а структура результата деятельности обусловлена структурой его продуцирования. [39]

Возможно, при принятии вышеописанной аргументации и аргументации схожего типа, обозначенную трактовку зачастую логически доводят до понимания текста как части дискурса, при этом дискурс возводится до статуса речи в широком понимании, а сам дискурс разграничивается на два аспекта: результативный и процессуальный (дискурс как процесс – сам дискурс; дискурс как результат – тексты, а также совокупность текстов).

Данную точку зрения мы решили раскрыть позициями Чернявской В.Е. и Арутюновой Н.Д.

Чернявская В.Е. выводит 2 определения дискурса: 1) дискурс как коммуникативное событие, которое зафиксировано в речи устной и письменно в тексте, при связи с вокругтекстовым фоном, 2) дискурс как «совокупность тематически соотнесенных текстов» [49, с. 187], где дискурс, содержательно, является результатом анализа корпуса текстов в их комплексном взаимодействии, на основе положения об интертекстуальности.

Мы можем сказать, что с точки зрения Чернявской В.Е «дискурс – это одновременно и процесс языковой деятельности, и ее результат (= текст)» [49, с. 307], что наглядно иллюстрирует данное направление в трактовке дискурса.

Арутюнова Н.Д. определяет дискурс как связный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными и другими факторами; текст, который рассматривается в аспекте определенных событий; речь как целенаправленное социальное действие, как компонент участвующий во взаимодействии людей и их когнитивных процессах. В соответствии с таким определением дискурса, понятие «дискурс» не может быть применимо к текстам, которые невозможно полноценно восстановить в рамках современности, например, древним текстам, в отличие от понятия «текст», которое не предусматривает таких ограничений. [29]

Соответственно, в плане анализа дискурса складывается определенная логика: при исследовании дискурса включается анализ текста с его характеристиками, а также процессуальный аспект – анализ когнитивных механизмов его порождения и восприятия, коммуникативных условий его осуществления, ситуации его протекания. [34, с. 129; 50, с. 231– 232].

Пятое направление исходит из соотнесения дискурса с речью как результатом. Дискурс в таком случае понимается как структура большая чем текст, а именно совокупность текстов. Текст, при этом, является минимальной единицей иерархической структуры дискурса [21, с. 28–36], либо составным элементом дискурса, который соотносится с определенной ментальной сферой, включенной в данный дискурс наряду с другими текстами, на основе обусловленной общности, коммуникативно или тематически. [28, с. 24].

Кибрик А.А. отмечает, что в современной лингвистике дискурс обычно трактуется как единство процесса языковой деятельности и текста, как ее результата. Текст является составной частью дискурса. [27]

Кубрякова Е.С. и О.В. Александрова понимают под дискурсом когнитивный процесс, связанный с живым речепроизводством, созданием произведения с помощью речи, а текст является конечным результатом данного процесса, который формируется в определенную конечную и зафиксированную форму.

Красных В.В. высказывает точку зрения, согласно которой текст является элементарной единицей дискурса. Схожей точки зрения придерживаются Звегинцев В.А., Богданов В.В. Петрова Н.В. говорит о том, что «дискурс представляет собой динамический процесс, частью которого является текст». [29]

Григорьева В.Г. рассматривает дискурс как языковую единицу, но более сложную по сравнению с нижестоящими «включая, при этом в парадигму дискурсивных единиц социальные, психологические, кинетические, этнографические моменты» [13, с. 53]. Соответственно, если смотреть на позиции иерархично, то дискурс будет находится выше текста.

Данное направление уточняет Карамова А.А. Она считает, что в данном случае лучше трактовать дискурс не в качестве текста или в качестве совокупности текстов, а в качестве максимальной единицы текста, «интерпретированного автором или читателем (читателями) текста, т. е. такого текста, который понимается (мыслится) с учётом социальных, ситуативных, коммуникативных, культурных и иных условий (предпосылок) его порождения (создания) и функционирования» [11, с. 20–21]. Таким образом, дискурс-анализ начинается с анализа текста, а затем переходит от анализа текстовых признаков к их дискурсивному освещению. Однако, здесь возникает сложность разграничения текстуального и дискурсивного анализа.

Шестое направление выражает позицию приравнивания дискурса тексту. Тодоров Ц. считает, что теории связного текста (дискурса) пока не существует в лингвистике. [19] Другой исследователь – И. Беллер говорит о том, что можно принять рабочее определение связного текста (дискурса) в

рамках интуитивного понимания данного термина, а также, что адекватная интерпретация высказывания в дискурсе нуждается в знании контекста, который этому высказыванию предшествовал. Такое определение относится и к разговорному дискурсу, и к лекции, и к литературному, и к научному тексту. [38]

В этой части мы можем отметить множество определений дискурса и его понимания в рамках лингвистической парадигмы, однако некоторые отечественные авторы, например, Чернявская В.Е. и Арутюнова Н.Д. определяет дискурс достаточно близко к нашему пониманию этого понятия в данной работе, которое будет ориентировано на наши идеи и методологически усиленно, в определенном смысле, классиками дискурсивных исследований, дискурс-анализа и критического дискурс-анализа, к которым мы обратимся далее.

Итак, проведя анализ теории дискурса и воззрения на дискурс отечественных ученых, можно заключить следующее.

В целом, можно сказать, что дискурсная методология сформировалась в современных науках – есть целостное представление о предмете дискурс-анализа, определены основные категории дискурс-анализа, сформированы ведущие подходы к анализу дискурса. Современная дискурсная методология является аналитической, то есть она основана на процедурах вычленения базовых элементов предмета.

Однако, хотя может показаться что методологическая модель дискурс-анализа достаточно стройна и логична, можно обнаружить ряд моментов, которые не позволяют говорить о завершенной модели анализа дискурса: исследования, которые посвящены дискурсу и дискурс-анализу, в большинстве своем весьма фрагментарны и слабо связаны между собой; точки зрения на природу дискурса представляются крайне неоднозначными и противоречивыми, что вносит сложности в исследование дискурса как социально коммуникативного явления;

1. Парадоксальность позиции исследователя при изучении дискурса нуждается в строгом методологическом обосновании позиций и интенций, что, в свою очередь, вызывает определённые сложности;
2. Система единиц дискурс-анализа недостаточно разработана и систематизирована. Отсюда возникает проблема адекватной интерпретации фактов дискурсивного характера;
3. Место и роль дискурса не определены в системе социальных практик – следует ли анализировать дискурс как структуру/структурирующее явление либо как конструируемое явление.

Соответственно нам нужно сформулировать наши позиции и интенции, определить сферу нашего исследования, логику в рамках которой мы должны развивать исследование. Для этого мы обратимся к критической школе дискурс-анализа, к некоторым ее наиболее влиятельным представителям.

Определение дискурса находится на пересечении изысканий различных дисциплин – лингвистики, психолингвистики, семиотики, литературоведения, социологии, философии и др., что обусловлено фокусировкой исследовательского интереса на различных аспектах этого явления (согласно последним данным, на сегодняшний день существует более трехсот определений дискурса). «Дискурс многосторонен, и достаточно очевидна ограниченность любых попыток отразить его моделирование, сведя дискурс к одному или двум измерениям...» [49, с. 49]. Соответственно в нашей работе мы обращаемся более к социологической и политологической стороне дискурса.

Для нас, в результате анализа работ ученых работающих в теории дискурса, а также теории текста, наметились два определения дискурса: дискурс как дискурсивный текст, то есть текст-дискурс, и дискурс как тип

дискурса. Это позволяет определить дискурс следующим образом. Дискурс – это 1) текст, соотносимый с ситуацией общения (с историческим, социально-культурным, политическим, идеологическим, психологическим и др. контекстом), с системой коммуникативно-прагматических установок, с когнитивными процессами его порождения и восприятия; интегрированный в интертекстуальное пространство (дискурс как дискурсивный текст, текст-дискурс); 2) дискурс – это совокупность обозначенных текстов, основанных на общности некоторых признаков (дискурс как тип дискурса).[25] В данной работе более значимым для нас является первое определение, что не означает нашего отказа от других понятий текста. Кроме данного определения, мы расширим понятие дискурса относительно политического дискурса и дискурс-анализа в рамках критической традиции.

В рамках логики работы, нам следует перейти к рассмотрению специфического вида дискурса – а именно политического, а также способам его анализа.

1.3 Специфика политического дискурса

Итак, для того чтобы изучить возможности использования дискурс-анализа нам необходимо, сузить наш взгляд до того дискурса, которым пропитана как наша жизнь, так и реализация образовательного процесса в социальном институте, который также занимается непосредственным воспроизводством властных отношений.

Как мы уже говорили, дискурс-анализ является наиболее актуальным, даже при всех сложностях, которые могут возникнуть при определении целей и интенций исследователя, как инструмент, который позволяет нам вскрыть механизмы взаимодействия власти, явления доминирования и злоупотребления. Мы определяем их в понимании Т. ван Дейка, как нелегитимные явления, то есть такие, которые обходят и нарушают изначальные нормы, в рамках которых дозволено реализовывать

определенную власть, а также когнитивные и поведенческие процессы, речь участников политической коммуникации.[17] В общем определения дискурс-анализа мы можем обратиться к Макарову М.Л, который понимает данную исследовательскую область как интегральную сферу, где изучается языковое общение, его форма, функции и социокультурная обусловленность в зависимости от контекста [32].

Однако, для начала нам нужно определить, что же для нас значит политика, а затем и политический дискурс.

Понятие «политика» встречается в различных специальных словарях. Мы возьмем основные для нас: философский, социологический и политологический. В каждом из словарей акцент ставится на определенном аспекте данного понятия.

Считается что рождение термина «политика» обязано одноименному трактату Аристотеля о государстве, правлении и правительстве. [102]

В философской интерпретации акцент ставится на власти и государстве. Тарасов В.С. дает такое определение данному понятию: «политика — сфера деятельности человека, связанная с распределением и осуществлением власти внутри государства и между государствами. Политика как особая форма социальной деятельности возникает вместе с государством и той иерархической системой власти, которая призвана обеспечить в обществе гражданский порядок на основе четкого разграничения отношений господства и подчинения» [103].

Социологический словарь дает нам рассмотреть социальную сторону понятия и раскрывает его как: сферу деятельности, которая связана с отношениями между нациями, классами и другими соц. группами (в данном случае содержание этих отношений в основе своей заключается в завоевании, удержании и пользовании властью); деятельность общества в определенном направлении, которая осуществляется с помощью соответствующих

организаций, обществ, а также деятельность классов и иных социальных групп, которая связана с определением содержания, форм, задач и функций государства, и его взаимоотношений с другими государствами. [101]

В политологической интерпретации мы можем увидеть три компонента: 1) как определенной сферы общественной жизни, служащей основой для согласования частных и общих интересов, реализации власти и поддержания порядка, осуществления определенных целей и управлением людьми, а также перераспределения и регулирования ресурсами, и руководства общественными делами; 2) вид общения, тип социальных отношений; 3) способ индивидуальной и совместной деятельности социальных субъектов, вид активности и социального поведения.

Политологическая трактовка связана с тем, что она отсылается к понятиям, которые изначально используются в английском языке: *politics*, *polity*, *policy*. Соответственно мы можем определить, что с понятием *politics* связывается широкое процессное раскрытие компонента, волеизъявление в рамках политики, которое может приобретать различные формы: оценочные, интеллектуальные и социально-психологические. Понятие *polity* связано с нормативной политикой через законы и политические институты и институты государства (судебная система, законодательная система, исполнительная система). Понятие *policy* раскрывается как абстрактный политический курс или стратегия поведения в социальной и политической жизни. [86]

Политика как деятельность в общественной жизни реализуется на разных уровнях: решение местных вопросов муниципальных образований (низший уровень); решение локальных вопросов или вопросов регионального уровня, при которых зачастую вмешивается государство в лице федеральных, региональных представительств; решение национальных вопросов, где проявляется главенствующая роль государства как владельца рычагов перераспределения ресурсов; решение международных вопросов, при

взаимодействии с другими государствами.[86] Таким образом, мы можем выделить локальную, региональную, национальную, внутреннюю, внешнюю, демографическую, экономическую и др. виды политики. Стоит отметить, что в нашей работе мы обращаемся к внутренней политике и к внутренней политике, которая выражается через события на внешнеполитической арене, так как это имеет непосредственное значение и влияние на граждан нашего государства, тем более на молодежь.

Для определения объема понятия «политика» важно замечание политологов, что ее роль как особой сферы общественной жизни обусловлена тремя свойствами: универсальностью, т.е. ее всеобъемлющим характером, способностью воздействовать на любые стороны жизни, элементы общества, отношения, события; включенностью, или проникающей способностью, т.е. возможностью безграничного проникновения во все области и, как следствие, атрибутивностью, т.е. способностью сочетаться с неполитическими общественными явлениями, отношениями и сферами [86].

Также важно сказать, что политика как понятие определяется политологами с учетом трех свойств:

1. Всеобъемлющий характер политики и возможность воздействовать на любую сторону жизни, отношений, событий;
2. Свойство проникновения во все области жизни;
3. Способность быть включенной в неполитические явления в общественной жизни, что определяется зачастую как «политизация» определенных событий.

Данные положения в очередной раз обуславливают наш выбор анализа политического дискурса в виду исключительной значимости данного явления в жизни общества.

Отталкиваясь от семантики понятия «политика» можно разделить трактовку политического дискурса на два основных направления. При узком

понимании политики предполагается рассмотрения политического дискурса как институционального, при широком понимании политический дискурс относится как к институциональному, так и к неинституциональному, при непосредственной реализации политики.

Плотникова С.Н рассматривает дискурс с позиции авторства. Она предлагает разделить политический дискурс на дискурс политиков и дискурс реагирования, где второй означает дискурс, появившийся как реакция на дискурс политика и вторичен по отношению к политическому дискурсу, в отношении отвечающего на первичный дискурс – политический. Таким образом, дискурс политика – институционален, а дискурс реагирования зачастую неинституционален. [23;35] Стоит отметить, что в целом в отечественной лингвистике влиятельна концепция авторства политического дискурса в том смысле, что большое внимание уделяется личности политика и его стилю, в отличие от западноевропейских воззрений на политический дискурс как на дискурс институциональный и структурный, как реализацию власти статусных позиций. [17]

Также интересно определение политического дискурса как интегративного исследовательского феномена в рамках «дискурсивного универсума». Цуциева М. Г. определяет «дискурсивный универсум» как взаимодействие различных дискурсов в обществе как системе. Политический субъект, взаимодействует с универсумом, а именно с дискурсами разных этнических сообществ, актуальным политическим дискурсом, неактуальным политическим дискурсом (ретроспектива) и перспективе (возможность прогнозирования на основе дискурса прошлого), формирует определенное «дискурсивное пространство» с широким набором дискурсивных практик, а также действий. Политический дискурс в основе своей содержит ряд определенных идеологических позиций, которые реализуются и репрезентируются в жанрах дискурса, связанные с единством идеологических позиций в определенном идеологическом пространстве.

Сложность политического дискурса как совокупности обозначенных текстов, основанных на общности некоторых признаков (дискурс как тип дискурса), очевидна. [86] Можно выделить ряд признаков по которому можно дифференцировать политический дискурс в широком понимании:

1. Институциональность (от обсуждения программ политиков до посланий к правительству);
2. Субъектно-адресатные отношения (отношения иерархичности которые проявляются в актуализации определенного текста по отношению к определенному политическому институту вплоть до отдельного гражданина.»);
3. Социокультурная дифференциация в связи с неоднородностью групп власти в рамках идеологической ориентации, что приводит к формированию политических социолектов (например, в партиях);
4. Событийная локализация – дифференциация жанров по их соотнесенности со сложными коммуникативными событиями политического дискурса;
5. Степень прототипности – маргинальности жанра в полевой структуре дискурса. К прототипным можно отнести институциональные жанры – дебаты, публичные речи, декреты, переговоры. Периферийные жанры являются смежными с другими типами дискурса и зачастую вторичны, имеют респонсивный характер и представляют реакцию на речевые действия, которые были совершены политиками в первичных жанрах (прототипных). К ним можно отнести интервью, мемуары, аналитические статьи, разговоры о политических решениях и политике и т.д. [33]

Шейгал Е.И. предлагает полевой подход в анализе политического дискурса и считает его таковым, если к сфере политики относится один из элементов: адресант, адресат или содержание речевого произведения. В рамках данного подхода, в центре поля находятся первичные жанры, а на периферии вторичные (маргинальные) жанры. [51]

Таким образом, можно сказать, что полевой подход нацелен на выявление сфер соприкосновения политического дискурса с другими видами дискурса как институциональными, так и неинституциональными, что обуславливается его опорой на пятый признак политического дискурса. Акцентируя значимость роли СМИ в реализации политического дискурса, так как с помощью СМИ он становится публичным, Шейгал Е.И. и другие исследователи говорят о тенденции к сращиванию дискурса масс-медиа и политического дискурса, что мы можем наблюдать и в современности. [51. С. 90;].

В нашей работе мы обратимся именно к прототипным жанрам, так как они в наибольшей степени являются проводником доминирования, завуалированного в рамках определенного дискурса, например, демократического или относительно личностного.

Баранов А.Н. определяет политический дискурс как совокупность «всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [6, с. 6]. Данное определение тоже может быть включено, в рамках широкого определения содержания понятия политика и политического дискурса.

Т. ван Дейк придерживается узкого определения политического дискурса. Его точка зрения заключается в том, что политический дискурс – это дискурс политиков, который реализуется в виде речей, программ, дебатов и иных произведений. Он ограничивает политический дискурс профессиональными рамками, подчеркивая институциональный характер

явления. [16;71] Так, мы можем сказать, что в узком смысле политический дискурс – это та разновидность дискурса, что направлена на завоевание, удержание и реализацию политической власти [95], что отражает социологический аспект определения понятия «политика», что мы рассматривали выше. Кроме того, в рамках школы критического дискурс-анализа дискурс, в том числе политический, рассматривается как форма социальной практики (действия).

Нами было сказано, что дискурс-анализ является междисциплинарной методологией, схожее воззрение можно отнести и к политическому дискурсу, однако в той форме которая удовлетворяет его содержанию. Мы считаем, что наиболее уместно понятие «синкретизм», которое отражает тенденцию к интеграции научного знания разных дисциплин и формированию новой картины мира в условиях взаимопроникновения культур и глобализационных процессов в мире. Мы ссылаемся на опыт Славянской Н.В., которая считает, что политический дискурс находится в «зоне синкретизма».

Это можно подтвердить тем, что в политическом дискурсе сочетаются характеристики как политического, так и массмедийного дискурса. Также об этом может свидетельствовать наличие двух уровней реализации политического дискурса: с помощью институциональных и неинституциональных видов. [48;40] Мы можем сказать, что политика – это ряд действий, направленных на распределение и перераспределение власти и ресурсов в определенной стране или мире между странами. Однако, также нельзя не признать, что политический дискурс является также и личностным. Он является таковым, если рассматривать его как способ актуализации институционального уровня в сознании индивида, также он проявляется в самой личности. [86]

Итак, можно заключить, что, «зона синкретизма» политического дискурса, это не только языковое явление, но также и выражение взаимодействия различных типов мышления. В схожих ситуациях или даже в

идентичных ситуациях, но в разное время языковая личность по-разному проявляет себя в политическом взаимодействии. Для лучшего понимания, следует раскрыть основные специфические параметры политического дискурса, которые могут как позволить исследовать языковую личность политика как динамическое явление, так и в целом определить возможности и роль политического дискурса.

1. Полисубъектность. В политическом дискурсе участвуют три коммуниканта: адресант – тот субъект действия, который обращается с речью к другому коммуниканту; прямой адресат – тот, кто реально может участвовать в коммуникации, но может и отсутствовать (оппозиция открытого и скрытого противостояния); адресат-наблюдатель (массовый слушатель)- субъект политического действия, преимущественно на которого оказываются стратегии и тактики воздействия, зачастую именно данным коммуникантом обуславливают те или иные политические действия, в «интересах» которого действуют, чье мнение представляют. Присутствие третьего субъекта является тем, что «самым непосредственным образом влияет на коммуникативную интенцию» остальных субъектов. Таким образом именно наличие полисубъектности, а также специфика каждого из участников коммуникации непосредственно связаны с выбором участников коммуникации стратегий речевого поведения (в демократическом дискурсе зачастую персуазивных), и стремлением к манипуляции массовым адресатом. [95]

2. Агональность. Агональность изначально присуща политическому дискурсу и находит место в дискурсе каждого политика, в особенности в стратегиях и тактиках, о которых мы скажем позже. Политический дискурс прочно связан с демонстрацией противопостояния и соперничеством с целью завладеть политическим ресурсом. Очевиден театральный, состязательный аспект, который отсылает нас к соревнованиям древнего мира, борьбы, смешанной с игрой и шоу – определенные стили, имиджи и формы

проявления агрессии. В коммуникации участники пытаются доминировать над оппонентами с помощью захватов каналов коммуникации, привлечения внимания, навязывания своего темпа и так далее. В постоянном контакте и зависимости от массового адресата усиливается значимость активности во взаимодействии. Такая активность выражается через различные стратегии и тактики политиков в политической коммуникации.

3. Персуазивность. Персуазивность является одной из доминантных характеристик политического дискурса. [16] При рассмотрении публичных речей политиков как жанра политического дискурса мы можем увидеть, как персуазивность реализуется через множественные приемы и коммуникативные установки, пресуппозицию, структурное, и семантическое выделение определенных фрагментов текста, по сущности своей являясь наиболее значимой характеристикой в публичной речи, которая позволяет оказывать идеологическое воздействие.

4. Фактологичность. Политический дискурс отталкивается от конкретных событий, совершенных или тех, что с высокой вероятностью будут совершены и зачастую является реакцией на них, реакций на реакцию и т.п.

5. Актуальность. Как средство воспроизводства власти политический дискурс зависим от актуальности событий, и, даже если рассматриваются события прошлого, либо будущего, мы можем зачастую наблюдать явные отсылки к настоящей и реальной связи с актуальными событиями (завуалированность отсылок к прошлому и т.п.)

Влияние этих факторов в политическом дискурсе порождает соответствующие коммуникативные стратегии и тактики. Выбор определенной стратегии выражает отношение языковой личности политика, под которой мы понимаем не личность как таковую, а статусную позицию, закрепленную за политиком, его «командой» к дискурсивному универсуму и, в свою очередь, обуславливает коммуникативные акты.

С древних времен речь была средством сильного воздействия на аудиторию, особенно это видно в политическом дискурсе. Специфика политического дискурса и речи открывает широкие возможности для воздействия на адресата. Сам политический дискурс как разновидность убеждающего дискурса обладает свойством манипулятивности, которое реализуется во внесении когнитивных изменений в картину мира адресата через речевое воздействие, которое влечет за собой изменение диспозиций, а далее и деятельности/действий адресата в пользу адресанта. Под персуазивностью (свойство убеждать), зачастую, понимают воздействие адресанта через письменного или устное сообщение на адресата с целью убедить в чем-то, призвать к определенному действию. При таком типе коммуникации адресант сознательно производит высказывания, направленные на выраженную обратную связь, реакцию у адресата. [48]

Воздействие реализуется через различные коммуникативные тактики и стратегии. В процессе реализации тактик и стратегий происходит определенная операция над ценностными категориями, эмоциями, знаниями и т.д (экстралингвистические факторы) адресата.

Коммуникативной стратегией является совокупность мер, с помощью которых реализуются коммуникативные намерения адресанта, при определении которых, учитывают контекст коммуникации.

Стратегии, в свою очередь, реализуются через тактики, которые являются конкретным этапом реализации стратегии. Для тактик присущ ряд приемов, который определяет возможность использования тех или иных языковых средств.

Существуют множество подходов к классификации стратегий и тактик, однако в нашем исследовании мы рассмотрим отечественную классификацию, предложенной О.Л. Михалёвой [33], которую дополним практической классификацией в исследовании. Классификация в исследовании является аналоговой и включает в себя всё стратегии и

тактики, перечисленные ниже. Данная классификация позволяет адекватно и просто рассмотреть основные стратегии, используемые политиками для построения речей и, как следствие, для максимального достижения своих целей.

Выделяются три основные стратегии политического дискурса: 1) стратегия на понижение; 2) стратегия на повышение; 3) стратегия театральности [2].

Рассмотрим каждую из вышеназванных стратегий более подробно.

Стратегия на понижение заключается в дискредитации оппонента-политического противника. Соответственно тактики, которые используются, выражают отрицательное отношение к предмету коммуникации, как имплицитно, так и эксплицитно. Интенция ослабить положение противника и негативно окрасить ситуацию реализуется за счет несколько тактик:

1. *Тактика анализ* – «минус» заключается в описании ситуации, которое основано на негативном к ней отношении, но автор не говорит об этом напрямую.

2. *Тактика обвинения* представляет собой приписывание вины кому-либо иному, анализ ситуации и оппонента в отрицательных значениях. Речи зачастую обличительные, указывают и раскрывают негативные качества и намерения оппонента. Для реализации данной тактики используют лексические средства с негативным оценочным значением. Факт истинности самого обвинения неважен, так как зачастую преследуется цель эмоциональной манипуляции.

Тактика безличного обвинения заключается в ситуации, где обвиняемый не называется открыто. При этом ситуация также окрашивается негативно, но без определенного виновного, за счет использование лексических единиц и грамматических конструкций с широким значением,

например, определенные группы (либералы, демократы, чиновники), которые включают в себя широкий круг участников. [23]

3. *Тактика обличения* заключается в обвинении оппонентов, однако с использованием фактов и уверенной аргументацией, которые подтверждают виновность оппонента. Особенность тактики – указание на конкретную вину оппонента, которая предписывается по логике обвинителя.

4. *Тактика оскорбления* заключается в обвинении и унижении противника, с усиленной эмоциональной окраской. [33]

Можно отметить, что тактики, использующиеся в стратегии на понижение, имплицитно и эксплицитно содержат негативное отношение к оппоненту и ситуации. Зачастую для реализации этих установок используются риторические вопросы, метафоры и параллельные синтаксические конструкции.

Стратегия на повышение заключается в представлении себя в выгодном положении, усилении своей значимости в глазах адресата (масс). При данной стратегии используются следующие тактики:

1. *Тактика анализ* – «плюс» использует описание ситуации, которое имплицитно выражает положительное отношение к этой ситуации

2. *Тактика презентации* состоит в представлении какого-либо лица в хорошем свете. Адресант говорит о положительных качествах какого-либо объекта посредством использования лексических единиц с положительной коннотацией.

3. *Отвод критики* – данная тактика предполагает приведение аргументов, которые позволили бы оправдать адресанта или иного объекта и его поступки. Адресант дистанцируется от факта участия в той или иной ситуации, используя эфемизмы и иные безличностные и деиндивидуализированные лексические единицы, стремится оправдать себя в глазах адресата (масс).

Также стоит обратить внимание на *стратегию театральности*, которая отражает одну из специфических черт политического дискурса – наличие как минимум двух адресатов, один из которых является адресатом-наблюдателем (массы). Зачастую, именно ориентация на избирателя делает политический дискурс и политическую коммуникацию зрелищной и насыщенной. Это касается, прежде всего, предвыборных дебатов, а также публичных выступлений, где основная цель повлиять на электорат. В целом, данная стратегия достаточно эмоциональна. [33]

Стратегия театральности реализуется за счет ряда тактик:

1. *Тактика побуждения* – адресант старается побудить аудиторию к совершению действия, через правильность своей точки зрения. (привлечение определенных значимых электорату ценностей)

2. *Тактика размежевания* представляется в построении конструкта «свой-чужой» или «мы и они». Использовании данной оппозиции позволяет поляризовать адресанта и его оппонентов. С помощью лексических средств с негативным подтекстом адресант дискредитирует противника в глазах адресата (масс). Используя поляризацию адресант может легче оказывать воздействие, за счет эмоциональной силы данного конструкта.

3. *Тактика обещания* – адресант высказывает обещание по реализации чего-либо. Наиболее частый способ использования тактики с употреблением формы будущего времени глагола совершенного вида [2]. Видовая характеристика глагола совершенного вида адресатом воспринимается с уверенностью в реализации обещания. [33]

В политических текстах при представлении действительности чаще всего используются сравнения, аллюзии, эвфемизмы метафоры и другие стилистические средства для выражения косвенной оценки.

Стоит отметить, что основной стилистический прием, который используется в политических текстах – метафора. Выбор метафор в

политических выступлениях зависит от поставленных перед адресантом целей. С. Кара-Мурза придерживается точки зрения, согласно которой главная задача идеологии – создание метафор. [86] Символически насыщенная формулировка мысли является наиболее эффективной в воздействии на аудиторию, подключая когнитивные процессы каждого индивидуально, через коллективные идеологические представления.

В определении политического дискурса мы будем придерживаться, в основном, точки зрения Т. ван Дейка, так как данная позиция позволяет нам четко определить рамки изучения политического дискурса, она обладает точностью и ясностью в рамках вышесказанных положений, но мы не отрицаем иных определений политического дискурса, и используем положения, которые расширяют и углубляют содержание данного понятия, не противореча основному определению, которое мы определили выше.

Переходя к критическому дискурс анализу, который наиболее эффективен в работе с политическим дискурсом, стоит рассмотреть основные положения и воззрения исследователей: Н. Фэрклоу, и Р. Водак, которая на основе теории Т. Ван Дейка сформировала собственный подход к исследованию политического дискурса, добавив исторический подход и углубляя когнитивную сторону дискурсивных процессов:

1.Диалектико-реляционный подход (Dialectical Relational Approach), разработан Норманом Фэрклафом [54] преимущественно на основе теории К. Маркса. Данный подход характерен оперированием терминами «сопротивление», «доминирование», «технологизация дискурса», «гибридизация дискурсивных практик». Подход, называемый диалектико-реляционным, предполагает изучение отношений (relations) между атрибутами анализа: дискурсом, деятельностью, социальными отношениями, субъектами, ценности, время и место взаимодействия.

Цель диалектико-реляционного подхода – изучение семиотического отражения социального конфликта в дискурсе (политическом). Н. Фэрклоу

говорит о том, что текстовый уровень в дискурс-анализе весьма значим и критикует недостаточное внимание к данному уровню со стороны социальных наук, несмотря на «поворот к лингвистике» - тенденцию модернисти.

Он приводит четыре аргумента-доказательства значимости текстового анализа: теоретический, методологический, исторический и политический.

Теоретическое обоснование заключается в том, что социальные структуры находятся в диалектических отношениях с социальной действительностью, а тексты это одна из значимых форм социальной действительности.

Методологическое обоснование базируется на том, что тексты это доминирующий источник данных, который развивается и усиливается.

Историческое обоснование заключается в том, что тексты являются хорошими индикаторами изменений в социуме. Анализ содержания и текстуры в данном случае наносит удар по схематичному социальному анализу, где динамика учитывается слабо.

Политическое доказательство обосновано критической ориентацией дискурс-анализа: социальный контроль и власть в современных государствах преимущественно реализуются с помощью текстовых средств. Критический дискурс-анализ, по мнению Н. Фэрклоу является «одной из стратегий анализа общественных отношений и структуры, наряду с этнографией или институциональным анализом» [55].

Дискурсивный анализ как критический метод изучает, каким образом различные социальные практики (такие как искусство, критика и мораль) отражаются на структуре и организации общества. Он обычно характеризуется как подход к изучению языка, отдельных высказываний и вызванных ими действий. Дискурс-анализ как критический метод изучает как

и каким образом, различные социальные практики (мораль, искусство, критика) отражаются на организации и структуре социума.

2. *Социокогнитивный подход* (SocioCognitive Approach), разрабатываемый Т. ван Дейком [62, 17]. Социокогнитивный подход направлен на изучение дискурса, общества и когнитивных структур в их взаимодействии. Мультидисциплинарность подхода заключается в объединении психологического анализа моделей памяти, эвристическо-лингвистического анализа текста и моделирования структур сознания (фреймов) в когнитивистике. В данном подходе ключевыми понятиями являются: фреймы, злоупотребление властью, контекстуальные модели, структуры знания, воспроизводство этнических предрассудков, доминирование, стереотипы. Стоит отметить, что под структурами знания понимается набор из личностных, групповых, межличностных, национальных, культурных и институциональных знаний.

3. *Дискурсивно-исторический подход* (Discourse-Historical Approach) (ДИА), предложенный Р. Водак. [83] Направление данного подхода заключается в изучении как язык и иные семиотические системы используются элитами для удержания власти и доминирования. Важный принцип дискурсивно-исторического подхода – объединение текстуального и контекстуального уровней анализа. Контекст в данном подходе является сложным феноменом, который состоит из: лингвистического контекста (co-text), интертекстуального уровня, интердискурсивного уровня, экстралингвистического уровня, исторического и социально-политического уровня. Связи между текстами и дискурсами устанавливаются с помощью процессов деконтекстуализации и реконтекстуализации. [83]

По мнению Р. Водак цель критического дискурс-анализа изучать «прозрачные структурные отношения доминирования, дискриминации, власти и контроля, отраженные в языке», «реальные социальные взаимодействия, принимающие (частично) лингвистическую форму» [52].

КДА (критический дискурс-анализ), таким образом, рассматривает дискурс как форму «социальной практики», а не только как использование языка в речи и письме. Такой подход продолжает логику Н.Фэрклоу очерчивая диалектические отношения между определенным дискурсивным событием, ситуацией (ситуациями), социальной структурой (структурами) и институтом (институтами), которые его формируют. Другими словами, диалектические отношения которые являются базой для КДА – это двусторонние отношения, где вышеназванные элементы социума формируют дискурсивное событие, а в тоже время дискурсивное событие формирует их. [53,72].

В основном, критический дискурс-анализ сосредоточивается на анализе коммуникации в СМИ, политике и других институциональных областях. В отличие от других типов анализа дискурса, КАД (критический анализ дискурса) не претендует на объективность, не занимает позицию социально нейтрального анализа. Ученые, практикующие КАД, убеждены, что подобная мнимая политическая индифферентность, в конечном счете, способствует поддержанию несправедливого status quo.

КДА не претендует на объективность и открыто заявляет об отсутствии позиции вне чьих-либо интересов - «нейтральная позиция по сути изначально не нейтральна» [17], и в рамках критической школы поддерживает угнетаемых и тех, кто оказывается в ситуации «несправедливости», с помощью анализа. Таким образом, для критической школы есть полярные позиции – поддержание «слабых», либо элит через открытую поддержку или «нейтральность» и «индифферентность». [69]

Главной методической целью критического дискурс-анализа можно считать вскрытие идеологизированных и, зачастую, неявно выраженных структур власти, политического контроля и доминирования. Тем самым, критический дискурс анализ представляет собой аналитическое вмешательство в социальную и политическую практику [69]. Критический дискурс-анализ работает с социальными проблемами, что обеспечивает

существенное предусловие его использования — применимость его результатов в существующей социальной практике.

Итак, в завершении, мы приводим ряд положений, которые показывают возможности использования критического дискурс-анализа в обучении студентов направлений.

Качественный характер, ориентация на анализ *ex post* и отсутствие опоры на вероятностно-статистическую платформу сокращает прогностический потенциал критического дискурс-анализа, хотя в то же время он может послужить существенным дополнением при интерпретации количественных данных.

На уровне метода науки критический дискурс-анализ сталкивается с проблемой прагматической интенциональности основного предмета анализа (медиадискурса) и манипулирования (в том числе пропаганды) со стороны ключевых акторов (не только политиков и журналистов, но и профессиональных спичрайтеров) в открытом публичном пространстве. Кроме того, возможности дискурсивного анализа сильно ограничены политикосоциальными факторами: цензура, политика принятия решений «за закрытыми дверями», неравномерность (или даже дискриминация) присутствия различных акторов в дискурсивном политическом поле.[69] В совокупности все эти факторы способствуют тому, что в рамках системы знания критический дискурс-анализ не обладает легитимностью со стороны научного сообщества в силу неоднозначности методики, которая меняется в зависимости от различных условий. Однако эти положения не противоречат полезности и важности адекватного восприятия обыденной и политической реальности через критическую парадигму, в рамках образовательного процесса.

В условиях современного информационного общества критический дискурс-анализ в большинстве случаев не требует эксклюзивных и сложных процедур сбора данных, материалы доступны в Интернете и

медиапространстве (за исключением ситуаций, когда для анализа используются секретные или архивные документы). Это делает его также достаточно экономичным методом анализа, который предполагает только усердие и внимательность со стороны исследователя при формировании методики и сборе корпуса текстов. При условии доступности материалов, наличии прописанной процедуры их подбора и обработки, критический дискурс-анализ становится верифицируемой методикой — любой другой аналитический алгоритм и инструмент может проверить, дополнить, подтвердить или фальсифицировать его результаты.

Эмпирическая ценность дискурсивного анализа для науки определяется прежде всего его идеологическим соответствием — сосредоточение внимания на критике властных отношений. Кроме того, он предполагает работу с большими объемами текстового материала, дает возможность непосредственного анализа данных, избавляя исследователей от традиционных обвинений по поводу вторичного анализа и интерпретации данных. На уровне общенаучного познания включение критического дискурсанализа в политическую науку соответствует тенденциям междисциплинарности и интерпретативизма, свойственным современной парадигме постмодернизма, а также тенденциям в образовании. Например, М. В. Жеребцов отмечает: «Операционализация метода дискурс-анализа с целью его включения в методологический аппарат становится важной задачей современной политической науки» [22].

Стоит отметить, что в сравнении с другими методиками критический дискурс-анализ не обладает четко регламентированной процедурой как подбора материалов (текстов, прецедентных событий и высказываний), так и самого анализа. Данные процедуры часто определяются и изменяются исследователем самостоятельно, что также удобно в рамках обучения, так как позволяет использовать данный метод вариативно как преподавателю

ссылаясь на определенных исследователей в данном направлении, так и для обучающихся.

Главным направлением обоснованной критики дискурс-анализа следует признать субъективизм исследователя на заключительном этапе, при интерпретации данных, однако данный субъективизм полезен для развития личности и её картины мира. При значительных объемах текстового материала критический дискурс-анализ становится достаточно трудоемким инструментом как при сборе, так и при обработке данных, но исследователь вправе сам определять единицу исследования в критическом дискурс-анализе[42], поэтому данной опасности также можно избежать, либо ее минимизировать, так как зачастую целью использования данного метода будет развитие основных навыков использования метода и, таким образом дать возможность для собственного изучения и рассмотрения дискурса как социальной практики и отношений дискурса и сообщества. [88]

В силу своего прагматического характера и способности анализировать динамичный во времени и пространстве объект, критический дискурс-анализ представляется перспективным методом для различных исследований, поскольку включает в анализ коммуникативный аспект, столь важный при анализе современной политической, и не только, сферы, а также на основе вышесказанного развивает навык работы в рамках собственной научной практики, и, в целом, способствует формированию собственного видения мира.

В связи с данными размышлениями логично поставить несколько вопросов: «Почему именно критический дискурс анализ?» «Возможно ли использовать каждое направление в образовательном процессе?».

Мы обосновали выбор понимания социальной коммуникации в рамках теории Ю. Хабермаса, а также рассмотрели понимание коммуникации Н. Луманом потому что для педагогического процесса, продуктивного и гармоничного развития личности обучающегося, а также прогрессивного

развития общества нам необходимо смотреть на вещи в рамках критической парадигмы, которую ярко представляет Ю. Хабермас, стремясь в своей теории сформулировать не только идеально-типическую модель социального действия, но также способы достижения этой модели, через призму политической коммуникации, диалог. Н. Луман освещает другой аспект коммуникации – это то, на чем основано наше общество как самореферентная система, следовательно, значимость коммуникации невероятно высока, и мы как исследователи должны обратиться к ней и к тому, что с ней связано. Ее изначальная нейтральность и наше участие в ней с импликацией идеологических ценностей говорят о том, что, мы можем как вычленять имплицированные ценности так и вносить те, что полезны обществу.

Критика Ю.Хабермаса Н. Луманом позволяет нам понять и рассмотреть, как слабые стороны такой «идеализированной» точки зрения, так и возможности для ее развития и реализации, даже в рамках поверхностного использования и упоминания через критический дискурс анализ и исторические аспекты как науки, так и государств. Именно поэтому мы избрали как основное направление критический дискурс анализ, рождение которого многим обязано, как и критическому подходу франфурктской и неофранфурктской школы, так и конкретно Юргену Хабермасу.

Также мы думаем, что это в первую очередь зависит от исследователя и педагога, это возможно. Однако каждое из направлений требует определенной логики изложения, опорных точек и понимания, которое близко к той среде в которой реализуется предмет изучения (например, социология в университете России или Казахстана). Поэтому следует обозначить наиболее перспективное и эффективное в рамках нашей гипотезы направление, а именно Исторический дискурс-анализ. Описывая его, мы указали на то, что он отчасти развивает и воззрения Н.Фэрклоу, так и

основывается на работах и теории Т. Ван Дейка. Именно поэтому, дополняя и развивая другие теории, одна из которых уделяет внимание текстуальному анализу, что учитывается и в ИДМ (исторический дискурс-метод), другая же указывает на связь когнитивных процессов – тему интересную и всё еще свежую в связи со сложностью разработки, ИДМ является тем направлением, которое включает в себя кроме основ других направлений еще и культурный и исторический аспект, что является весьма полезным и в свою очередь значимым для развития личности.

В нашем государстве культурный контекст или код, а также историчность нашего восприятия и отношения к социальной действительности и структуре являются основами на которых основана отечественная социальная и философская мысль. Следуя данной логике, мы понимаем, что возможности подхода, который гармонично совмещает в себе теоретизацию и праксис по отношению к анализу дискурса являются наиболее актуальными в рамках нашей работы

Мы рассмотрим конкретные особенности и возможности реализации в педагогическом процессе данного направления критического дискурс-анализа в следующей главе.

Глава 2. Критический Дискурс анализ в образовательном процессе

2.1 Подходы к дифференциации обучающихся в вузе

Чтобы понять значимость использования критического дискурс-анализа в образовательном процессе нам нужно рассмотреть студентов, как представителей современной молодежи их ориентацию в политической сфере и ценности, те вещи о которых говорит данное направление критической школы.

В целом, сегодняшнее отношение российской молодежи к сфере политики, политическому действию можно характеризовать несколькими основными чертами:

1. Общая неопределенность, противоречивость политических ориентаций и предпочтений, которые (как и среди населения в целом) в ряде случаев выглядят взаимоисключающими;
2. Низкий интерес к политике;
3. В целом низкий уровень доверия ко всем политическим институтам, за исключением фигуры президента;
4. Низкий уровень реального участия в политических и общественных инициативах при, все-таки, относительно высокой оценке подобных инициатив как социального феномена, потенциальной общественной силы;
5. Близость оценок молодежи к средним по населению по многим принципиальным социально-политическим проблемам и векторам движения страны.

При этом чем беднее социальные, культурные, информационные ресурсы опрошенной молодежи (например, уровень ее образования), тем ниже ее интерес к политике, но тем — относительно — выше уровень

доверия к существующей власти, в первую очередь, конечно, к первому лицу, и тем выше готовность эту власть поддерживать, в частности — через выборы. То же относится к подгруппам по относительному достатку и потребительскому статусу: чем он выше, тем относительно слабее ориентация респондентов на власть и доверие к ней, но тем выше доверие к формам общественной самоорганизации. Выводы сделаны на основе исследования, данные которого представлены в приложении (см. приложение 8 таблица 1-5). [14, с 58-65]

Более образованная и сравнительно благополучная молодежь, опрошенная в крупных и средних городах страны (ее доля заметно выше в Москве), в качестве источника информации о мире активнее других использует Интернет (в том числе его интерактивные возможности), а этот источник и по характеру предоставляемой информации, и по возможностям коммуникаций гораздо более богатый и разнообразный, чем российские СМИ. Среди других подгрупп опрошенной молодежи наибольшей популярностью как источник информации пользуются новостные программы телевидения, а они, понятно, не предусматривают интерактивности и на протяжении уже ряда лет проводят безальтернативную, исключительно официальную точку зрения на политические события и их акторов. Подчеркнем, что интерес к политике заметно чаще отсутствует у молодых женщин (61%), чем у мужчин (48%).

Однако следует отметить, что более высокая ресурсная обеспеченность части молодежи (образование, достаток, урбанизированность) несколько сокращает степень отстраненности респондентов от политической сферы, опять-таки в некоторой мере увеличивает прозападные ориентации части опрошенных, но и только. Основная картина ориентаций и предпочтений в политической и социальной сферах при этом сохраняется: различия измеряются процентами, но не степенями значимости и могут оцениваться как не принципиальные. [14]

Более образованные среди опрошенных молодых горожан заметно выше оценивают свои возможности влиять на ситуацию в стране через акции протеста, но особенно — через общественные организации и гражданские инициативы. При этом более образованная молодежь чаще видит в формах общественной самоорганизации именно протестную составляющую, оппозиционную власти: так полагает каждый третий из молодых людей с высшим образованием и вдвое меньше (лишь 18%) респондентов с неполным средним. Образованная молодежь заметно чаще других групп молодежи выделяет такие важные для нее права человека, как неприкосновенность частной жизни, жилища (64% высокообразованных и 49% молодых людей с неполным средним образованием), право владеть собственностью (49 и 35% соответственно), право на информацию (35 и 29%). [14]

Характер политической вовлеченности образованной молодежи распространяется и на молодежь с известным уровнем достатка, более высоким потребительским статусом: здесь тоже несколько выше уровень доверия к общественным организациям (им доверяют 51% при 36% среди наименее обеспеченных), выше уверенность в собственной способности влиять на ситуацию в стране через участие в общественных инициативах, акциях протеста. У этих более благополучных подгрупп относительно ниже уровень ксенофобии, чувство «враждебного окружения» страны (хотя и в данных группах этот уровень все же высок!).

Однако в целом интерес российской молодежи к политическим вопросам и к различным формам деятельности, как уже говорилось, крайне низок. Даже в сравнении с апатичным населением страны доля не интересующихся политикой среди сегодняшней городской молодежи в России вдвое больше. У остальных же молодых людей — явного меньшинства заинтересованных среди населения крупных и средних городов России — отношение к политике исчерпывается, как и среди населения

страны, исключительно зрительским слежением за информацией о политических новостях и обсуждением ее в узком кругу «своих». [14]

Политическим партиям и Государственной думе, правительству молодежь, как и население России, чаще всего не доверяет, причем за последние два года и без того невысокий уровень доверия со стороны российской молодежи еще снизился.

Напротив, президенту России молодые люди по преимуществу доверяют. Однако и это доверие в последнее время снизилось; в еще большей степени подобное снижение коснулось правительства.

Более высокий уровень недоверия (и минимум доверия) всем государственно-политическим структурам выказывает московская молодежь. И все же президенту страны преобладающая часть российской молодежи склонна по-прежнему доверять. Между тем абсолютное большинство молодых людей, по их признанию, не имеет представления о том, какие цели поставлены руководством перед страной, какие перспективы у России и куда она идет. У российского населения в целом на этот счет тоже лишь самые туманные представления, но у молодежи они выглядят еще более неопределенными.

Это означает, что доверие фигуре первого лица носит у молодежи, как и у населения в целом, по преимуществу символический характер. Оно относится к общей авторитарной конструкции власти и к ее персонифицированному воплощению, символу страны как воображаемого целого, олицетворению претензий населения на место в мире, желаемого престижа России в глазах других стран и т. п., но очень слабо связано с реальными делами представителей высшей власти на их постах. При этом «вина» за слабую работу власти перекладывается на правительство, отсюда и значительно более заметное падение его рейтинга в глазах молодежи за последние два года. [14]

Оценка собственных возможностей влиять на ситуацию в стране, проявляя общественную и гражданскую активность, среди молодежи крупных и средних городов достаточно высока, но по преимуществу на словах; иначе говоря, речь идет скорее об амбициях, чем о реальных делах и практическом опыте.

Реальное участие молодых людей в общественной жизни значительно ниже, так что заявленная позиция остается в большинстве случаев исключительно декларативной. Вероятно, дело здесь в том, что за общественными инициативами молодежь, как, впрочем, и население страны в целом, видит прежде всего мобилизационные действия со стороны властей, которые, как предполагается, используют мобилизованных в своих интересах, либо интересы оппозиции, противостоящей властям, но, опять-таки, стремящейся использовать молодежь для своих политических целей, или, наконец, давление тех или иных «внешних» сил. Лишь в малой степени общественная инициатива воспринимается опрошенными как источник мотивации действий людей. [14]

Данные представленные выше дают много поводов для размышления. Вовлеченность во взаимодействие в сфере политике сокращается в связи с определенными факторами (уровень достатка, место жительства и т.д) и выше среди студентов, но как именно проявляется эта вовлеченность, с помощью каких механизмов происходит восприятие, интерпретация и ориентация в рамках политической сферы и чем обусловлены действия молодежи и высокий уровень декларативности действий, но отсутствие самих реальных действий? Мы предполагаем, что отчасти это происходит из оппозиционного популизма, который также не предполагает конкретных действий, об определенных когнитивных паттернах, которые воспроизводятся индивидуально, и реализуются как нечто, что заменяет реальные действия, интерпретацию и анализ на определенные установки, которые подкреплены позицией СМИ и совокупной индивидуальной

позицией. Создается определенная иллюзия индивидуальной свободы через негативное отношение к структурам власти, основанное на личном либо квазиличном опыте. (см приложение 8 таблицы 7,8).

Среди факторов, препятствующих формированию гражданского общества в стране, молодежь заметно выделяет противодействие процессам самоорганизации со стороны власти. Вместе с тем молодые люди подчеркивают отсутствие самостоятельности и инициативы в самих соотечественниках, их слабую уверенность в пользе такого рода активности

И ту, и другую точку зрения особенно подчеркивают респонденты с высоким уровнем образования, более высокими потребительскими возможностями, занимая тем самым более критичную или, вернее сказать, более дистанцированную позицию по отношению и к власти, и, в еще большей степени, к массе.

Тем не менее, при всем критическом отношении к властям и к пассивной массе населения, взгляды и мнения абсолютного большинства опрошенной городской молодежи по тем или иным политическим вопросам не реализуются в их действиях, не связаны с формами самоорганизации для проведения этих взглядов в жизнь. Иначе говоря, эти взгляды, хотя и признанные сверстниками, больше того — имеющие поколенческий характер, опознаваемые как «свои», остаются частными мнениями. Тем самым сегодняшняя российская молодежь вполне подпадает под характеристики, которые она сама дает россиянам в целом: «пассивны, привыкли приспосабливаться», «не готовы к самостоятельной деятельности», «не видят пользы в таких действиях» и т. п. [14]

Если говорить об общих ориентациях нынешней российской молодежи, то они, в сравнении с населением в целом, значительно менее советские, более прозападные.

Развит у нынешней российской молодежи и «комплекс врага»: почти три пятых (57%, пять лет назад этот показатель равнялся 60%) согласны с мнением, что у России сегодня много врагов. Самый низкий показатель здесь опять-таки у молодых петербуржцев, самый высокий — у молодежи средних городов. (см. приложение 8 таблица 10)

При этом сегодняшняя российская молодежь реже, чем население страны, разделяет иллюзии о спасительной «сильной руке». В этом плане продемократические настроения выражены у молодежи несколько заметнее, хотя, еще раз подчеркнем, все-таки не преобладают: доля так или иначе видящих необходимость в сильном и властном руководителе среди молодежи страны и среди молодых горожан — выше половины (56%). [14]

Слабость к действиям, пассивность и противодействие самоорганизации со стороны властей являются устойчивыми препятствиям на пути к переосмыслению и изменению взаимодействия и действия в рамках политической системы. Стоит отметить что критическая школа дает возможность индивидуальной работе и групповой самоорганизации на основе научно методологии, несет в себе завуалированный и нерадикальный характер ценностей и установок, которые являются значимыми для данного направления в рамках критического дискурс-анализа. Ниже мы можем определить, что ценности, которые являются ключевыми для критического дискурс анализа являются весьма важными и для современной молодежи

Наиболее заметное отличие молодежи в данном случае — значимость для нее «свободы слова»: она — на четвертом место по значимости у молодежи (причем на одном и том же уровне во всех образовательных группах), тогда как среди населения в целом — на седьмом. (см приложение 8 таблица 11)

Обращает на себя внимание тот факт, что значимость гражданских и политических прав (на получение информации и свободу слова, избирательные права) чаще подчеркивают более образованные и, особенно,

более обеспеченные подгруппы опрошенной молодежи. Менее обеспеченные группы молодежи (равно как и населения страны) чаще подчеркивают значимость гарантий со стороны государства — обеспечение работой по специальности, право на бесплатное образование и проч. Логика критической школы работает в двух направлениях, как личностной индивидуальной позиции, так и противодействие злоупотреблению властью со стороны государства в лице властных структур. [14]

Структура самоидентификации у молодых горожан России сегодня в основных аспектах совпадает с общероссийской. Главными общностями, к которым молодые респонденты причисляют себя, прежде всего выступают государственно-национальная (гражданин России, русский человек), семейная (особенно для женской части опрошенной молодежи) и поколенческая. Рассмотрим соотношение этих аспектов самоопределения более подробно.

В целом допустимо говорить о дефиците социальных и культурных общностей разного масштаба, смысла и типа, коллективных символов идентификации в нынешней России, своеобразной десоциализации и «асимболии» (по терминологии Р. Барта). Это связано, с одной стороны, с возрастающей фрагментацией российского социума, усиливающимся стремлением большинства людей к малым общностям, к связям с исключительно «своими», по преимуществу ближайшими родственниками (для более старших по возрасту) и ближайшими друзьями (для молодых респондентов). С другой стороны, работа многих интеллектуальных групп, а особенно каналов массмедиа, в последнее десятилетие сосредоточена прежде всего на выработке и поддержании предельно ограниченного количества образов государственной власти (фигур лидера и т. п.) исключительно как символов национального целого («великой державы» и проч.), тогда как социальные движения, течения, группы и другие формы самоорганизации, возможность представить и обсудить их идеи, лозунги, символы в публичном

пространстве если не вовсе сведены на нет, то в значительной степени приглушены и ослаблены, институционализации их ценностей не происходит.

Вместе с виртуализацией социально-политической сферы нарастает асимволизм публичных пространств в России. И то, и другое суть производные от структурной неопределенности российского социума, дефицита в нем инициативных, самостоятельных групп и авторитетных, эффективных институтов. В этих условиях явно ощутим, более того — растет разрыв между персонифицированными символами национально-государственного целого, монополизированными высшей властью, с одной стороны, и исключительно узкими, аффективными связями и общностями «своих», с другой. Последние — именно в силу своей изолированности и преобладающих партикуляристских отношений «лицом к лицу» — либо не нуждаются в развитой символике, универсальных и обобщенных (абстрактных) посредниках, либо обходятся традиционалистской символикой (гендерной, возрастной, брачной и т. п.). [14]

Чем в большей мере та или иная группа населения тяготеет к немногочисленным «главным» символам (фигурам-олицетворениям) национально-государственного целого, тем в большей мере она теряет язык, как бы «немее». Но тем в большей степени она нуждается в чужом «языке» символического целого, который сегодня несет телевизор. Можно сказать, чем громче голос телевизора, тем немее и глуше его публика (с известной долей схематизации можно назвать ее «страной», по крайней мере это большинство населения страны, примерно от трех пятых до трех четвертей взрослых россиян).

Молодежь в определенной степени разделяет приверженность к государственно-национальной символике целого, но привержена ей все-таки в меньшей мере, чем другие возрастные группы. Характерно в этом плане, что и в регулярное многочасовое теле-смотрение молодежь городов,

особенно Москвы, включена не столь интенсивно, как более старшие группы россиян. Зато молодежь гораздо больше смотрит кино, чаще бывает на выставках, в музеях, чаще читает книги, активнее пользуется компьютером и Интернетом, иными словами — активнее воспринимает различные, конкурирующие, допускающие выбор образы «других». Эти образы имеют принципиально другой характер, чем фигуры верховной власти на экранах телевизора: они не воплощают далекое, не требующее вмешательства, идеализированное национально-государственное целое, а несут с собой значения различных потенциальных социальных партнеров. Иначе говоря, молодежь меньше других групп интересуется монолитным целым навязчивого и безальтернативного государства, но несколько более активно ищет связи с «недостающим» обществом, с «другим», незнакомым. [14]

Из вышесказанного следует одно из важных характеристик молодежи — стремление узнавать «другого», переход к возможности выбора определенных ценностей, что также является основой на которой развивается направление критического дискурс анализа. С одной стороны, это отражает определенную тенденцию к гражданским «западным» ценностям среди молодежи (см приложение 8 таблица 9). С другой стороны, определяет возможность использования критического дискурс анализа в образовательном процессе как последовательное удовлетворение стремлений и ценностей в курсе социально-гуманитарных дисциплин.

Выше мы рассмотрели политический и ценностный аспекты, молодёжи, в русле дифференциации по социально-демографическим признакам, то есть по полу, возрасту, месту жительства, уровню образования, роду занятий. Однако, как мы все знаем, положительные, равно как и отрицательны качества встречаются в любой из названных групп.

В рамках нашего исследования мы, принимая во внимание вышеназванные особенности данной социальной группы, предпримем попытку дифференциации по другому признаку, которые связаны с

развитием коммуникативных навыков, а также способностей к пониманию и работе с текстом и дискурсом.

Возможность дифференциации по уровню развития коммуникативных навыков предоставляет семиосоциопсихологическая концепция социальной коммуникации, на часть положений которой мы будем опираться в рамках использования исторического дискурс метода, с учетом социокогнитивного подхода. [1; 19].

Суть данного подхода заключается в том, что мы можем обратиться непосредственно к одной из самых важных составляющих жизни и образовательного процесса – коммуникации. Это достигается последовательно через предмет понимания – коммуникативную интенцию, которая завуалированно или явно присутствует в целостном коммуникативном акте. В данном случае термин «интенция» (намерение, стремление) понимается шире чем обычно. Интенция это «равнодействующая мотивов и целей общения и взаимодействия людей» [19].

Мы дополняем данное понятие рядом свойств, которые вносят воззрения Ю. Хабермаса, а именно претензия на значимость, рациональность коммуникации. Кроме того, мы также можем сказать о репрезентации дискурса и его воспроизводстве через целостный коммуникативный акт, что также заключено в интенции, опираясь на методологию критического дискурс-анализа.

Реализованная в конкретном дискурсе (единице дискурса) интенциональность адресата становится объективным, состоявшимся фактом, который мы пытаемся понять и проанализировать, в рамках определенного методологического направления. В нашем случае, это критический дискурс-анализ. Мы говорим не о согласии или несогласии, но только о понимании. Также, нет вариаций правильного или неправильного восприятия, так как каждый человек воспринимает текст и дискурс в рамках

своих когнитивных возможностей, контекста и личностного состояния, опираясь на теорию интегративного понимания и допустимую многоаспектность содержания дискурса. Однако, мы можем, используя исторический и культурный контекст, знание о совокупности техник, стратегий и тактик по воздействию на адресанта и лингвистическую реализацию сформулировать такую характеристику, как адекватность понимания смысла. Умение адекватно понимать интенции автора – это социально значимое качество, и для конструктивных взаимодействий людей необходимо как минимум взаимопонимание. [3]

В современных исследованиях обычно используется следующая дифференциация: группа с высоким уровнем коммуникативных навыков (адекватное восприятие); группа со средним уровнем (частично адекватное восприятие); группа с низким уровнем (неадекватное восприятие) [1; 2; 3]. Изначально в работах данных исследователей говорится о восприятии художественных произведений, имеющих автора, в нашей работе, мы произвели попытку адаптировать примерные характеристики восприятия на единицу политического дискурса.

При адекватном восприятии респондент понимает особенности иерархических отношений внутри элементов мотивационно-целевой структуры воспринятого произведения: различает, например, стратегии и тактики; средства лингвистической реализации, и т.д. и в результате «добирается» до авторской интенции. При этом процесс «освоения» структуры происходит снизу-вверх: от мелких деталей, подробностей – к более высоким уровням, вплоть до интенции.

При частично адекватном восприятии респонденту не удастся «выстроить» в своем сознании целостную мотивационно-целевую структуру, адекватную той, которая латентно присутствует в воспринятом произведении, авторская интенция остается для него не проявленной, зато «уловом» оказывается большое количество содержательной информации.

При неадекватном восприятии за бортом внимания и, соответственно, понимания оказывается не только авторская интенция, но и любая взаимосвязь внутри мотивационно-целевой структуры; респондент либо вообще ничего не запоминает, либо «выхватывает» из целостной структуры воспринятого произведения какой-то отдельный факт, даже имя, слово, фразу, и вводит в собственную систему умозаключений, предположений, выводов, фантазий, никак не связанных с интенциональностью воспринятой единицы дискурса.

Исследовательские данные свидетельствуют, что адекватное восприятие непосредственно не зависит от: пола, возраста, места жительства уровня образования, хотя по данным исследователей есть положительная динамика, связанная с повышением уровнем образования. Однако, адекватное восприятие достигается сложнее при увеличении сложности дискурсивных единиц (текстов), а также при отрыве от контекста.

Т. Адамьянц говорит, что: «В результате изучения в серии исследований, проведенных на протяжении ряда предыдущих лет, постоянно фиксировалась следующая закономерность: позиции группы с высоким уровнем коммуникативных навыков оказывались более выигрышными (социально значимыми) по всем характеристикам, ставших предметом изучения. Это, например, личностные представления о желательном и нежелательном; представления об оптимальном варианте поведения при возникновении конфликтной ситуации в коллективе; эмоциональное восприятие «мира вокруг»; уровень социокультурных интересов; знание актуальных проблем современной России; степень толерантности (дружелюбия) по отношению к представителям другой национальности, другого вероисповедания; успехи в учебе у школьников; отношение к своим профессиональным задачам.» [3]

Полученные результаты позволяют обозначить Т. Адамьянц актуальные, с точки зрения задач развития современной молодежи,

проблемы. «В настоящее время навыки адекватного ориентирования в процессах коммуникации – это скорее природный дар (способность, талант), возможность развития которого доказывает проведенный эксперимент. Проще всего и легче всего было бы развивать такие навыки на занятиях по литературе или – на специальных занятиях, но на литературных примерах» [2]. Мы предполагаем, что развитие навыков адекватного ориентирования в процессах коммуникации можно реализовать при использовании критического дискурса анализа студентами, на предметах, которые касаются данного направления в курсе социально гуманитарных направлений вуза, а именно социологии, политологии.

Стоит отметить, что в рамках нашей работы исследование будет другого плана, в парадигме качественных исследований с определенными ограничениями и погрешностями в силу ряда причин, о которых мы скажем позже.

В настоящее время, как известно, теория и практика обучения дисциплин, связанных с коммуникацией, определяется герменевтическими концепциями, декларирующими множественность смыслов и связывающими понимание с «приращением смыслов» [1]. Им противостоит семиосоциопсихологическая концепция: здесь разведены понятия «смысл» коммуникативного акта, который представляет собой овеществленную в произведении и потому константную авторскую интенциональность, и «личностные картины мира», возникающие в результате восприятия и которых, конечно же, столько же, сколько и людей. [3]

Мы придерживаемся мнения, что направление критического дискурс-анализа также говорит о вполне определенных и конкретных целях адресата, ограничивая множественность смыслов, давая им определенную – критическую позицию. Это происходит в русле как понятий доминирования, злоупотребление и нелегитимное использование власти, так и теории интегративного понимания. Мы не уходим в радикальные позиции, так как

множественность смыслов по-своему раскрывается также и в критической парадигме, так как аспекты доминирования и репрезентации доминирования в дискурсе, и с помощью дискурса весьма различны.

В общественной дискуссии, и, в особенности, в политическом дискурсе, в высказываниях политиков и общественных деятелей все чаще звучит мысль о необходимости единого смыслового пространства, с целью предотвратить разобщенность, социальные конфликты, возникновение «двойных стандартов». Идет речь о необходимости диалога между разными концепциями и аспектами жизненного мира, на которые они распространяются, с учетом возможных социальных, культурологических политических и иных выигрышей, и потерь. [3]

Наш подход ставит под сомнение вышесказанные идеи. Именно через критическую парадигму можно рассмотреть отношения властных структур и общества, в реализации этих отношений через дискурс: его использование и воспроизводство.

Поэтому мы попытаемся сформулировать иные положения, которые обуславливают потребность в использовании методологии направленной на улучшение качества коммуникации. Мы говорим о развитии коммуникативных навыков через развитие умения работать с дискурсом и текстом. Ранее, мы обозначили выбор дискурса как наиболее актуальную и жизненную структуру, которая пронизывает нашу жизнь.

В рамках обучения студентов в вузе мы можем предоставить им все возможности для анализа сначала текста (как компоненты дискурса), а затем и самого дискурса. В связи с тем, что дискурс содержит определенные единицы, которые мы можем избрать для исследования, можно отобрать такие условия, которые позволят постепенно приблизиться к попытке развить навыки адекватной интерпретации. Сначала взять работу над текстом, определить понимание того, как формируется и понимается текст. Затем от текста, как единицы дискурса, перейти к самой сущности

коммуникативного взаимодействия, которое проявляется в дискурсе, к потреблению цельного актуализированного текста, со всей совокупностью экстралингвистических факторов и контекста. При попытке анализа дискурса в рамках направления критического дискурс анализа, студент столкнется с рядом положений, которые являются неотъемлемыми для науки и для качественной коммуникации: осознанность, скепсис, позиция угнетенных, как тех, кто угнетается через дискурс и его воспроизводство, выстраивание иерархических и системных отношений через дискурс. Но данные положения не являются аксиомами, а требуют обоснования и аргументации, как и качественное коммуникативное взаимодействие.

Тем самым можно заключить, что использование критического дискурс анализа студентами в процессе обучения является основой для улучшения понимания и коммуникации не только по отношению к определенным текстам и дискурсам, например, политическому, но приращение когнитивного опыта к личностной картине мира, с использованием определенных когнитивных механизмов восприятия речи, текста и дискурса в целом. Мы считаем это справедливо как для дальнейшего образовательного процесса, так и для будущей жизни и профессиональной деятельности.

В данном случае, можно говорить об определенном социальном выигрыше от увеличения в обществе людей, которые имеют высокий уровень коммуникативных навыков. [3] Человек, который может адекватно интерпретировать поступающую информацию, критически смотреть на власть и ситуацию в стране и мире, имеет потенциал позитивно изменить окружающую действительность. Осознание и понимание — это первый этап, без которого не может быть дальнейшего развития. В этом плане задача развития навыков работы с дискурсом и текстом студентов приобретает в современных условиях особое значение.

Для того, чтобы проверить допущенные нами предположения, было проведено исследование-апробация, положения которого и результаты представлены с следующим параграфе.

2.2 Применение Исторического дискурс-метода.

В исследовании (см. план исследования в приложении 1) участвовало 5 студентов, обучающихся на гуманитарных направлениях. Трое из них являются студентами 2 курса журналистики Уральского Федерального Университета, один студент 3 курса культурной журналистики Екатеринбургской Академии Современного Искусства, один студент 3 курса по направлению организация социально-культурной деятельности Уральского Государственного Педагогического Университета.

В рамках обучения у студентов была одна или несколько из следующих дисциплин: политология, социология. Обе дисциплины велись у первых трех студентов, курс социологии был у остальных двух. На данных дисциплинах они не изучали дискурс-анализ (критический дискурс-анализ), студенты находятся в одной возрастной группе (19-21), имеют схожие социально-демографические характеристики. Пунктуация и орфография авторов сохранены с целью сохранить «живой» характер работ и мысли.

Исследование включало в себя несколько этапов, которые мы раскроем подробно и определим особенности, которые несут в себе работы на каждом из этапов.

Первый этап заключался в получении дотеоретической интерпретации единицы дискурса – результат оформлялся в виде эссе не более 2000 знаков. Эссе могло содержать примерно следующие смысловые блоки:

1. Описание коммуникативной ситуации;
2. Возможные смысл/смыслы выступления;
3. Эмоциональная оценка выступления;

4. Комментарии о содержании выступления, экстралингвистических факторах (поведению, мимике, жестах, интонации и т.п).

Студентам предоставлялся материал для дотеоретической интерпретации – выступление главы государства, с полным доступом и расшифровкой на сайте. (см. приложение 1) Сами работы представлены в приложении 4.

Хотя смысловые блоки были необязательны, почти все респонденты опирались на них при написании эссе, однако делали это избирательно.

Трое из респондентов дали насыщенную эмоциональную оценку выступлению: «Конечно, слезы наворачиваются на глаза от таких речевых оборотов. Хочется скакать по полям, обнимать березы и читать Есенина. Эта коммуникативная манипуляция и рассчитывает на такой эффект.» (студент 5), «На проекторе изображено сердце в цвете триколора с громкой надписью: «Крым в моем сердце». В. Путин будто вписан в это сердце. Возникает вопрос: «Так-то в нашем сердце – Крым или Путин?». Радостные лица в толпе вполне ясно, хотя и молча отвечают на этот вопрос.» (студент1) Однако студенты 2 и 4 воздержались от эмоциональности и постарались приблизить свой анализ к научному, используя характеристики научного стиля. Также присутствует смешение смысловых блоков. Например, блока номер 3 и номер 4, что позволяет достичь определенной полноты выражения мыслей «Путин, как обычно, чеканит слова, что в данном случае, на мой взгляд, уместно, но жестикулирует странно: в перерывах между словами, например, опускает руку, которой до этого активно что-то показывал, и это выглядит неестественно.» (студент 3).

Здесь можно сказать о личностном понимании задания и личностном восприятии формата, в котором это задание выполнялось. Смысловые блоки выполнили роль структуры, но более скрытой, нежели явной. Непосредственное прописывание блоков было выполнено только в двух

случаях: «Цель выступления – поздравить россиян с окончательным вступлением Крыма в состав России. Четкая и уверенная поза, эмоциональное и интонационное выделение на метафоричной фразе «в порт постоянной приписки, в Россию!» демонстрируют основной посыл обращения - пробудить в людях патриотизм, показать значимость и масштабность события в истории России.» (студент 2), «Коммуникативная ситуация и обстановка митинга довольно типична для подобного рода «провластного» события. Владимира Владимировича на сцене окружают люди милитаристической внешности. Сзади президента стоит Аксенов почему-то с георгиевской лентой (собственно, на дворе 18 марта). Вообще митинг сплошь пестрит разного рода патриотической символикой: флаги (различных партий: от ЛДПР до коммунистов - причем и имперские флаги, флаги георгиевской раскраски, триколор и т.д.). Все кругом скандируют «Россия», сопровождая сакральные президентские речи. Милитаризм, Путин, патриотический экстаз.» (студент 5)

В ряде работ есть текстуальный анализ, по типу схожий с анализом художественных произведений, и психологическим анализом речей (уровень бытовой психологии и поверхностный уровень психологии через масс-медиа) через метафоры, местоимения и иные лингвистические средства: «В этой же метафоре («возвращаются к родным берегам, в порт постоянной приписки, в Россию!») Крым и Севастополь выступают как бы кораблями, имуществом, которое приписывается к территории России. Следующем предложении сие сглаживается утверждением о добровольности и сознательности подобных событий ("спасибо к и с за их последовательную, решительную позицию выражающую волю быть весте с Россией").» (студент 4), «Россия здесь рисуется как такой радушный хозяин, как “принимающая” сторона: мы ничего не делали, Крым никак к действиям не подталкивали, смиренно ждали их самостоятельного решения, болели издалека.» (студент 3). Текстуальный анализ в каждой из работ перетекает к смысловому блоку

номер 2 – к смыслам выступления: «Прямые обращения говорит о поиске поддержки у аудитории, за счет чего выступающий повышает свой авторитет. Выступление заканчивается снова апеллированием к собравшимся, в словах явная уверенность: «Я знаю, я уверен, мы всё преодолеем, всё решим, потому что мы вместе».» (студент 2), «Говоря о трудностях Украины и о переживаниях за неё от лица "мы", своим "я" он утверждает уверенность в разрешении трудностей, разрешение которых всецело в его власти и с вершины которой он видит возможный будущий успех, ведь главное важное "светлое" событие свершилось - "восстановление" родственных связей (семья как важнейшая политическая установка в стране), объединение сил против остальных не-мы.» (студент 4), «Заканчивает Путин словами о единстве, в котором наша сила - стандартно, созвучно с мнением, что нам нужно затянуть пояса и переждать тяжелые времена, поддержать свою родину и прочее.» (студент 3). Стоит отметить, что в работах студентов 1 и 5 смыслы выступления не очерчиваются, в остальных работах они представлены обрывисто, за исключением работы студента 3 и завершающего абзаца, представленного выше. На основе этих данных можно предположить, что смысловой блок воспринимается интроспективно, и выражен скорее в эмоциональной оценке, без формулирования цельных целей и смыслов, которые находятся в тексте. Кроме того, студент 1 в своей работе вообще не видит рациональности в выступлении и говорит об его абсурдности, что является крайним выражением личностной оценки, и возможно неадекватной интерпретации текста.

Каждая из работ несет форму критики, и присущее ей презрительно-снисходительное отношение к тексту и ситуации в целом. Это может быть связано как с личными чувствами к Владимиру Путину, так и к пониманию «анализа» как критической статьи. Данные аспекты, в целом, можно обозначить как определенные специфические черты дотеоретической, «бытовой» интерпретации, с использованием имеющейся знаниевой базы.

Выстраиваются определенные логические связи, но почти в каждой работе они не являются завершенными и цельными, представляя разбор «перлов» и техник актора.

Второй этап предполагал введение в методологию критического дискурс-анализа и в исторический дискурс-метод (Р.Водак), при помощи теоретического обоснования принципов КДА и социокогнитивного подхода Т. Ван Дейка. В раскрытии этого этапа можно обратиться как к теоретической части работы (2 и 3 параграфы), а также ниже мы обратимся к определенным выдержкам из вводного материала, который был составлен нами при обращении к работам вышеназванных ученых, а также учебного пособия по работе с текстом и дискурсом. Для введения в материал проводились лекции открытого типа, с возможностью сразу задать вопросы и определить сложности. В целом были проведены две встречи, сначала с первой тройкой студентов, затем с оставшимися двумя. Каждая встреча была в рамках двух академических часов (1 пары).

Полный вводный материал представлен в приложении 2. Здесь мы приведем ключевые части материала, которые позволяют войти в методологию как критического-дискурс анализа, так и исторического дискурс-метода.

Во-первых, вводный материал начинается с ряда важных моментов, таких как определение дискурса в наиболее полном его многообразии с помощью определений трех авторов, которые не противоречат друг другу:

Дискурс – это актуализированный текст. Данное определение дает Т. Ван Дейк. Его суть в том, что дискурс по сути является реализацией конструкта, определенного структурой для определенной статусной позиции, например, президента или главы телевизионной компании, через группу спичрайтеров или редакцию газеты, или интернет/телевизионного канала. [16]

Дискурс — это «сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [16, с. 8]; текст же не может быть объяснен «вне исторического, социокультурного, психологического контекста восприятия порождения текста, иначе, вне дискурса» [49, с. 36]. Данное определение позволяет ограничить сферу исследования на дискурс произведенный на русском языке, в связи с изначальной возможностью в полной мере воспринимать культурные коды и темы, которые воспроизводятся в дискурсе нашей страны.

Дискурс – это социальная практика. Данное утверждение формулирует и доказывает в своих работах Р. Водак. Это значит, что последствия реализации дискурса реальны, и, можно сказать, направлены на манипуляцию и достижения желаемых действий со стороны адресата. Данное положение особенно актуально для политического дискурса. [87]

Затем определяются основные принципы критического дискурс анализа, как научного направления:

1. Общество и культура диалектически связаны с дискурсом — они формируются дискурсом и в то же время конституируют дискурс. Каждый отдельный пример применения языка воспроизводит или трансформирует общество и культуру, включая отношения власти. Использование языка может быть идеологическим. Чтобы определить это, необходимо проанализировать тексты и исследовать их интерпретацию и восприятие, и социальное влияние. [56]
2. Дискурсы носят исторический характер, их можно рассматривать только в контексте.

3. Дискурсы не только встроены в определенную культуру, идеологию или историю, но и связаны интертекстуально с другими дискурсами.
4. Связь между текстом и обществом не прямая, а опосредована социо-когнитивно, как это предлагается в социально-психологической модели понимания текста.
5. В отличие от других видов дискурс-анализа, критический дискурс анализ открыто показывает свою позицию – это позиция угнетенных, тех кто претерпевает несправедливость и злоупотребление властью по отношению к себе. [42]

Далее раскрываются специфичные категории социокогнитивного подхода и, в том числе, исторического дискурс-метода:

Злоупотребление властью воспринимается как ее нелегитимное (то есть такое которое не определено изначальным законом (например, конституцией) и противоречит идеи о предназначении власти в демократическом обществе) использование с целью удержания, распространения и доминирования.

Доминирование можно описать как осуществление контроля и ограничение возможностей группы/групп (как материальных, так и дискурсивных, например, доступ к каналам информации), которые подвергаются доминированию. В свою очередь доминирование укрепляется и воспроизводится с помощью властного дискурса через доступ к дискурсу, который имеют весьма немногие и в основном они являются представителями элит. Символические элиты, те, кто могут сами создавать прецеденты, говорить и осуществлять символическое насилие (воздействие в своих интересах с помощью дискурса, манипуляцией знания и т.п.), владельцы символического капитала (по П.Бурдьё). [17]

Следующим шагом в вводном материале можно назвать переход непосредственно к критическому дискур-анализа а затем к историческому дискурс-методу.

Критический дискурс-анализ — интерпретивный и объяснительный метод. Критический анализ подразумевает систематическую методологию и связь между текстом и его социальными условиями, идеологиями и отношениями власти. Интерпретации всегда динамичны и открыты для новых контекстов и новой информации.

Исторический дискурс-метод опирается на теорию лингвистической деятельности и анализирует уровень содержания и отношения в выступлениях, интервью и т.д. Также в его основу легла теория планирования текста, которая позволяет идентифицировать намерения говорящих и экстралингвистические факторы производства текста.

Рут Водак разработала социо-лингвистическую теорию планирования текста. Ее суть в том, чтобы показать, что при планировании текста важное влияние оказывают социологические переменные и психологические детерминанты (принятые нормы поведения, опыт индивида и т.д.) [42]

Далее раскрываются данные теории, необходимые для лучшего понимания метода, дается аналитический аппарат и пример реализации исторического дискурс метода. (приложение 2)

Третий этап заключался в проведении самостоятельного критического дискурс анализа обучающимся, при частичной поддержки педагога (в виде вопросов и сложностей, которые могут возникнуть в процессе работы). Здесь можно описать и раскрыть особенности поддержки и процесса введения в непосредственную практическую работу.

На данном этапе, нами были проведены консультации и повторное представление вводного материала (по необходимости), с уточнением и абстрактными примерами по каждой из возможных проблем. В сущности,

вводились параллельные примеры из политической жизни, анализируемые в рамках критической парадигмы. Также были проведены разъяснения с примерами части аналитического аппарата, техник и стратегий, проведены аналогии с отечественным подходом к стратегиям и тактикам (глава 1, параграф 3). Уточнена процедура, и определения аналитических блоков. Возникли определенные сложности с пониманием выстраивания структуры исторического дискурса метода у одного студента (студент 1), после консультации был проведен повторный анализ, при учете результатов первой работы.

Также стоит отметить другие особенности выполнения критического дискурс-анализа и его результатов.

Каждый из студентов, достаточно немного внимания уделяет контексту, сужая его до конкретной коммуникативной ситуации, иногда добавляя какие-то более широкие абстрактные моменты: «Вспомним, по итогам референдума в 2014 году полуостров Крым и город Севастополь перешли в состав Российской Федерации. Одни утверждают, что Россия вернула свои законные земли, другие – Россия захватила Крым. Для того, чтобы в обществе усилить первую идею, президент России выступает на митинге в честь присоединения этих земель. Слова оратора расходятся с реальной ситуацией на Украине и России.» (студент 1), «Тем не менее, обсуждения не утихают, а мнение о том, что присоединение - это на самом деле аннексия, озвучивается часто.» (студент 3), «Данные события широко освещались в международных СМИ (в них действия России были оценены как агрессия, оккупация и нарушение целостности Украинской территории) и отечественных (согласно позиции которым смена власти на Украине являлась переворотом, инсценированной извне "врагами с запада" ,а присоединение крымской территории к России рассматривается как решение, принятое на благо жителей Крыма и как гарантия защиты их правовых, социальных и личных свобод и вообще исторически

детерминированное событие, что и было репрезентованно в речи президента на этом митинге).» (студент 4). Однако студент 4 кроме данного фрагмента, единственный представляет исторический контекст, который проявляется в упоминании контекстуального обращения президента к СФ, указывая на это в блоке «тема и содержание, интертекстуальность», что по нашему мнению означает определенное решение об отказе от разделения информации по блокам: «Апеллируя к исторической памяти и патриотическим чувствам россиян, например в обращении президента перед депутатами и членами СФ было упомянуто следующее : "здесь принял крещение князь Владимир, здесь находятся могилы русских солдат, завоевавших Крым в 1783 году для Российской державы, здесь стоит Севастополь — родина русского Черноморского военного флота " и т.д . подобные и другие отсылки присутствует почти во всех СМИ освещающих данные события.»

Кроме того, можно выделить двух студентов которые относительно отличаются от других. Студент 2, который не описал контекст как таковой, так как сам блок не имел как таковой содержательности: «Владимир Путин выступил на митинге “Мы вместе!” Митинг проходил в Москве 18 марта 2014 года в поддержку принятия Крыма в состав Российской Федерации. Запись выступления Владимира Путина выложена на официальном сайте Президента России kremlin.ru». Студент 5, который определил контекст наиболее широко, наполнив его формулировками предшествующих дискурсов, которые могли повлиять на данный актуализированный текст: «Этот текст появился в результате дискуссий, собственно, о вхождении Крыма и Севастополя в состав России – были споры о том, является ли это аннексией или легитимным актом— это один и тот же дискурс присоединения – до этого был, получается, украинский дискурс, майдановский дискурс, дискурс сочувствия к крымчанам и севастопольцам, как к угнетаемой группе – целая плеяда дискурсов сформировала этот текст.»

В блоке «тема и содержание, интертекстуальность» студенты проявили себя иначе. Студент 1 смешал данный блок с развернутым описанием текста, по сути завуалировав скудность реализации блока, уделяя анализу лингвистической реализации через местоимения «мы» и «я»: «Темы этой речи отражают присоединение и захват земель, «теплые» отношение дружеских стран. В. Путин часто произносит местоимение множественного числа «мы» («мы вместе много сделали», «мы все преодолеем», «мы очень переживаем» и т.д.), тем самым показывая, что он как президент страны, выражает взгляды всего народа. С одной стороны – он этим нивелирует свою значимость и приравнивает себя к одним из «нас», то есть зарабатывает себе статус «главы из народа». С другой стороны – местоимение «мы» звучит более внушительно: показывает, что нас много, и мы все разделяем эту точку зрения, «стоим горой друг за друга».

Лишь однажды в речи В. Путин звучит личное местоимение «я» («я верю, что Украина преодолеет все трудности»). Таким образом он показывает свою некую избранность: если русский народ верит – это одно, но если верить сам президент России, то точно на Украине все будет хорошо. При этом «избранность» главы государства не сильно преувеличивается, но укрепляется вера в мир соседней страны.» Также, в данном фрагменте видно частично адекватное понимание интенций автора, которые в данном случае выражены завуалированно, часть из которых студент анализирует верно, но затем делает вывод, который логически не связан с первой частью анализа (абзац 2).

Студент 2 вполне достойно раскрыл данный блок, кроме тем, указав на определенную интертекстуальность, и техники, позволяющие подчеркнуть темы, указанные в выступлении: «Тема выступления носит патриотический характер: возвращение исторической территории в состав Российской Федерации. Выступление В.Путина направлено на всех граждан России, это

подчеркивается фразой: “Уважаемые граждане России, крымчане, севастопольцы!”

Крымчанам и севастопольцам выражается особая благодарность “за их последовательную, решительную позицию, за их ясно выраженную волю быть вместе с Россией”. Намеренное добавление “за их позицию/за их волю”, намекающее на всенародное и демократическое решение в вопросе присоединения Крыма. Благодарность крымчанам и севастопольцам выражается дважды за выступление. Также, в речи выступающего затрагивается проблема войны на Украине и особого положения Крыма в этой ситуации. Эта проблема звучит остро и подается с намеренным обобщающим местоимением “мы”.»

Студент 3 выделив основную тему – присоединение Крыма, опустив при этом возможные другие темы, весьма интересно раскрыл определенную реализацию дискурса о различиях, выделяя три группы, но в данном блоке, не раскрывая завуалированное противопоставление, уделяя внимание конкретной реализации дискурса в тексте, где данное противопоставление скрыто: «Можно выделить три группы, о которых говорится в речи: “мы”-россияне, “они”-крымчане и “они”-украинцы. Группы описываются в позитивном ключе, все они подчинены дискурсу объединения: “нас” с крымчанами, “нас” с украинцами - при этом примечательно, что объединения между крымчанами и украинцами нет - дообъединялись уже. Казалось бы, из-за конфликта между Россией и Украиной и в принципе ситуации, в которой Крым делал выбор между ними, должно было возникнуть противопоставление двух стран, но этого не происходит - президент настаивает на наших добрососедских и родственных отношениях.» Можно было бы заключить, что в данной фрагменте видна частично адекватная интерпретация, однако в следующем блоке – развернутом описании текста, указываются и анализируются моменты доминирования и его репрезентации

по отношению к Украине, направленные на формирование определенных когнитивных позиций.

Студент 4 представил наиболее развернутый блок «тема и содержание, интертекстуальность», также определяя тему как «Утверждение легитимности Крыма и Севастополя к России через указания исторической обусловленности воссоединения братских народов («мы не просто соседи, мы самые близкие родственники») и положительных характеристик подобного исхода в контексте общественно-политического кризиса Украины.», указывается противопоставление России и Украины, в оппозиции «Мы» и «Они».

Схожее представление дает и студент 5, но определяет тему как отражение позиции власти (в лице президента) по отношению к свершившемуся событию (присоединения Крыма и Севастополя): «Акцент делается на историческом праве России на эту территорию, для этого спикер использует олицетворения (очеловечиваются страны, наделяются чувствами), метафоры родства («Мы не просто соседи, мы самые близкие родственники»), антропологические метафоры, очень яркая морская метафора («После тяжёлого, длительного, изнурительного плавания Крым и Севастополь возвращаются в родную гавань, к родным берегам, в порт постоянной приписки, в Россию!»).

В целом во всех работах обращено внимания на использование местоимений, противопоставлению России и Украины, как теплого (России) и места где тяжело, трудности (Украина). Также уделяют внимания повторениям: «Президент два раза подряд говорит о переживании, но эта повторенная эмоция подчеркивает отделение некогда целостной территории и одного народа.» студент 5, «Благодарность крымчанам и севастопольцам выражается дважды за выступление.» студент 2. Каждый студент говорит о теме присоединения, но указывает свою специфику, обращая внимание на разные аспекты выступления, о противопоставлении, об историчности. В

основном опираясь на конкретный текст, свои предположения в ходе анализа каждый студент определяет по своему, с небольшими пересечениями и сходствами. Студент 1 и 2 уделяют внимание «мы-дискурсу», «благодарности», студенты 3, 4 говорят о «мы и они», студент 5 говорит о «переживаниях» и формировании разных «мы», которые порождают скрытый «мы и они».

Блок «развернутое описание текста» достаточно насыщенный во всех работах. Каждый из студентов уделяет много внимания метафорам, их анализу и описанию, показывает техники и стратегии, их реализацию и анализирует их, но зачастую не выделяет конкретно. Все студенты в особенности выделяют метафору-мем – «возвращение в родную гавань»: «Самая яркая из них – «После тяжёлого, длительного, изнурительного плавания Крым и Севастополь возвращаются в родную гавань, к родным берегам, в порт постоянной приписки, в Россию!»» (студент 1), «В предложении “после тяжёлого, длительного, изнурительного плавания Крым и Севастополь возвращаются в родную гавань” используется стратегия преувеличения.»(студент 2), «Президент доносит до аудитории мысль о том, что вхождение Крыма в состав России - это правильно, что это радостное событие для всех, а то, что Крым вообще находился в составе Украины - трагическая ошибка. Делается это с помощью развернутой метафоры, где Крым сравнивается с кораблем, а его “путешествие” до возвращения в состав России называется “тяжелым, длительным, изнурительным плаванием”.» (студент 3), «Актор использует метафорические модели (“после тяжелого, длительного изнурительного плавания Крым и Севастополь возвращаются в родную гавань - в Россию, к родным берегам, в порт постоянной приписки»)), которые в контексте событий являются аллюзиями на базированный в Севастополе военно-морского флот России и историей этого города.» (студент 4), «Метафору «После тяжёлого, длительного, изнурительного плавания Крым и Севастополь возвращаются в родную гавань, к родным

берегам, в порт постоянной приписки, в Россию!» - можно рассматривать как эвфемизм, где изнурительное плавание – это события Майдана, референдума и выхода из состава Украины, а возвращение в родную гавань – это аннексия.» (студент 5).

Кроме того, в каждой работе выделяются схожие темы: преодоления, правильности выбора, трудностей, историчности, но как конкретные темы они не выделяются, а формулируются в рамках свободного описания, подтвержденного конкретным фрагментом выступления. Некоторый анализ очень насыщен и развернут (студенты 4 и 5), работы первых студентов менее содержательные, акцентируются на трех-четырех темах (студенты 1,2,3). Частично это объясняется тем, что часть блока развернутого описания у первых студентов перенесен в «блок тема и содержание, интертекстуальность», а у последних студентов ситуация частично обратная.

Блок «итог» оказался наиболее сложным для студентов и, в следствие этого, спорным.

Студент 1 указывает, что итог — это нивелирование роли в победе, что уже странно, так как данное определение имеет странную адаптацию в рамках данной дискурсивной единицы, а также говорит о том, что «оратор под видом дружеского объединения завуалировал захват земель соседней страны.». В связи с этим можно выразить сомнение в правильности причинно-следственных связей, так как присоединение Крыма и Севастополя было произведено до публичного выступления президента. В данном случае можно сказать о частично адекватной интерпретации текста и метода, так как возможно сущность блока «итог» была понята неадекватно.

Студент 2 в блоке итог описал само выступление, а не определенные действия, которые оно могло произвести, а также дал определенные комментарии о выступлении, что говорит о неадекватном понимании блока.

Студент 3 частично адекватно понял блок, выделив цель – действие, которую можно считать вполне приемлемой: «Основная цель - наиболее положительным образом представить Россию в данных обстоятельствах - выполнена за счет отсутствия конкретики и откровенного обеления.». Однако, также разбирается само выступление, что в данном блоке не требуется.

Студент 4 описал в блоке итог своего анализа, а не дискурсивного акта: «В процессе анализа были выявлены стратегии воздействия, целью которых является формирование восприятия события присоединения крымского полуострова как воссоединение семьи, исключая ассоциации в ходе речи какие-либо политические интересы.»

Студент 5 дает наиболее адекватный итог: «Легитимация присоединение Крыма и Севастополя, использование президентом своей символической власти. Дискурс относительно присоединения можно понимать только со ссылкой на предыдущие дискурсы относительно разницы в более отдаленном и недавнем прошлом.»

Результат данного блока был достаточно неожиданным для нас. Каждый из студентов имел пример-шаблон (в приложении 2), однако только студент 5 воспользовался структурой данного примера.

Стоит отметить, что пример не разбирался на введении в материал по КДА и ИДМ исследователем, а был отдан на собственное ознакомление в процессе работы. Возможно, именно данный факт негативно сказался на результатах.

Четвертый этап – подведение итогов студентов. Студентам предлагалось сравнить дотеоретическую интерпретацию с результатом, полученным при использовании КДА, на основе своих размышлений подготовить эссе (не более 2000 знаков). В эссе предлагалось содержать следующие смысловые блоки:

1. Мнение о различиях интерпретации;

2. Отношение к использованию КДА (что понравилось в методе, что не понравилось);
3. Желание повторно использовать схожий метод при освоении материала по теме (расизм, этнические конфликты, межконфессиональные конфликты, СМИ в обществе, политические конфликты (внутригосударственные, межгосударственные));
4. Мнение о методологии КДА, применимости в России, применимости в образовательном процессе со стороны как педагога, так и участника;
5. Использование КДА в семинарах (при деловых играх, в качестве практического домашнего задания);

В заключительном эссе наблюдается ряд схожих черт, а также определенные различия, которые будут описаны ниже.

Отличительна работа студента 1. Он обосновывает сложности с работой своей аполитичностью, указывает на то что ему пришлось изучать материалы про ситуацию на Украине и историю присоединения Крыма к России, однако реализация данного положения не видна в самом дискурс-анализе, историчность не прописана ни в одном блоке точно, присутствуют только абстрактные формулировки, которые не требуют предварительного изучения. Говорится о сложности метода в силу его разносторонней методологии, а также в проблеме когнитивного диссонанса с бытовым пониманием и пониманием в парадигме критического направления. В заключении говорится следующее: «В повседневной жизни, на мой взгляд, дискурс-анализ невозможно применять, да и нет такой потребности. Однако в университетах на специальностях «политология», «социология», «психология» и т.д. данное исследовательское направление способствует более глубокому изучению какой-либо проблемы.». Данный фрагмент

содержит противопоставление реальной жизни и академической, что противоречит концепции образования, а также определяет метод, который позиционирует себя как тот, что направлен на изменения, как теоретический и академический, при этом указывая на позитивность использования. Из всего сказанного можно сделать вывод, что одобрение метода студентом было формальным.

Студент 2 указывает на то, что исследование было сложным в силу «пробела в знаниях» по теме. Также указывается сложность связывания стратегий с лингвистическими реализациями. Но критический дискурс анализ описывается как «интересный метод» для анализа речи публичного человека. «Мне кажется, что КДА направлен на более критичное восприятие к выступлениям медийных личностей. Обычно популярные личности, общественные и политические важные деятели, которые имеют авторитет охватывают широкую аудиторию и пользуются некими манипулятивными приемами, которые используются как средство внушения и навязывания определенной идеологии.» В заключении позитивно оценивается использование и изучение в современной высшей школе (курсе социологии).

Студент 3 говорит, что: «Самым сложным для меня был поиск конкретных техник аргументации. Представленные в примерах техники были почти не использованы (или я, опять же, не смогла их увидеть) в тексте, который нужно было анализировать мне.». Плюсом определяет наличие четкого инструментария, что делает анализ менее субъективным по сравнению с дотеоретической интерпретацией. Также в целом положительно оценивает не сами знания о методе, а «знания о конкретных техниках, какие-то факты из примеров». В заключении говорится о том, что критический дискурс-анализ актуален для изучения в вузах, так как «дает как раз инструментарий для анализа текстов, о котором я говорила выше - он помогает достичь конкретики, четкости, приводит анализ к некоему регламенту».

Студент 4 говорит об актуальности метода, как «метода анализа социальных практик вне обыденного восприятия». Как сложность выделяется «пониманием применения теории и структуры/последовательности анализа, не знание релевантных категорий для анализа дискурса». В заключении делается общее позитивное обобщение, с учетом определенных минусов данного направления: «Любые методы, направленные на когнитивную работу с получаемой информацией полезны и КДА не исключение. Обучение ему в рамках учебного процесса не было бы лишним, понимая, как его плюсы, так и минусы (например, субъективность произведенного анализа).»

Студент 5 из минусов выделяет сложности в переходе от теории к практике: «Ты видишь пример, понимаешь в целом, чего хотят от тебя, но что-бы дойти до самой сути метода - нужно время, чтобы самому суметь правильно применить его.», «Поэтому, мне кажется, для этой цели материал, которым мы руководствовались для анализа, и лекция были, наверно, теоретизированы, нагружены лишней теорией и неудобоваримы, им не хватало наглядности, практики. Не хватало в целом какой-то осязаемости, если можно, так сказать.» В заключении идет позитивное восприятие метода, обоснованное определенными аргументами: «Ну, конечно, такой опыт анализа текста дает определённый скилл, навык, в принципе теперь по-другому считаешь речи тех же политиков, уже видишь тот подтекст, то важное, что оставалось между строк. Понимаешь, из чего это сделано и как это работает.

Да, в силу вышесказанного, я считаю КДА актуальным для изучения, так как это развивает критическое мышление, дает важные ориентиры в современном мире, в том числе и в политической жизни, помогает сформировать собственное мнение касательно определенных злободневных вопросов и быть меньше подверженным манипуляциям символической элиты, то есть быть более независимым.»

В целом можно сделать следующие выводы: все студенты отнеслись позитивно к методу, и назвали его актуальным, но лишь некоторые сделали это не формально (аргументируя и проведя качественную саморефлексию). Работа по самому анализу заняла от двух до четырех часов, что достаточно трудоемко. Возникли сложности с теорией и ее реализацией на практике, что может быть обусловлено всего лишь одним вводным занятием, которое, возможно, было излишне теоретически нагруженным в силу междисциплинарности методологии. Почти все студенты указывают на определенное расширение как минимум знаний (1,2,4), как максимум восприятия (студент 3,5). Выражается определенный интерес к методологическому направлению, номинально в рамках новой информации.

Пятый этап – анализ полученных результатов исследователем. Анализировались результаты, был создан обобщающий текст, который раскрывает возможную применимость дискурс анализа в обучении, а также определенные позитивные и негативные стороны в использовании метода и эффективности при субъективной оценке адекватности понимания (на основе работ Дридзе и Дамьянц). Как завершающий этап он будет полностью развернут в данном параграфе. В самом пятом этапе будет выражено цельное обобщение результатов всего исследования.

В нашем исследовании можно точно сказать, что явно неадекватной интерпретации не было, за исключением дотеоретического эссе студента 1, однако в историческом дискурс-анализе он определяет определенные смыслы и интенциональность автора, хотя не в полной мере, что позволяет говорить о частично-адекватной интерпретации после введения в критическое направление. Студенты 2 и 3 показывают частично адекватную интерпретацию, затем улучшая ее в рамках исторического дискурс-анализа. Это проявляется в формулировании цельного смысла, частичного описания стратегий, тактик и лингвистической реализации, анализ содержания, но с отсутствием раскрытия тем, и слабым итогом, и анализом культурного и

исторического контекста. Студент 4 имеет достаточно высокий уровень адекватности восприятия, делает глубокий анализ, но не понимает блок «итог», однако имеет относительно высокий уровень адекватного восприятия текста и дискурса, обращаясь и к историчности. Студент 5 также достаточно хорошо раскрывает все блоки, адекватно прописывая блок итог, с определенной спецификой можно назвать его работу лучшей, вместе с работой студента 4, относительно всех работ, представленных в исследовании.

В первом этапе исследования и в третьем этапе блоки были сформулированы схожим образом, так мы можем увидеть, что восприятие по каждому блоку с использованием исторического-дискурс метода было в определенной мере улучшено, за исключением блока «итог» и «условия и контекст», что говорит об определенных неудачах, представленных в исследовании, о которых мы скажем ниже.

Итак, каждый из студентов говорил о сложности метода, и почти все студенты не были готовы к такой трудоемкой работе в целом это 1.5 часа материал-введение, два эссе (примерно 30-45 минут), а также дискурс-анализ от 2-х до 4-х часов. Объем работы был весьма непрост, даже при достаточно простом выступлении (3 минуты 47 секунд). Возможно, нам следовало разбить вводный материал на несколько блоков и вводить их постепенно, однако, в силу ограниченности ресурсов, мы не смогли этого сделать. Также сказался недостаток базы примеров, что нами не было учтено в полной мере. Кроме того, мотивация студентов была сугубо добровольная, часть из них не ожидала большого объема работы.

Результаты работы частично отражают базовый уровень студентов, наиболее сильные студенты (4,5), скорее всего имели более обширные междисциплинарные знания (история, философия, лингвистика), что проявилось как в дотеоретической части, так и в части анализа и саморефлексии.

Можно предположить, что слабость блока «условия и контекст» была обусловлена сложностью задания и формалистским подходам студента, который ограничивается рамками конкретного задания. Блок «итог» мог быть понят неправильно в силу сложности восприятия направления критического дискурс-анализа как академического, а не социально-критического, направленного на реальный практический результат.

Из плюсов можно выделить: улучшение формулирование цельного смысла коммуникативного акта, развитие навыков текстуального анализа, и частично дискурсивного анализа, так как экстралингвистика и контекст были учтены в работах частично. Позитивное восприятие и интерес, который проявлялся по отношению к направлению критического дискурс-анализа, исторического дискурс-метода и критической школы в целом. Также формирование в «личностной картине» студента основ восприятия в рамках критической методологии, что ясно видно, как дискурс-анализе, так и в заключительных эссе. Кроме того, можно отметить наличие реальной практики в рамках работы с текстом и дискурсом, определение проблем политической сферы (аннексия и присоединение), а также определение определенных структур доминирования и их репрезентации в дискурсе.

Заключение

В соответствии с поставленными задачами нами была сделана попытка определить возможность использование критического дискурс-анализа в образовательном процессе студентов социально-гуманитарных направлений вуза.

Для начала, мы выбрали два различных определения коммуникации: в рамках теории системы Н. Лумана и теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Подход Н. Лумана позволяет определить нейтральность коммуникации как таковой, и возможность ее изменения за счет имплицитии. Подход Ю. Хабермаса позволяет сформировать основу исследования, так как в работе, связанной с решением проблем образования, так как сложность построения качественного диалога, проблема понимания информации, проблема истинности которая зачастую затрагивается в научном дискурсе входит в спектр проблематики воззрений данного ученого. В дополнение, мы выделили черты, которые относятся к определению коммуникации и дискурса в русле теории коммуникативного действия. В этом нам помогли отечественные ученые, которые исследовали феномен «диалогичности» и проводили аналогии с работами других ученых. Ценность данного подхода, применимо к взаимодействию в отношениях преподаватель-студент, которые по преимуществу являются субъект-субъектными, а значит строятся на диалоге и согласии (консенсусе).

Затем мы перешли к самому понятию дискурса, которое является достаточно сложным и значение которого варьируется от научного направления, которое его рассматривает. Нами был рассмотрен исторический путь восприятия и определения термина от его возникновения до современности. В современных представлениях, которые являются основами для новейших исследований мы обозначили ряд направлений, из которых в основу нашего исследования взяли направление критического дискурс-

анализа, который основал Н. Фэрклоу, а в самом направлении опирались на две школы: нидерландскую (социокогнитивную), основной представитель, которой Т. ван Дейк, а также на венскую (исторический дискурс-метод), основные представители которой Р. Водак и С. Титчер.

Для качественного анализа данных школ и их использовании нам потребовалось также рассмотреть специфическую сферу, в которой направление критического дискурс-анализа наиболее актуально, а именно, политическую сферу, которая кроме того, является неотъемлемой частью жизни каждого человека, пронизывая всё общество.

Далее мы обратились к анализу студентов как социальной группы, так как нам необходимо было знать какую ценность для них может представлять направление критического дискурс-анализа, по преимуществу, политического. Опираясь на данные исследований, мы получили дополнительные обоснования возможности позитивно использовать методическое направление в рамках удовлетворения ценностных позиций и настроений, которые находятся у более чем 50% молодежи, в особенности у студентов. Однако для практической апробации наших разработок этих данных было недостаточно, поэтому мы обратились к семиосоциопсихологическому подходу, адаптировав для нашей работы часть из программных положений, которые представила Т. Адамьянц, опираясь на работы Т. Дридзе.

Таким образом, мы пришли к возможности дифференциации студентов по относительной стабильной структуре адекватности понимания авторской интенциональности или, другими словами, смыслов, которые автор закладывает в завершённый коммуникативный акт, дополняя это нашим воззрением на целесообразность, которое раскрыто во введении к нашей работе.

Основываясь на данных, которые мы привели выше, нами было проведено исследование. Разработан методический материал-введение в

критический дискурс-анализ и исторический дискурс-метод, который затем был апробирован в рамках работы в пять этапов.

По завершению исследования мы получили ряд данных, которые помогли нам оценить целесообразность использования критического дискурс-анализа в образовательном процессе:

1. Данный вид деятельности достаточно трудоёмок и требует дополнительных усилий и ресурсов как от преподавателя, так и от студента, что с одной стороны является полезным, но с другой увеличивает сложность работы;
2. Среднее выполнение работы составило примерно 3-4 часа, без учета времени, потраченного на введение материала по КДА и ИДМ, для нашей работы данные затраты времени были достаточно тяжелыми, так как сроки направления и ресурсы были ограничены, однако в рамках полноценного курса затраты времени на реализацию методического направления приемлемы;
3. Студенты улучшили навыки структурирования текста, выделения цельного смысла, поставили себя на позицию исследователей социально-критической школы. Использовали техники и лингвистические средства из научного дискурса, предприняли попытку перехода от субъективности к относительно объективности через ряд техник (обоснования, аргументации, сравнения и исторического метода фактов);
4. Субъективная оценка студентами использования данного метода была в основном положительна, однако присутствовал определенный формализм в реакции, который был замечен у нескольких студентов. Те студенты, кто аргументировали своё отношение, выделили такие позитивные черты как расширение спектра восприятия текста, дискурса и коммуникации, также студентам понравилась относительная новизна подхода, критическая составляющая и

насыщенность материала, которая показалась многим интересной, в особенности с использованием результатов уже проведенных исследований и теорий, на которые опираются школы критического дискурс-анализа.

На основе этих положений мы можем сказать, что использование критического дискурс-анализа при изучении социально-гуманитарных дисциплин в курсе вуза частично целесообразно, в силу ряда проблем, которые встают при практической реализации данного методологического направления:

1. Низкая разработанность данной темы, а также отсутствие достаточных ресурсов для полноценной реализации и замера результатов, делают выводы преимущественно субъективными;
2. Реализация в рамках современной системы образования может быть затруднена по причине сокращения часов лекций по ряду социогуманитарных дисциплин;
3. От студентов требуется базовый уровень знаний выше среднего. Это обусловлено тем, что методология междисциплинарна, соответственно на курсе социологии или политологии, студент должен обладать базой по другим предметам, которые не связаны непосредственно с данными курсами, а проходились на других. В числе этих предметов история, русский язык, культурология. В следствии этого мы предполагаем, что использование КДА невозможно на первом курсе, а также в первом семестре второго курса обучения. Однако, именно в данное время студенты проходят обучения в рамках других дисциплин, содержание которых будет использоваться для качественного критического-дискурс анализа.

В заключение, мы считаем, что развитие данного направления возможно в силу повышения политической активности молодежи, а также напряженной ситуации в стране, государстве и системе образования. Критический

дискурс-анализ молодое направление в научной сфере и имеет большой потенциал для развития и трансформации, соответственно, как направление, которое идет в темпе современных трендов использование его в рамках образовательного процесса отвечает вызовам времени, обращенным к отчасти фундаменталисткой, излишне теоретизированной системе образования, оторванной от практики.

Список источников и литературы

1. Адамьянц Т.З. Концепции понимания в коммуникации: в поисках платформы для взаимопонимания // Общественные науки и современность. 2014. Вып. 4.
2. Адамьянц Т.З. Задачи и методы социоментального развития современной молодежи // Мир психологии. 2017. Вып. 1. С. 69-78.
3. Адамьянц Т.З. Понимание и взаимопонимание как определяющий фактор построения коммуникативного взаимодействия // Мир психологии. 2011. Вып. 2. С. 214-222.
4. Андреева В.А. Текстовые и дискурсные параметры литературного нарратива (на материале современной немецкоязычной прозы): дис. д-ра филол. наук. СПб., 2009. – 361 с.
5. Арендт Х. Vita Activa, или О деятельной жизни: пер. с англ. СПб.: Алетейя, 2000. С. 437.
6. Баранов, А. Н. Парламентские дебаты: традиции и новации М.: Знание, 1991. – 63 с.
7. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994.
8. Беллер И. Об одном условии связности текста // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978. Вып. 8. С. 172–207.
9. Белявская Е.Г. Когнитивные параметры стиля // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. Вып. 1. С. 22–30.
10. Бодрийяр, Ж. Соблазн. М.: Ad Marginem, 2000. – 319 с.
11. Васильев, Л.М. Общие проблемы лингвистики: теория и методы: учебное пособие. Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. – 206 с.

- 12.Голоднов А.В. Риторический метадискурс: основания прагмалингвистического моделирования и социокультурной реализации (на материале современного немецкого языка). СПб.: Астерион, 2011. – 344 с.
- 13.Григорьева В.Г. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: монография. – Тамбов: ТГТУ, 2007. – 288 с.
- 14.Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н. Молодежь России. — М.: Московская школа политических исследований, 2011. — 96 с.
- 15.Дейк Т. А ван. Стратегии понимания связного текста / пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка / сост.: В. В. Петрова, В. И. Герасимова. М.: Прогресс, 1988. С. 153–211.
- 16.Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Пер. с англ. М., 1989. – 309 с.
- 17.Дейк Т.А. ван. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Пер. с англ. М.: Либроком, 2013. — 344 с.
- 18.Дискурс: функционально-прагматический и когнитивный аспекты: коллективная монография / отв. ред. Е. Н. Азначеева. Челябинск: Челяб. гос. ун-т., 2008. – 154 с.
- 19.Дридзе, Т. М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Социальная коммуникация и социальное управление в эоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах: в 2 т. М., 2000. Т. 1. С. 5-42.
- 20.Дридзе, Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации М.: Наука, 1984.

- 21.Ерофеева, Е.В. К вопросу о соотношении понятий ТЕКСТ и ДИСКУРС // Проблемы социо- и психолингвистики: сб.: ст. / под ред. Т.И. Ерофеева. Пермь, 2003. Вып. 3. С. 28–36.
- 22.Жеребцов М. В. Качественные методы в политической науке: теоретические основания и научный статус: дис. канд. полит. наук. М. 2005. – 183 с.
- 23.Иссерс О.С. Речевое воздействие. М.: Флинта: Наука, 2011. – 224 с.
- 24.Карасик В.И. Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика речевой деятельности: сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 37–64.
- 25.Касавин И.Т. Дискурс-анализ как междисциплинарный метод гуманитарных наук // Эпистемология и философия науки. – т.10. Вып. 4. 2006. С.5-17.
- 26.Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ... доктора филол. наук. М., 2003. – 90 с.
- 27.Кибрик А.А., Плунгян В.А. Функционализм и дискурсивно-ориентированные исследования // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. М., 1997. С. 307–322.
- 28.Клушина, Н.И. Стилистика публицистического текста. М.: МедиаМир, 2008. – 244 с.
- 29.Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. Энциклопедия., 1990. – 685 с.
- 30.Линде А.Н. Значение коммуникативного подхода Ю. Хабермаса в развитии современной теории политической коммуникации // ОБЩЕСТВО: ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, ПРАВО. 2016. Вып. 2. С. 53-57.

- 31.Луман Н. Что такое коммуникация: пер. с нем. // «Социологический журнал». Вып. 3, 1995 год. С. 4-16.
- 32.Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. –280 с.
- 33.Михалева О. Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 256 с.
- 34.Петрова Н.В. Текст и дискурс // Вопросы языкознания. 2003. Вып. 6. – С. 123–131.
- 35.Плотникова С.Н. Политик как конструктор дискурса реагирования // Политический дискурс в России: Материалы постоянно действующего семинара / Под ред. В.Н.Базылева, В.Г.Красильниковой. Вып. 8. М., 2005. С. 27
- 36.Публичная сфера: теория, методология, кейс стади: коллектив. моногр. / под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой и П.В. Романова (Библиотека «Журнала исследований социальной политики»). М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2013. – 360 с.
- 37.Русакова О.Ф., Русаков В.М. PR и дискурс: теоретико-методологический анализ. Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН: Институт международных связей, 2008. — 282 с.
- 38.Серио П. Анализ дискурса во Французской школе: дискурс и интердискурс // Семиотика: антология / сост. Ю.С.Степанов. М., Екатеринбург, 2001. – 702 с.
- 39.Сигал, К.Я. Сочинительные конструкции и дискурс // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2001. Вып. 5. С. 42–45.
- 40.Славянская Н. В. Реализация функции воздействия в тексте эссе: автореф. дис. канд. филол. наук. М., 2009. – 176 с.
- 41.Соболева М.Е. Философия как «критика языка» в Германии. СПб: Изд-во СПбГУ, 2005.

- 42.Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса. Харьков: Гуманитарный центр, 2009. — 356 с.
- 43.Трубина Е.Г. Публика // Грицанов А.А., Абушенко В.Л., Евелькин Г.М.,Соколова Г.Н., Терещенко О.В. (сост.) Социология: Энциклопедия. Мн.:Книжный Дом. 2003. С. 1312.
- 44.Фуко М. Порядок дискурса: инаугурационная лекция в Коллеж де Франс 2.12.70 // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С.49-96.
- 45.Фуко, М. Археология знания. СПб.: Гуманитарная академия, 2004. С. 416
- 46.Хабермас Ю. Публичное пространство и политическая публичность. Биографические корни двух мыслительных мотивов: пер. с нем. Скуратова М.Б. // Между натурализмом и религией. Философские статьи. М.: Весьмир, 2011. С. 15–26.
- 47.Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты / пер. с нем. М. Кузнецова. М.; СПб.: Медиум: Ювента, 1997.
- 48.Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М.: Флинта: Наука, 2006. – 134 с.
- 49.Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие. М.: Директ-Медиа., 2014. – 267 с.
- 50.Чернявская, В.Е. От анализа текста к анализу дискурса // Текст и Дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования: сб. науч. тр. / под ред. Л.А. Манерко. Рязань, 2002. С. 230– 232.
- 51.Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М., 2004. – 367 с.

52. Blommaert J., Bulcaen Ch. Annual Review on Anthropology. // Critical Discourse Analysis. 2000. Vol. 29. P. 447—466.
53. Fairclough N. & Wodak, R. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction // Critical discourse analysis 1997. Vol. 2. P. 258-284.
54. Fairclough N. A Dialectical-Relational Approach to Critical Discourse Analysis // Methods of Critical Discourse Analysis. London. 2009. P. 162—186.
55. Fairclough N. Analyzing Discourse: Textual Analysis for Social Research. London; N. Y.: Routledge Taylor & Francis Groupe. 2003.
56. Fairclough N., Wodak R. Critical Discourse Analysis: An Overview // Discourse and Interaction. London: Sage, 1997. P. 67—97.
57. Habermas J. Further Reflections on the Public Sphere // Calhoun C.J. (ed.) Habermas and the Public Sphere. Cambridge Mass.: MIT Press, 1992. P. 425—429.
58. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a category of Bourgeois Society. Cambridge, MA: MIT Press, 1991.
59. Holden T. Robert Boyle on Things Above Reason // British Journal for the History of Philosophy. Vol. 15 (2). 2007 P. 283 – 312.
60. Pecheux M. Language, semantics and ideology. London: Macmillan, 1982.
61. van Dijk Teun A. «Editor's foreword to Critical Discourse Analysis» // Discourse & Society. 1993. Vol. 4 (2). P. 131-132.
62. van Dijk Teun A. Critical Discourse Studies: A Sociocognitive Approach // Methods of Critical Discourse Analysis. London. 2009. P. 62—86.
63. van Dijk Teun A. Dimensions of Discourse // Handbook of Discourse Analysis. London: Academic Press. 1985. Vol. 2.
64. van Dijk Teun A. Disciplines of Discourse // Handbook of Discourse Analysis. London: Academic Press. 1985. Vol. 1.

- 65.van Dijk Teun A. Discourse Analysis in the 90s. Special issue of TEXT. London: Academic Press. 1990.
- 66.van Dijk Teun A. Discourse and Interaction. London: Sage. 1997.
- 67.van Dijk Teun A. Discourse and Knowledge. A Sociocognitive Approach. Cambridge: Cambridge Univ. Pr., 2014. 407 p.
- 68.van Dijk Teun A. Prejudice in Discourse. Amsterdam: Benjamins. 1984. II5
- 69.van Dijk Teun A. Principles of Critical Discourse Analysis. Discourse & Society. Amsterdam. 1993. Vol 4 (2) P. 249 – 283.
- 70.van Dijk Teun A. Social Cognition and discourse // Handbook of Language and Social Psychology New York: Wiley. 1990. P. 163-86
- 71.van Dijk Teun A. What is political discourse analysis? // Political linguistics / Blommaert J., Bulcaen Ch. ds.). Amsterdam, 1998.
- 72.Wodak R., de Cillia, R., Reisigl, M., & Liebhart, M. The Discursive Construction of National Identity. Trans. A. Hirsch and R. Mitten. Edinburgh: Edinburgh University Press. 1999.
- 73.Wodak Ruth and Benke, Gertraud Gender as a sociolinguistic variable: new perspectives on Variation studies // The Handbook of Sociolinguistics. Oxford: Blackwell. 1997. P. 127-150.
- 74.Wodak Ruth and Matouschek, Bemd «We are dealing with people whose origins one can clearly tell just by looking»: critical discourse analysis and the study of neoracism in contemporary Austria» // Discourse & Society. 1993. Vol. 2 (4). P. 225-248
- 75.Wodak Ruth and Reisigl Martin Discourse and Discrimination. The Rhetorics of Racism and Antisemitism. London. Routledge. 1999.
- 76.Wodak Ruth and Schulz. Muriel The Language of Love and Guilt Mother-Daughter Relationships from a Cross-Cultural Perspective. Amsterdam Benjamins. 1986.

77. Wodak Ruth and Vetter. Eva «Competing professions in times of change the discursive construction of professional identities in TV talk-shows» Wien: Passagen. 1999.
78. Wodak Ruth Challenges in a Changing World Issues in Critical Discourse Analysis. Wien: Passagen. 1999.
79. Wodak Ruth Critical linguistics and critical discourse analysis // Handbook of Pragmatics. Manual Amsterdam: Benjamins. 1995. P. 204-210.
80. Wodak Ruth Disorders of Discourse. London. 1996.
81. Wodak Ruth Language. Power and Ideology. Amsterdam: Benjamins. 1989.
82. Wodak Ruth R. De Cillia. R.. Reisigl. M and Liebhart, K. The Discursive Construction of National Identity. Edinburgh. 1999.
83. Wodak Ruth The Discourse-Historical Approach // Methods of Critical Discourse Analysis. London. 2009. P. 63—94.
84. Акопова Д. Р. Стратегии и тактики политического дискурса // Вестник ННГУ. 2013. №6-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-i-taktiki-politicheskogo-diskursa> (дата обращения: 08.04.2018)
85. Будаев Эдуард Владимирович. Критический анализ политического дискурса: основные направления современных зарубежных исследований // Политическая лингвистика. 2016. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriticheskiy-analiz-politicheskogo-diskursa-osnovnye-napravleniya-sovremennyh-zarubezhnyh-issledovaniy> (дата обращения: 10.04.2018)
86. Василик М.А., Вершинин М.С. и др. Политология: Словарь-справочник. М., 2001. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Dict/15.php (дата обращения: 13.05.2018).

- 87.Водак Рут Взаимосвязь «Дискурс общество»: когнитивный подход к критическому дискурс-анализу // Политическая лингвистика. 2006. №19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-diskurs-obschestvo-kognitivnyy-podhod-k-kriticheskomu-diskurs-analizu> (дата обращения: 13.05.2018).
- 88.Водак Рут Критическая лингвистика и критический анализ дискурса // Политическая лингвистика. 2011. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriticheskaya-lingvistika-i-kriticheskiy-analiz-diskursa> (дата обращения: 01.01.2018).
- 89.Демьянков, В.З. Текст и дискурс как термины и слова обыденного языка. URL: <http://www.infolex.ru/Txtlsvol.htm>, дата посещения (дата обращения: 05.10.2017).
- 90.Домышева С.А. Политический дискурс vs дискурс реагирования: оценка политика как «человека не-искреннего» в средствах массовой информации // Вестник Челябинского гос. ун-та. Челябинск, 2007. № 22. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=15529456> (дата обращения: 05.10.2017).
- 91.Дука А.В. Политический дискурс оппозиции в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии.-1998. Т. 1. Вып. 1. URL: <https://www.old.jourssa.ru/1998/1/a9.html> (дата обращения: 05.10.2017).
- 92.Зайцев Александр Владимирович Юрген Хабермас и его диалогика: понятие и сущность // Вестник КГУ. 2012. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yurgen-habermas-i-ego-dialogika-ponyatie-i-suschnost> (дата обращения: 05.06.2018).
- 93.Карамова Айгуль Айратовна Текст и дискурс: соотношение понятий //Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2013. №2. URL:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/tekst-i-diskurs-sootnoshenie-ponyatiy> (дата обращения: 23.03.2018).
94. Кожемякин Е. А. Дискурс-анализ как междисциплинарная методология: исторический аспект // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2008. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-analiz-kak-mezhdistsiplinarnaya-metodologiya-istoricheskiy-aspekt> (дата обращения: 23.03.2018).
95. Колесникова Светлана Николаевна Особенности политического дискурса и его интерпретация // Вестник ЧелГУ. 2011. №33. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-politicheskogo-diskursa-i-ego-interpretatsiya> (дата обращения: 10.03.2018).
96. Коновалова Наталья Георгиевна Межкультурная коммуникация и социальные ценности в студенческой среде // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2013. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhkulturnaya-kommunikatsiya-i-sotsialnye-tsennosti-v-studencheskoj-srede> (дата обращения: 01.05.2018).
97. Кузьмина Светлана Владимировна Политический дискурс как неотъемлемая часть политической коммуникации // Известия Саратовского ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2011. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-diskurs-kak-neotemlemaya-chast-politicheskoy-kommunikatsii> (дата обращения: 03.05.2018).
98. Моргун Оксана Михайловна Критический дискурс-анализ в методологии политической науки // Политическая лингвистика. 2011. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriticheskiy-diskurs-analiz-v-metodologii-politicheskoy-nauki> (дата обращения: 14.04.2018).
99. Одинцова Ирина Владимировна К проблеме соотношения понятий «Текст» и «Дискурс» в лингвистике и лингводидактике // Вестник КГУ.

2017. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-sootnosheniya-ponyatiy-tekst-i-diskurs-v-lingvistike-i-lingvodidaktike> (дата обращения: 23.03.2018).
100. Перельгут Надежда Майеровна, Сухоцкая Екатерина Борисовна О структуре понятия «Политический дискурс» // Вестник НВГУ. 2013. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-strukture-ponyatiya-politicheskiiy-diskurs> (дата обращения: 03.05.2018).
101. Политика. Социологический словарь. URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/soc/p/politika.html>
102. Политика. Философский словарь. URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/fil/p/politika.html>
103. Тарасов В.С. Новейший философский словарь. «Словопедия». 2007. URL: <http://www.slovopedia.com/6/207/770965.html>
104. Тимофеева Л. Власть и оппозиция в России: проблемы политического дискурса // Власть. 2007. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vlast-i-oppozitsiya-v-rossii-problemy-politicheskogo-diskursa> (дата обращения: 03.05.2018).
105. Хабермас Юрген, Тягунова Татьяна Отношения к миру и рациональные аспекты действия в четырех социологических понятиях действия // Социологическое обозрение. 2008. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnosheniya-k-miru-i-ratsionalnye-aspekty-deystviya-v-chetyreh-sotsiologicheskikh-ponyatiyah-deystviya> (дата обращения: 03.02.2018).
106. Хабермас Юрген, Тягунова Татьяна Теория рационализации Макса Вебера // Социологическое обозрение. 2009. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-ratsionalizatsii-maksa-vebera> (дата обращения: 03.06.2018).

107. Хилханова Эржен Владимировна Критический анализ дискурса: принципы, методы и практика (на примере дискурса СМИ) // Вестник БГУ. 2012. №5А. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriticheskiy-analiz-diskursa-printsipy-metody-i-praktika-na-primere-diskursa-smi> (дата обращения: 10.04.2018).
108. Цуциева Мария Геннадьевна Политический дискурс как интегративный феномен // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2012. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-diskurs-kak-integrativnyy-fenomen> (дата обращения: 23.04.2018).

Приложение 1. Программа исследования

Программа исследования политического дискурса главы государства

Ключевой исследовательский вопрос:

Целесообразно ли использовать дискурс анализ (КДА/ИДМ) в образовательном процессе для развития учащегося.

Объект: студенты вузов

Предмет: процесс формирования критического мышления и личностной картины мира студента

Единица дискурса – выступление главы государства.

Цель исследования: Изучить особенности реализации критического дискурс анализа (исторического дискурс-метода) в процессе обучения

Задачи исследования:

Провести дотеоретическую интерпретацию единицы дискурса

Рассмотреть политический дискурс главы государства на примере РФ с в рамках дискурс-анализа (КДА(ИДМ));

Сравнить анализ в рамках КДА (ИДМ) с дотеоретической интерпретацией единицы дискурса

Выявить особенности реализации (КДА/ИДМ) в образовательном процессе;

Провести анализ возможностей и особенностей раскрытия политического дискурса как познавательного средства в условиях изучения курса социологии/политологии в вузе.

План работы:

Первый этап заключается в получении дотеоретической интерпретации единицы дискурса – результат оформляется в виде эссе не более 2000 знаков. Эссе может содержать примерно следующие смысловые блоки: описание коммуникативной ситуации, возможные смысл/смыслы выступления, эмоциональная оценка выступления, комментарии о содержании выступления, экстралингвистических факторах (поведению, мимике, жестам, интонации и т.п). Студентам предоставляется материал для дотеоретической интерпретации – выступление главы государства, с полным доступом и расшифровкой на сайте www.kremlin.ru

Второй этап предполагает введение в методологию Критического дискурс-анализа и в исторический дискурс метод (Р.Водак), при помощи теоретического обоснования принципов КДА, социокогнитивного подхода Т. Ван Дейка и исторического дискурс метода Р. Водак. Обоснование разработано исследователем на основе работ вышеназванных ученых, а также учебного пособия «Методы анализа текста и дискурса»

Третий этап заключается в проведении самостоятельного критического дискурс анализа обучающимся, при частичной поддержки педагога (в виде вопросов и сложностей, которые могут возникнуть в процессе работы)

Четвертый этап – подведение итогов студентов. Студентам предлагается сравнить дотеоретическую интерпретацию с результатом, полученным при использовании КДА, на основе своих размышлений подготовить эссе (не более 2000 знаков). Эссе должно содержать следующие смысловые блоки: мнение о различиях интерпретации, отношение к использованию КДА (что понравилось в методе, что не понравилось), желание повторно использовать схожий метод при освоении материала по теме (расизм, этнические конфликты, межконфессиональные конфликты,

СМИ в обществе, политические конфликты (внутригосударственные, межгосударственные), мнение о методологии КДА, применимости в России, применимости в образовательном процессе (со стороны как педагога так и участника, использование КДА в семинарах (при деловых играх, в качестве практического домашнего задания))

Пятый этап – анализ полученных результатов исследователем. Анализируются ответы, создается обобщающий текст, который раскрывает возможную применимость дискурс анализа в обучении, а также определенные позитивные и негативные стороны в использовании метода и эффективности при субъективной оценке адекватности понимания (на основе работ Дридзе и Дамьянц)

Приложение 2. Вводный материал и пример практической реализации метода

Вводный материал в КДА и ИДМ

В перенасыщенном информационном поле важно осознавать какую информацию ты получаешь, для чего она производится, как она реализуется и кем.

Именно на эти вопросы отвечает критический дискурс-анализ (КДА), а также определенные его разновидности. В нашем случае мы обратимся в основном к работам Т. Ван Дейка и Р. Водак и рассмотрим развитие социокогнитивного направления критического дискурс анализа выраженное с определенной исторической спецификой в историческом дискурс методе (ИДМ).

Итак, определяя сферу исследования мы обращаемся к политической сфере как наиболее актуальной и вездесущей. Стоит отметить что смежная с политической сферой идет сфера СМИ. Дискурс как основной компонент той и другой сферы могут быть продуктивно рассмотрены под призмой критических дискурс исследований.

Что же такое дискурс? Существует множество определений, из которых мы возьмем несколько, не противоречащих друг другу.

Дискурс – это актуализированный текст. Данное определение дает Т. Ван Дейк. Его суть в том, что дискурс по сути является реализацией конструкта, определенного структурой для определенной статусной позиции, например, президента или главы телевизионной компании, через группу спичрайтеров или редакцию газеты, или интернет/телевизионного канала. [2]

Дискурс — это «сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [1]; текст же

не может быть объяснен «вне исторического, социокультурного, психологического контекста восприятия порождения текста, иначе, вне дискурса» [5, с. 36]. Данное определение позволяет ограничить сферу исследования на дискурс произведенный на русском языке, в связи с изначальной возможностью в полной мере воспринимать культурные коды и темы, которые воспроизводятся в дискурсе нашей страны.

Дискурс – это социальная практика. Данное утверждение формулирует и доказывает в своих работах Р. Водак. Это значит, что последствия реализации дискурса реальны, и, можно сказать, направлены на манипуляцию и достижения желаемых действий со стороны адресата. Данное положение особенно актуально для политического дискурса. [33]

Затем определяются основные принципы критического дискурс анализа, как научного направления:

1. Общество и культура диалектически связаны с дискурсом — они формируются дискурсом и в то же время конституируют дискурс. Каждый отдельный пример применения языка воспроизводит или трансформирует общество и культуру, включая отношения власти. Использование языка может быть идеологическим. Чтобы определить это, необходимо проанализировать тексты и исследовать их интерпретацию и восприятие, и социальное влияние. [7]
2. Дискурсы носят исторический характер, их можно рассматривать только в контексте.
3. Дискурсы не только встроены в определенную культуру, идеологию или историю, но и связаны интертекстуально с другими дискурсами.

4. Связь между текстом и обществом не прямая, а опосредована социо-когнитивно, как это предлагается в социально-психологической модели понимания текста.
5. В отличие от других видов дискурс-анализа, критический дискурс анализ открыто показывает свою позицию – это позиция угнетенных, тех кто претерпевает несправедливость и злоупотребление властью по отношению к себе. [18]

Далее раскрываются специфичные категории социокогнитивного подхода и, в том числе, исторического дискурс-метода:

Злоупотребление властью воспринимается как ее нелегитимное (то есть такое которое не определено изначальным законом (например, конституцией) и противоречит идеи о предназначении власти в демократическом обществе) использование с целью удержания, распространения и доминирования.

Доминирование можно описать как осуществление контроля и ограничение возможностей группы/групп (как материальных, так и дискурсивных, например, доступ к каналам информации), которые подвергаются доминированию. В свою очередь доминирование укрепляется и воспроизводится с помощью властного дискурса через доступ к дискурсу, который имеют весьма немногие и в основном они являются представителями элит. Символические элиты, те, кто могут сами создавать прецеденты, говорить и осуществлять символическое насилие (воздействие в своих интересах с помощью дискурса, манипуляцией знания и т.п.), владельцы символического капитала (по П.Бурдьё). [3]

Следующим шагом в вводном материале можно назвать переход непосредственно к критическому дискурс-анализа, а затем к историческому дискурс-методу.

Критический дискурс-анализ — интерпретативный и объяснительный метод. Критический анализ подразумевает систематическую методологию и связь между текстом и его социальными условиями, идеологиями и отношениями власти. Интерпретации всегда динамичны и открыты для новых контекстов и новой информации.

Исторический дискурс-метод опирается на теорию лингвистической деятельности и анализирует уровень содержания и отношения в выступлениях, интервью и т.д. Также в его основу легла теория планирования текста, которая позволяет идентифицировать намерения говорящих и экстралингвистические факторы производства текста.

Рут Водак разработала социо-лингвистическую теорию планирования текста. Ее суть в том, чтобы показать, что при планировании текста важное влияние оказывают социологические переменные и психологические детерминанты (принятые нормы поведения, опыт индивида и т.д.) [29]

Водак полагает, что при производстве текста особого внимания заслуживают социально-психологическое, когнитивное и лингвистическое измерения (см. рис 1). Из этой социально-психологической обусловленности возникают «фреймы» и «схемы» для структурирования и понимания реальности. Фреймы рассматривают как глобальные паттерны, которые обобщают наши знания о некоторой ситуации, например, о лекциях; поэтому их рассматривают как образ определенной ситуации, который сохраняется у нас в памяти. Схемы — это точные паттерны конкретного проявления ситуации или текста. Они имеют большое значение для производства текста — это паттерны, которые ведут к назначенной цели. Значимы также и скрипты, которые представляют собой стабилизированные планы. Они — после частого использования — детерминируют роль и ожидаемые действия

коммуникаторов.

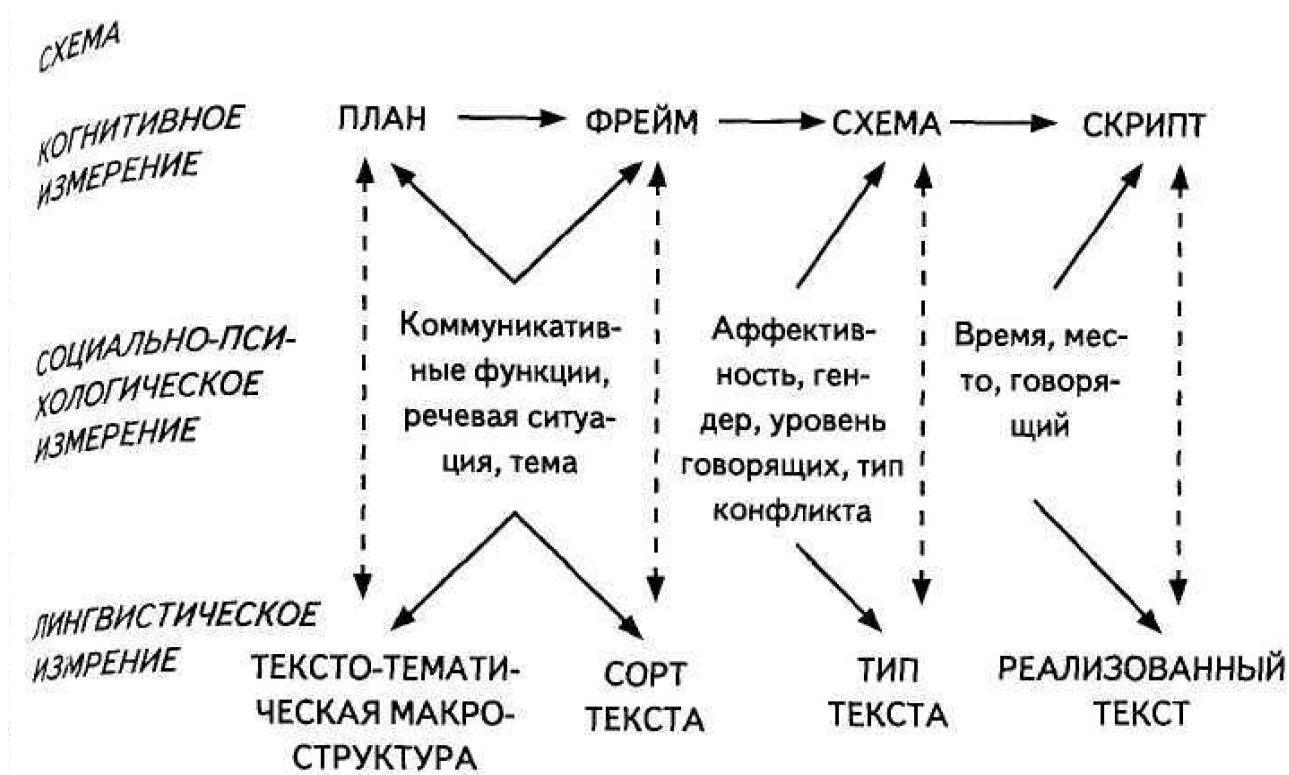

Рисунок 1

Понятие стратегия тесно связано с концептами фрейма, схемы и скрипта. Стратегии ориентированы на цель, но это не означает, что участники взаимодействия всегда их осознают. Часто они действуют неосознанно, иррационально и эмоционально. Если говорящие поддерживают идеи расизма, то, согласно теории производства текста, их нельзя обвинить в сознательном выражении этих идей. (Конечно, это не уменьшает ответственности за собственные высказывания.)

Интегративная модель понимания похожа на теорию планирования текста, хотя ее нельзя рассматривать как одну из вариаций теории планирования текста. Понимание текста также зависит от социально-психологического влияния, которое важно при производстве текста. Слушатели и читатели, в первую очередь, классифицируют текст в соответствии с фреймом и подходят к оригинальному тексту «стратегически». Они интерпретируют текст, чтобы сконструировать его

текстуальную основу, и в конечном итоге, понять его. Водак предполагает, что не существует общей текстовой основы, которая валидна для всех слушателей и читателей. Различия связаны с тем, что слушатели и читатели конструируют не только текст, но и социальный контекст, при этом текст и контекст взаимодействуют друг с другом. В этой модели понимание текста представлено как циклический и интерпретативный процесс. [4]

Кроме того важен концепт интердискурсивности и реконтекстуализации.

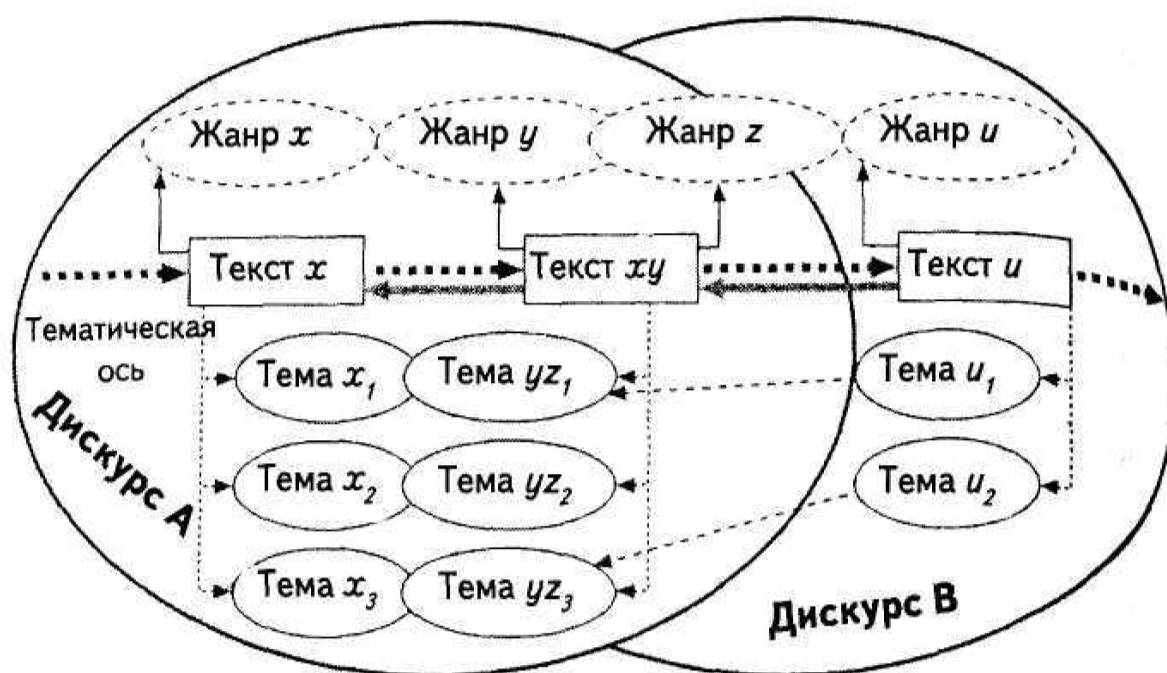

Рисунок 2

На рисунке 2 показана схема интердискурсивности (например, пересечение дискурса А и дискурса В) показана двумя большими частично перекрывающимися эллипсами. Интертекстовые отношения — это отношения типа ссылки, соотнесения, формально или структурно иконического типа (в виде диаграммы) или в форме тематических корреляций, воспоминаний, ссылок или (прямых или косвенных) ;

Суть концепта ре-контекстуализации заключается в том, что слово\термин может помещаться в разные контексты (жанровые,

семиотические и т.п), в соответствии с этим значение этого слова\термина изменяется. Как пример можно привести использование слова демократ и либерал в различных контекстах, например западной политики и российской, где значения этих определений различаются.

Исторический дискурс-подход включает также принцип триангуляции Сикурела. Это дает возможность изучать интерсвязанность дискурсивных и других социальных практик и структур.

Принцип основан на концепте **контекста**, который учитывает:

- 1) непосредственный языковой и внутри-текстовый контекст и локальные интерактивные процессы обсуждения и управления конфликтами;
- 2) интертекстовые и интердискурсивные отношения между высказываниями, жанрами и дискурсами;
- 3) внешне-языковые социальные/социологические переменные и институциональные фреймы специфического «контекста ситуации» (т.е. формальности, место, время, событие, группы, роли участников и т.п.);
- 4) более широкий социально-политический и исторический контекст, который включает дискурсивные практики — т.е., другими словами, области действия и историю дискурсивного события — также, как историю, к которой относятся темы дискурса.

Отличие подхода Венской школы от других КДА-подходов состоит в 3-х аспектах: акцента на междисциплинарности, принципа триангуляции и этнографического подход к источникам данных. [4]

Аналитический аппарат

Исторический дискурс-метод, вслед за представленной выше моделью, пользуется трехмерным аналитическим аппаратом.

Здесь есть фундаментальное отличие между уровнями анализа — содержанием, стратегиями аргументации и формами лингвистической

реализации. В лингвистической реализации проводят различие между уровнем текста, предложения и слова. Стратегии важно понимать как набор процессов, которые действуют (сознательно или несознательно) на разных уровнях коммуникации. Эти 3 уровня анализа выдерживают независимо от объекта исследования, который имеет категории.

Только на уровне содержания категории специфичны и непереносимы на другие объекты исследования. В отличие от этого, однажды идентифицированные стратегии и лингвистические реализации, в принципе, применимы к другим дискурсам.

Матоучек представил аналитический аппарат (см. рис. 3), чтобы объяснить так называемые дискурсы о различиях. Этот аппарат основан на дискурсе о мигрантах 89-90х годов 20 века в Австрийских СМИ. [Matouschek, Wodak & Janushek 1995. p. 57] В нашем случае он может быть полезен, как пример, так как содержит основные способы как содержания так и лингвистической реализации, так как в политическом дискурсе зачастую используется дискурс различия, основанный на наличии «иного», в изначальном понимании схемы – мигранта, в нашем же понимании это может быть как «внешний враг» - одна из ключевых тем в дискурсе России, так и жители других стран – «нерусские» что изначально имеет определенную символическую и эмоциональную окраску.

Мы-ты-дискурс		
<i>Дискурс о различиях</i>		<i>Лингвистическая реализация</i>
1. Категоризация и оценка		1. Содержательное определение групп
2. Мы-дискурс:		2.1. Грамматически связанные элементы
- Конституирование «мы»		2.2. Отказы, оценка себя, уважение к нормам
- Положительное само-описание		
Стратегии / техники аргументации (подтверждение)		
<i>Приписывание ответственности или вины</i>		<i>Отрицание ответственности или вины</i>
Описание в черно-белом цвете		Обесценивание или дискредитация с помощью искажения
Отрицание вины		
Стратегия «козла отпущения»		
Подмена жертвы-агента		а) Преувеличение: например, теории конспирации
Вышеупомянутые стратегии и отрицания реализуются также с помощью определенных «техник» аргументации искажения		б) Преуменьшение: балансирование / рационализация
Цель: обесценить или дискредитировать точку зрения «оппонента»		с) Отклонение, отрицание
Формы лингвистической реализации		
- нереальные сценарии	- риторические вопросы	Неопределенность: - генерализованная ссылка - точка зрения говорящего - стилистики / ситуативность - эвфемизмы - целостность текста - метафорические лексемы
- сравнения	- вводные формулы	
- аналогии	- намеки, предположения	
- предположения	(также на текстовом и словесном уровне)	
- уравнивание / генерализация	- утверждения	
- репрезентация дискурса	- метафоры	
- цитаты	- предикация	

Рисунок 3

Процедуру исторического дискурс-метода рассматривают как герменевтическую и интерпретативную, на которую в определенной мере повлияли и когнитивные науки. Таким образом, ее необходимо понимать не последовательность отдельных оперативных шагов, а как цикл, в котором 3 уровня анализа систематически и рекурсивно соотносят со всей совокупностью контекстуальных знаний. Точное описание отдельных текстов и анализ больших корпусов данных позволяет делать утверждения о реконструкции контекстов дискурса и на микро-, и на макроуровне. [4]

Общие принципы исторического дискурс. метода можно подытожить следующим образом:

1. Условия и контекст необходимо зафиксировать как можно точнее, так как дискурсы можно описать, понять и интерпретировать только в их специфическом контексте.
2. Содержание высказывания необходимо сопоставить с историческими событиями и фактами, так же, как и представленные отчеты (интертекстуальность).
3. Тексты должны интерпретировать разные специалисты по данной проблеме (социологи, историки, психологи). Все стадии подразумевают междисциплинарный подход, это наиболее важная характеристика исторического дискурс-метода.
4. Текст должен быть описан как можно точнее на всех лингвистических уровнях.

Сторонники исторического дискурс-метода оценивают различие между их подходом и подходом в других текстовых и социолингвистических исследованиях с помощью полезной сети различных научных подходов.

Первый шаг в анализе текста — это определенные обобщения, которые затем классифицируют в соответствии с аналитическим аппаратом. Затем текст анализируют еще раз и т.д.

ПРИМЕР ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДА [4]

Историческую дискурс-процедуру можно удачно проиллюстрировать популярным отчетом Австрийской эмиграционной полиции [Matouschek, Wodak 1995/96, с. 57]

Канцлер: Экономическая помощь восточным соседям / Хайдер: Саммит по предоставлению убежище беженцам

ЗА 11 ЛЕТ: 7,5 МИЛЛИОНОВ НА БЕЖЕНЦЕВ

Повестка дня: (6 строк. 2 колонки)

Какие финансовые пожертвования Австрия делает, чтобы выполнить свои гуманитарные обязательства по Помощи беженцам, можно увидеть из новых данных, которые предоставило Министерства финансов: с 1980 до конца 1990 гг. на нужды беженцев (жилье и социальные пособия) было потрачено 7,5 биллионов шиллингов

Текст: (3 колонки. 82 строки)

За прошедшие 34 года наша страна должна была справиться с тремя волнами беженцев: (абзац 1)

В 1956 г., после Венгерской революции, подавленной с особым кровопролитием, нашу границу пересекли 182432 человека. (§2)

В 1968 г., после разгрома Пражской Весны, на нашу территорию перебежали 162000 жителей Чехословакии. (§3)

В 1981 г., после введения военного положения в Польше, политического убежища в нашей стране искали 33142 беженца. (§4)

На следующей неделе, как подтвердил вчера министр внутренних дел Лешнак, Австрия должна будет сделать шаг к экстренной остановке. (§5)

Кабинет введет обязательную визу для румын, большинство из которых — это экономические мигранты. (§6)

Но наши границы будут по-прежнему открыты для тех, кого преследуют по политическим, расистским или религиозным причинам. (§7)

Продолжают утверждать, что за повышение уровня преступности в Австрии ответственны беженцы с Востока. По этому поводу министр внутренних дел проинформировал вчера: (§8)

Уровень преступности среди легальных рабочих-иностранцев ниже, чем среди австрийцев. (§9)

С другой стороны, беженцы с Востока, которые работают нелегально, в среднем более склонны совершить Преступление, чем наши граждане. (§10)

Уровень преступности в Австрии растет (Заголовок жирным шрифтом)
Уровень преступности в Австрии действительно вырос: с 1987 по 1988 гг. на 2,5-3%, а с 1988 по 1989 гг. на 3,5. 4%. Это тревожный рост, и, согласно министерству внутр. ренних дел, это результат влияния 3-х факторов: (§11)
Уровень преступности растет во всем мире; резко увеличился бандитизм, в который вовлечены австрийцы; а беженцы с Востока. (§12)

Вчера проблему беженцев прокомментировали 2 главных политических деятеля: Канцлер Враницкий гарантировал, что Австрия останется государством, которое будет принимать беженцев.

Но будет сделано различие между политическими и экономическими мигрантами. Враницкий заявил, что лучшей политикой по отношению к эмигрантам будет предоставить экономическую помощь восточным соседям. (§13)

Лидер Австрийской партии свободы Хайдер настоятельно требовал от министра внутренних дел созвать конференцию государственных деятелей по вопросу предоставления убежища беженцам. Министр социального

обеспечения Гепперт должен гарантировать, что беженцам предоставят рабочие места. (Конец)

Условия и контекст. Текст возник в результате дискуссий о принятии 800 румынских беженцев в районе Кайзерштейнбруха — это высшая точка 18-месячного обсуждения возможности Австрии принимать беженцев и иммигрантов из бывшего Восточного блока. Был некий дискурс о сочувствии и симпатии, который возник под влиянием про-революционных отчетов о страданиях румынского народа. Затем это стало дискурсом об изгнании беженцев, доставляющих неприятности. Из-за этого возник дискурс аргументации, в том смысле, что те, чьи страдания вызывали сочувствие, теперь были проигнорированы из-за проблем насилия, криминала и социального паразитизма.

Тема и содержание, интертекстуальность. Темы этой отчета отражают темы предвзятых дебатов о миграция на межнациональном уровне: акцент на количестве беженцев, метафоры угрозы («толпы», «потoki», «массы»), недегальность, преступность, нечестность и придание статуса «экономических мигрантов». В этой статье вновь проявился акцент на теме «преступность беженцев». Весь корпус текстов, кроме этого короткого текста из выборки, отражает установку ксенофобии в широком ряду вариантов текста из широкого ряда СМИ. Различия только в выраженности ксенофобии. Даже более либеральные СМИ неспособны однозначно дистанцироваться от этого дискурса изгнания.

Группы были определены и противопоставлены друг другу: группа «мы» представлена «полезными» австрийцами, перегруженными огромным количеством беженцев и их преступностью, — эта группа представлена в позитивном свете. Ей противопоставлены беженцы, восточные беженцы, экономические мигранты и т.п., которые явно отмечены негативным содержанием.

Сопоставление с данными и фактами отчета. Детальные контекстуальные знания других специалистов дают информацию об искажениях в текстах.

Наиболее точное описание текста на всех лингвистических уровнях с помощью различий между стратегиями и лингвистическими реализациями. Предвзятые негативные установки по отношению к группам иностранцев подтверждаются самыми различными стратегиями. Размытые формулировки (Бостонные соседи, ищущие убежища, беженцы) и рационализация, псевдо-объективные факты не в пользу беженцев используются уже в заголовке и в повестке дня. Австрия представлена как жертва (подмена жертва-агент) волны мигрантов. Информация о принятии беженцев из Румынии размещается непосредственно после информации о волнах беженцев 1956, 1968 и 1981 гг. Тяготы расходов, связанные с притоком беженцев, намеренно передаются с помощью неопределенной репрезентации Дискурса, где размыта граница между мнением автора и Другими источниками, метафорами угрозы («экстренная остановка») и концептуализацией группы как «экономические мигранты». Конструкцию связи между группой иностранцев и преступностью можно более точно исследовать подобным же образом.

Итог. Отказ румынам во въезде аргументируют в тексте в квази-объективной манере. С помощью включения контекстуальных знаний о дискурсе текст можно расположить в общем дискурсе. В любом случае, дискурс относительно румын можно понимать только со ссылкой на предыдущие дискурсы относительно разницы в более отдаленном и недавнем прошлом. Принимая во внимание контекстуальные знания и интертекстуальность, Матоушек и Водак заключают, «что дискурс относительно румын (в общем дискурсе СМИ и политики) можно рассматривать как определенный пример. Румыны представлены как пример

с той целью, чтобы вообще остановить дальнейший поток «иностранцев», а восточных европейцев — особенно».

Список источников и литературы.

1. Дейк Т. А ван. Стратегии понимания связного текста / пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка / сост.: В. В. Петрова, В. И. Герасимова. М.: Прогресс, 1988. С. 153–211.
2. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Пер. с англ. М., 1989. – 309 с.
3. Дейк Т.А. ван. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Пер. с англ. М.: Либроком, 2013. — 344 с.
4. Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса. Харьков: Гуманитарный центр, 2009. — 356 с.
5. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие. М.: Директ-Медиа., 2014. – 267 с.
6. Blommaert J., Bulcaen Ch. Annual Review on Anthropology. // Critical Discourse Analysis. 2000. Vol. 29. P. 447—466.
7. Fairclough N. & Wodak, R. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction // Critical discourse analysis 1997. Vol. 2. P. 258-284.
8. Fairclough N. A Dialectical-Relational Approach to Critical Discourse Analysis // Methods of Critical Discourse Analysis. London. 2009. P. 162—186.
9. Fairclough N. Analyzing Discourse: Textual Analysis for Social Research. London; N. Y.: Routledge Taylor & Francis Groupe. 2003.
10. Fairclough N., Wodak R. Critical Discourse Analysis: An Overview // Discourse and Interaction. London: Sage, 1997. P. 67—97.

- 11.van Dijk Teun A. «Editor's foreword to Critical Discourse Analysis» // Discourse & Society. 1993. Vol. 4 (2). P. 131-132.
- 12.van Dijk Teun A. Critical Discourse Studies: A Sociocognitive Approach // Methods of Critical Discourse Analysis. London. 2009. P. 62—86.
- 13.van Dijk Teun A. Dimensions of Discourse // Handbook of Discourse Analysis. London: Academic Press. 1985. Vol. 2.
- 14.van Dijk Teun A. Disciplines of Discourse // Handbook of Discourse Analysis. London: Academic Press. 1985. Vol. 1.
- 15.van Dijk Teun A. Discourse Analysis in the 90s. Special issue of TEXT. London: Academic Press. 1990.
- 16.van Dijk Teun A. Discourse and Interaction. London: Sage. 1997.
- 17.van Dijk Teun A. Discourse and Knowledge. A Sociocognitive Approach. Cambridge: Cambridge Univ. Pr., 2014. 407 p.
- 18.van Dijk Teun A. Prejudice in Discourse. Amsterdam: Benjamins. 1984. II5
- 19.van Dijk Teun A. Principles of Critical Discourse Analysis. Discourse & Society. Amsterdam. 1993. Vol 4 (2) P. 249 – 283.
- 20.van Dijk Teun A. Social Cognition and discourse // Handbook of Language and Social Psychology New York: Wiley. 1990. P. 163-86
- 21.van Dijk Teun A. What is political discourse analysis? // Political linguistics / Blommaert J., Bulcaen Ch. ds.). Amsterdam, 1998.
- 22.Wodak R., de Cillia, R., Reisigl, M., & Liebhart, M. The Discursive Construction of National Identity. Trans. A. Hirsch and R. Mitten. Edinburgh: Edinburgh University Press. 1999.
- 23.Wodak Ruth and Benke, Gertraud Gender as a sociolinguistic variable: new perspectives on Variation studies // The Handbook of Sociolinguistics. Oxford: Blackwell. 1997. P. 127-150.

24. Wodak Ruth and Matouschek, Bernd «We are dealing with people whose origins one can clearly tell just by looking»: critical discourse analysis and the study of neoracism in contemporary Austria» // *Discourse & Society*. 1993. Vol. 2 (4). P. 225-248
25. Wodak Ruth and Reisigl Martin *Discourse and Discrimination. The Rhetorics of Racism and Antisemitism*. London. Routledge. 1999.
26. Wodak Ruth and Schulz. Muriel *The Language of Love and Guilt Mother-Daughter Relationships from a Cross-Cultural Perspective*. Amsterdam Benjamins. 1986.
27. Wodak Ruth and Vetter. Eva «Competing professions in times of change the discursive construction of professional identities in TV talk-shows» Wien: Passagen. 1999.
28. Wodak Ruth *Challenges in a Changing World Issues in Critical Discourse Analysis*. Wien: Passagen. 1999.
29. Wodak Ruth *Critical linguistics and critical discourse analysis // Handbook of Pragmatics. Manual* Amsterdam: Benjamins. 1995. P. 204-210.
30. Wodak Ruth *Disorders of Discourse*. London. 1996.
31. Wodak Ruth *Language. Power and Ideology*. Amsterdam: Benjamins. 1989.
32. Wodak Ruth R. De Cillia. R., Reisigl. M and Liebhart, K. *The Discursive Construction of National Identity*. Edinburgh. 1999.
33. Wodak Ruth *The Discourse-Historical Approach // Methods of Critical Discourse Analysis*. London. 2009. P. 63—94.
34. Водак Рут *Взаимосвязь «Дискурс общество»: когнитивный подход к критическому дискурс-анализу // Политическая лингвистика*. 2006. №19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-diskurs->

obschestvo-kognitivnyy-podhod-k-kriticheskomu-diskurs-analizu (дата обращения: 13.05.2018).

35. Водак Рут Критическая лингвистика и критический анализ дискурса // Политическая лингвистика. 2011. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriticheskaya-lingvistika-i-kriticheskiy-analiz-diskursa> (дата обращения: 01.01.2018).

Приложение 3. Единица политического дискурса

В.Путин: Дорогие друзья!

У нас сегодня очень радостный, светлый, праздничный день!

Уважаемые граждане России, дорогие крымчане, севастопольцы!

После тяжёлого, длительного, изнурительного плавания Крым и Севастополь возвращаются в родную гавань, к родным берегам, в порт постоянной приписки, в Россию!

Спасибо крымчанам и севастопольцам за их последовательную, решительную позицию, за их ясно выраженную волю быть вместе с Россией. Мы очень переживали за них, и Россия ответила им теплом, повернулась к ним и открыла всё своё сердце, всю свою душу.

Мы очень переживаем за то, что происходит на Украине. Но я верю, что Украина преодолеет все трудности. Мы не просто соседи, мы самые близкие родственники, и наш будущий успех зависит от нас: и от России, и от Украины.

Ещё раз хочу поблагодарить за мужество и последовательность крымчан, севастопольцев, за то, что они не предали памяти своих героических предков, за то, что они через годы, десятилетия пронесли любовь к нашей Родине, к России.

Мы вместе много сделали, но предстоит сделать ещё больше, предстоит решить очень много задач. Но я знаю, я уверен, мы всё преодолеем, всё решим, потому что мы вместе.

Слава России!

Запись выступления доступна по ссылке
<http://kremlin.ru/events/president/news/20607>

Приложение 4. Критический дискурс анализ – эталон

Исторический дискурс метод:

Условия и контекст: Текст возник в результате событий, произошедших в феврале-марте по официальной версии (газета АиФ) 2014 года:

21 февраля

Около двух тысяч жителей Симферополя объявляют у здания Верховного Совета Крыма начало бессрочной акции протеста против ассоциации Украины с ЕС. Митингующие выступают за скорейший выход автономии из-под юрисдикции Киева с последующим провозглашением независимости.

22 февраля

На выездах из Севастополя начинают действовать укрепленные блокпосты, организованные местными жителями для поддержания порядка в городе. Эта мера вызвана слухами о том, что запрещенная в России террористическая организация «Правый сектор» планирует с целью провокаций перебросить на полуостров сотни украинских националистов, которые ранее выступили в качестве ударной силы революции Евромайдана.

Премьер-министр Крыма Анатолий Могилёв выражает поддержку новым киевским властям, заявив, что накануне Верховная Рада «имела все права проголосовать за отставку **Виктора Януковича**» с поста президента Украины.

«Верховная Рада Украины взяла на себя ответственность за ситуацию в стране. Она принимает решения. Легитимность этих решений пусть оценивают юристы, об этом можно долго спорить, но депутаты принимают решения, и эти решения необходимо исполнять», — говорит Могилёв.

В центре Севастополя в тот же день проходят сразу несколько спонтанных митингов, протестующие выражают недоверие как Могилёву, так и другим представителям крымской администрации. Сходы заканчиваются избранием «народного мэра» города, им становится российский предприниматель **Алексей Чалый**. Депутат городского совета Севастополя и лидер партии «Русский блок» **Геннадий Басов** объявляет о создании добровольческих отрядов самообороны, которые призваны «отстаивать интересы» жителей полуострова.

Мэр Севастополя Владимир Яцуба пишет заявление об отставке и выходит из Партии регионов, об этом политик заявляет на аппаратном совещании, а позже и на брифинге.

«Сегодня я подал заявление о выходе из Партии регионов. Я не хочу быть рядом с людьми, которые опозорили и предали свою страну. С сегодняшнего дня я беспартийный», — объясняет Яцуба.

У здания городской администрации в тот же день проходит крупный митинг, участники которого требуют «узаконить назначение Алексея Чалого мэром Севастополя».

25 февраля

Представители крымской интеллигенции подписывают «Письмо пятнадцати» с требованием к местным властям провести референдум о статусе автономии. Послание зачитывают у здания Верховного Совета в Симферополе и затем передают его председателю **Владимиру Константинову**.

26 февраля

Меджлис крымскотатарского народа организывает в центре Симферополя митинг с целью заблокировать здание Верховного Совета и не допустить принятия решения о проведении референдума. Параллельно с этим митингом рядом проходит собрание русской общины Крыма, чьи активисты

выступают за воссоединение Крыма с Россией. Между демонстрантами возникает конфликт, в результате которого 30 человек получают травмы различной тяжести, двое человек погибают.

27 февраля

На территории Крыма появляются вооружённые люди в камуфляжной форме без знаков принадлежности к ВС какой-либо страны. Они берут под свой контроль Верховный Совет Крыма и блокируют ряд административных зданий. С населением эти бойцы ведут себя подчёркнуто вежливо.

В тот же день в ходе внеочередной сессии Верховного Совета правительство Могилёва отправляется в отставку, а новым премьер-министром Крыма назначается лидер «Русского единства» **Сергей Аксёнов**. Парламент автономии также принимает решение о проведении 25 мая референдума «по вопросам усовершенствования статуса и полномочий» региона.

28 февраля

Вооружённые люди в форме без знаков различия блокируют военные части и устанавливают свой контроль над симферопольским аэропортом, аэродромом Новофёдоровка, комплексом зданий ГТРК «Крым», узлами связи ОАО «Укртелеком». Катер Черноморского флота РФ становится на стоянку на внешнем рейде Балаклавской бухты под Севастополем, тем самым блокируя выход из бухты в море кораблям и катерам бригады Государственной пограничной службы Украины.

В тот же день в Крым для встречи с депутатами Верховного Совета прибывает депутат **Верховной Рады Пётр Порошенко**. Попасть в здание парламента автономии Порошенко не дают митингующие, недовольные сменой власти на Украине.

Порошенко пытается договориться с демонстрантами, но те его не слушают. Собравшиеся люди скандируют: «Россия», «Беркут», «Чемодан-вокзал-Галичина».

«Я приехал опровергнуть слухи о въезде сюда каких-то людей, чтобы устроить гражданское противостояние. В Крыму действуют законы Украины, Крым — это часть Украины», — говорит Порошенко представителям СМИ.

Вскоре после этого заявления Порошенко садится в такси и под неодобрительные комментарии демонстрантов уезжает в сторону железнодорожного вокзала.

1 марта

Сергей Аксёнов объявляет о переподчинении себе всех силовых структур Крыма.

Депутаты городского совета Севастополя голосуют за то, чтобы не подчиняться решениям новых властей Украины. Они поддерживают проведение в Крыму референдума о статусе автономии.

В порт Феодосии заходит российский десантный корабль «Зубр». Военнослужащие ЧФ РФ предлагают украинским пограничникам покинуть военную часть в Балаклаве на своих кораблях. Украинская сторона так и поступает.

2 марта

Крым получает новых руководителей силовых ведомств:

— начальником Службы безопасности становится **Пётр Зима**;

— начальником Главного управления внутренних дел становится **Сергей Абисов**;

— начальником Главного управления Службы по чрезвычайным ситуациям становится **Сергей Шахов**;

– исполняющим обязанности начальника пограничной службы становится **Виктор Мельниченко**;

– командующим ВМС Крыма становится контр-адмирал **Денис Березовский** (ранее занимал пост главы ВМС Украины).

В Севастополь заходят большие десантные корабли «Оленегорский Горняк» Северного флота и «Георгий Победоносец» Балтийского флота РФ.

И. о. министра обороны Украины Игорь Тенюх заявляет на заседании правительства, что Россия увеличила свой военный контингент в Крыму на 6000 военнослужащих. По его словам, на полуостров также было переброшен около 30 БТР-80.

Заместитель командующего Южным военным округом РФ Игорь Турченко и **заместитель командира 810-й бригады морской пехоты ЧФ Владимир Карпушенко** предъявляют ультиматум 1-му батальону морской пехоты ВМС Украины в Феодосии — сложить оружие и передать российским военнослужащим склады.

В Севастополе вооружённые люди в камуфляже без знаков различия блокируют штаб ВМС Украины, здание оказывается обесточенным. Также блокируется 36-я бригада береговых войск ВС Украины, дислоцирующаяся в селе Перевальном. К вечеру бескровно захватываются штабы Азово-Черноморского регионального управления и Симферопольского пограничного отряда Погранслужбы Украины, устанавливается контроль над одним из украинских дивизионов ПВО в районе мыса Фиолент.

3 марта

Премьер-министр России Дмитрий Медведев заявляет, что российское правительство готово оказать Крыму финансовую помощь — обеспечить бесперебойную выплату заработных плат, пенсий, пособий и стабильную работу бюджетных учреждений республики.

4 марта

Глава СБУ Валентин Наливайченко сообщает, что российские военные полностью заблокировали работу органов безопасности Украины в Крыму.

Сергей Аксёнов на пресс-конференции в Симферополе заявляет, что личный состав украинских воинских частей готов подчиниться новому правительству Крыма и что в отношении командиров, отказывающихся выполнять его приказы, будут возбуждены уголовные дела: «Сдаваться никто никому не предлагает, идут переговоры с военными частями, которые все абсолютно в Крыму заблокированы силами самообороны... В отдельных частях есть командиры, которые подстрекают солдат к неисполнению моих приказов как на сегодняшний день верховного главнокомандующего. Предупреждаю всех командиров: в отношении них, если они не подчинятся законному правительству Крыма, будут возбуждены уголовные дела».

5 марта

Ракетный крейсер «Москва» из состава ЧФ РФ в сопровождении четырёх судов обеспечения встаёт у входа в бухту Донузлав, блокируя таким образом выход кораблей ВМС Украины.

6 марта

Верховный Совет Крыма и Севастопольский городской совет назначают референдум о вхождении в состав России на 16 марта 2014 года.

Первый заместитель председателя Правительства АРК Рустам Темиргалиев сообщает, что собственность Украины в Крыму будет национализирована в пользу новых властей региона.

Командующий ВМСУ контр-адмирал Сергей Гайдук заявляет, что украинские военные из всех сил стараются не допустить кровопролития и жертв среди мирного населения: «Сегодня в нашем славном городе, как и на территории всего Крымского полуострова, сложилась очень непростая

ситуация. Наша цель, прежде всего, — не опозорить крымскую землю кровью братоубийства, сохранить всех живыми и здоровыми, не позволить политическим противоречиям разорвать семьи и детей».

7 марта

Делегация Верховного Совета Крыма во главе с его **председателем Владимиром Константиновым** проводит встречу в Москве с **председателем Госдумы Сергеем Нарышкиным** и **спикером Совета Федерации Валентиной Матвиенко**.

Нарышкин заявляет, что Россия поддерживает «свободный и демократический выбор» населения Крыма и Севастополя. Матвиенко заверила, что сенаторы отнесутся с уважением к решению о вхождении полуострова в состав России, если оно будет принято.

9 марта

В Симферополе, Севастополе, Евпатории и Керчи проходят массовые митинги в поддержку воссоединения Крыма с Россией.

11 марта

Верховный Совет АРК и Севастопольский городской совет принимают декларацию о независимости Крыма. Документ предусматривает возможность этой территории войти в состав РФ после проведения референдума.

12 марта

Первый вице-премьер Крыма Рустам Темиргалиев сообщает об ограничении воздушного сообщения полуострова с Украиной на период до 17 марта.

13 марта

Командир 204-й бригады тактической авиации, дислоцирующейся на аэродроме «Бельбек», полковник Юлий Мамчур требует от Киева дать

конкретные письменные указания своим военнослужащим в Крыму, которых лишь устно попросили «не поддаваться на провокации» и не применять оружие.

«В случае непринятия вами соответствующих решений мы будем вынуждены действовать согласно уставу вооружённых сил Украины, вплоть до открытия огня. При этом мы чётко осознаём, что не сможем долго противостоять превосходящим по количеству, вооружённости и подготовке подразделениям российских войск, но готовы выполнить свой долг до конца», — предостерегает Мамчур.

16 марта

В Крыму и Севастополе проходит референдум, по результатам которого около 96,77% избирателей республики и 95,6% избирателей города голосуют за воссоединение полуострова с Россией. Явка составляет высокие 83,01% и 89,5% соответственно.

Командующий ВМС Украины контр-адмирал Сергей Гайдук призывает к благоразумию руководителей органов власти и отрядов самообороны: «Прошу принять все меры для остужения «горячих голов», не допустить нового витка конфронтации. Мы прошли этап протестов и риска военного столкновения. Настало время примирения, работы политиков и дипломатов».

И. о. министра обороны Украины Игорь Тенюх сообщает о договорённости с Минобороны РФ о том, что до 21 марта в Крыму не будет проводиться никаких мероприятий по блокированию украинских воинских частей.

17 марта

Опираясь на итоги референдума и принятую 11 марта Декларацию о независимости, парламент Крыма провозглашает независимость республики. Симферополь обращается к Москве с просьбой включить полуостров в состав России в качестве нового субъекта.

Владимир Путин подписывает указ о признании независимости Республики Крым, а затем одобряет проект договора о воссоединении Крыма с Россией.

18 марта

В Георгиевском зале Кремля подписан договор о воссоединении Крыма с Россией, согласно которому в составе РФ появляются новые субъекты — Республика Крым и город федерального значения Севастополь. Под документом ставят подписи президент России Владимир Путин, председатель Госсовета Крыма Владимир Константинов, председатель Совета министров Крыма Сергей Аксёнов и глава Севастополя Алексей Чалый.

В то же время СМИ активно дают ярко негативную оценку определенных политических движений (правых), положительно (в качестве жертвы) оценивая режим Януковича и силовиков, подавляющих протестующих на майдане, конституируют информационную реальность, выражающуюся в традиционных темах мирового и российского дискурса, использующего практики советского дискурса: избранности, преодоления, атмосферы окружения, мученичества, культа победы, в том числе над фашизмом исключительно личными силами государства.

Само выступление проходило 18 марта 2014 года в 19:30 на Красной площади в Москве, примерно через 3 часа после основного обращения президента по поводу присоединения Крыма в состав РФ длительностью 30 минут. Длительность самого выступления заняло 3 минуты 47 секунд. Выступление было эмоциональным, достаточно неформальным, местами голос В.Путина переходил на рычание. После заключительной фразы выступление проходит по следующим этапам: начинается гимн России — приближающийся флаг РФ до крупного плана-хор военных, в центре В.Путин явно поет гимн, рядом Аксёнов стоит молча- план на людей, преимущественно в триколоре — резкий крупный план флага РФ - план,

отдаляющийся от сцены вверх с видом на народ – люди, поющие гимн, план на девушку, снова люди – полупрозрачный переход на флаг РФ крупным планом- конец.

Тема и содержание, интертекстуальность:

Данное выступление отражает темы: патриотизма, силы, родины, предков, героизма, «светлого будущего», преодоления (трудностей), общего решения, как эмоционального, так и рационального, единения, также тема предательства, мужества и мужественности, «русской души».

Сопоставление с данными и фактами:

В тексте имеются явные исторические и фактуальные искажения, либо размытости и неясности, в особенности данной части: «За то, что они не предали памяти своих героических предков, за то, что они через годы, десятилетия пронесли любовь к нашей Родине, к России.». В данном фрагменте не затрагивается период советской истории как единого государства и отношения к данной территории, тем самым просматривается переход когнитивной составляющей в семантическую.

Наиболее точное описание текста:

Затрагивается политический дискурс международных отношений с Украиной, без прямого отождествления с врагом, но с двоякой оценкой, где при сильных эмоционально положительных словах есть четкое разделение позитива и негатива в рамках выбора государства (страны). Украина в выступлении подается как объект, жертва, которая не имеет воли в сравнении с Россией и Крымом, противопоставляется им как зависимая от времени и надежды, в течении которого она может «преодолеть трудности». Россия подается как антропоморфное существо, несущее архетипичные представления россиян о самих себе, которое «ответило им теплом, повернулось к ним и открыло всё своё сердце, всю свою душу.»

Присутствует яркий дискурс «возвращения», который имеет глубокие отсылки в культурном коде. Вначале абзаца последовательно дается три сильных прилагательных, с выраженным временным кодом, для концентрации на моменте «перелома» с отсылкой на его «изначальное» зарождение в прошлом с реализацией в настоящем и позитивным будущем. Для его максимально яркого иллюстрирования приводится множественная отсылка в сравнении с возвращением кораблем в «родную гавань», к «родным берегам». Данная отсылка является как чисто исторической, связанной с ролей Крыма как выхода к Черному морю, так и эмоционально интуитивной, активизирующей ассоциативный ряд с возвращением корабля в мировой культуре, даже без учета того что используется риторически мягкое слово гавань с добавлением эпитета «родная», что усиливает эффект. Кроме того, используются элементы технической сферы (приписка корабля) с добавлением темпорального кода – «постоянной», который отражает потребность общества в стабильности при «постоянных опасностях»

В выступлении удваивается значение воссоединения за счет последовательного указания – «крымчане, севастопольцы». Глава государства использует двоякий код «Мы», который как показывает его амбиции говорить от своего лица за всё государство, так и воссоздает атмосферу общего решения, единогласного и в рамках контекста единственно позитивного. Также в тексте прослеживается логика МЫ-РОССИЯ-РОДИНА. Таким образом реализуется механизм приобщения и обезличивания каждого реципиента, с усилением эффекта коммуникации после основного выступления более весомого хронометража. Подавляющее количество обращений консервативны, однако есть либеральные формы в виде выражения: «наш будущий успех зависит от нас».

В конце идет повторение позитивного выбора, с подключением темы предательства, и ее актуализации как решения не предавать кого-то. Расставляется акцент на «героических предках» и «пронесении любви к

родине». Реплика «Слава России!» является своего рода экстремумом, объединяющим всех, и в логике нарратива может быть подменена местоимением «нам», как непосредственной части России и Родины.

Итог.

Присоединение Крыма аргументированно в эмоционально-объективной манере. При использовании контекстуальных знаний о дискурсе текст можно расположить в общем дискурсе СМИ и политики. Данный дискурс можно понимать в рамках традиционного российского дискурса, но в рамках крымского и черноморского дискурса понимание будет гораздо более глубоким и точным. Принимая во внимание контекстуальные знания и интертекстуальность можно заключить что дискурс относительно присоединения крима можно рассматривать как пример русского экспансионного дискурса. Присоединение Крыма представлено как пример с той целью, чтобы показать силу и возможность России как государства, которое акцентируется на расширении и силе в единстве и неразделенности таких понятий, как власть, страна, народ и государство.

Акценты расставлены на социологическом видении процесса коммуникации и взаимодействия в рамках дискурсивных практик, с усилением через определенные социолингвистические формы анализа текста, а также психолингвистические формы, отраженные в особенностях подачи текста и аудиовизуального ряда.

Приложение 5. Дотеоретическая интерпретация публичного выступления

Студент 1

Крым присоединили. Путин выступает в Москве на Красной Площади. На проекторе изображено сердце в цвете триколора с громкой надписью: «Крым в моем сердце». В. Путин будто вписан в это сердце. Возникает вопрос: «Так-то в нашем сердце – Крым или Путин?». Радостные лица в толпе вполне ясно, хотя и молча отвечают на этот вопрос.

В.Путин говорит штампами, избитыми метафорами («изнурительное плавание», «возвращаются в родную гавань», «открыла все сердце» и др.), которые понятны и близки просто народу – именно на него президент и делает ставку. В начале речи Путин говорит резко и даже жестко. После вспоминает, что «Крым наш» и смягчает свою речь.

В целом В. Путин ничего дельного не сказал, кроме своей любимой фразы, что было сложно, но мы все преодолели и впереди нас ждут новые трудности, которые, мы, конечно, тоже вместе переживем. Он выступает не потому что хочет, а потому что надо. От этого речь и выходит банальной и не несет никакой ценности. И даже наоборот – после кровавых сцен, которые демонстрировались на каждом канале ТВ – слова «очень радостный, светлый, праздничный день» звучат, как абсурд.

Студент 2

В 2014 году на митинге «Мы вместе!», который прошел 18 марта в Москве в поддержку присоединения Республики Крым в состав Российской Федерации, Владимир Путин выступил с обращением к гражданам России.

Цель выступления – поздравить россиян с окончательным вступлением Крыма в состав России. Четкая и уверенная поза, эмоциональное и интонационное выделение на метафоричной фразе «в порт постоянной приписки, в Россию!» демонстрируют основной посыл обращения – пробудить в людях патриотизм, показать значимость и масштабность события в истории России.

Вопрос присоединения Крыма в 2014 году вызвал широкий диссонанс в обществе, единогласного мнения нет и по сегодняшний день. Несмотря на это, в речи и манере держатся считывается уверенность и амбициозная позиция Путина. Так, например, присутствует ряд синонимов «тяжёлого, длительного, изнурительного плавания», которые показывают четкую позицию Путина по вопросу присоединения Крыма. В начале своего выступления прозвучало обращение «Дорогие друзья!», апеллирующее ко всем людям. Также, часто употребляется местоимения *мы*, *нас*: «мы вместе/мы родственники/ мы переживаем». На мой взгляд, использование в речи личных местоимений множественного числа говорит о том, что выступающий намеренно подчеркивает коллективно принятое решение, сопричастность каждого в историческом событии. Прямое обращение к севастопольцам и крымчанам: «Спасибо крымчанам и севастопольцам за их последовательную, решительную позицию, за их ясно выраженную волю быть вместе с Россией». Прямое обращение звучит дважды: «Ещё раз хочу поблагодарить за мужество и последовательность крымчан, севастопольцев, за то, что они не предали памяти своих героических предков, за то, что они через годы, десятилетия пронесли любовь к нашей Родине, к России». Прямые обращения говорит о поиске поддержки у аудитории, за счет чего

выступающий повышает свой авторитет. Выступление заканчивается снова апеллированием к собравшимся, в словах явная уверенность: «Я знаю, я уверен, мы всё преодолеем, всё решим, потому что мы вместе».

Студент 3

Фактически, это выступление-поздравление. Совершилось то, чего хотела правящая партия, большая часть россиян и севастьопольцев. Обращение адресовано к крымчанам, хотя было озвучено в Москве, но, конечно, направлено и на россиян.

Путин, как обычно, чеканит слова, что в данном случае, на мой взгляд, уместно, но жестикулирует странно: в перерывах между словами, например, опускает руку, которой до этого активно что-то показывал, и это выглядит неестественно.

Как текст — это обращение воспринимается странно - в нем слишком много обращений, восклицательных предложений и градаций. Последнее мне лично осложнило восприятие, потому что ощущалось, как лестница со слишком высокими ступенями, о которые я постоянно спотыкалась. Очевидно, что сделано это было ради дополнительной эмоциональности.

Президент несколько раз ссылается на нашу историческую связь с Крымом: память предков, родная гавань... Это, во-первых, попытка морально легитимировать присоединение Крыма, во-вторых, показать “правильность” такого решения, его обоснованность. Также чувствуется отсылка к любимой теме риторики правящей партии - нашему великому прошлому.

Россия здесь рисуется как такой радушный хозяин, как “принимающая” сторона: мы ничего не делали, Крым никак к действиям не подталкивали, смиренно ждали их самостоятельного решения, болели издалека. Это, скорее всего, также сказано для того, чтобы создать ощущение, что мы, несмотря на мнение некоторых политиков и журналистов, в дела суверенного государства не вмешивались.

Говорится и о нашей обеспокоенности ситуацией на Украине, о каком-то родстве с ней - вразрез с этим идет продвигаемый по федеральным

каналам агрессивный и негативный настрой по отношению к Украине. Но официально, на уровне президента - мы переживаем и сочувствуем.

Акцент делается на некую “последовательность” позиции и действий крымчан. В таком коротком тексте это слово повторяется аж дважды. Я не понимаю, зачем это сделано и почему это так важно, это вызывает у меня недоумение, и я подозреваю, что в этом случае авторы речи сработали не очень хорошо и цели своей, какой бы она ни была, не добились.

Заканчивает Путин словами о единстве, в котором наша сила - стандартно, созвучно с мнением, что нам нужно затянуть пояса и переждать тяжелые времена, поддержать свою родину и прочее.

Студент 4

Митинг начинается с двойного приветствия, где в первом указывается как бы горизонтальная связь между говорящим и к тем кому обращенно , а затем во втором приветствии, распадается на присутствующих , происходит опознание и появляется первое указание на тему встречи, коя продолжается в следующем предложении.

Где говорится, что до текущего момента Крым и Севастополь находились как бы в пути, как бы в поиске бесцельном и тяжелым (длительным, изнурительным), по морям, разрешением которого стало возвращение на место, которое догматично приравнено к их родине исходя из подразумеваемых событий прошлого - было так и теперь всё вновь возвращается на круги свои ("возвращаются к родным берегам, в порт постоянной приписки, в Россию!") ". В этой же метафоре Крым и Севастополь выступают как бы кораблями, имуществом, которое приписывается к территории России. Следующем предложении сие сглаживается утверждением о добровольности и сознательности подобных событий ("спасибо к и с за их последовательную, решительную позицию выражающую волю быть вместе с Россией"). Россия или конкретно Путин, являясь как бы "послом идеи", раскрывая "свое сердце, всю свою душу " навстречу возвращающимся, позволяет себе в ответ как бы ранимость, коим возможно быть только с семьей, с родственниками ("мы самые близкие родственники"), надеясь подразумевая лишь то, что оно впускает=переносит их на свою территорию , в свой "порт" , нацеленный на достижение абстрактного "нашего успеха".

Говоря о трудностях Украины и о переживаниях за неё от лица "мы", своим "я" он утверждает уверенность в разрешении трудностей , разрешение которых всецело в его власти и с вершины которой он видит возможный будущий успех, ведь главное важное "светлое" событие свершилось -

"восстановление" родственных связей (семья как важнейшая политическая установка в стране), объединение сил против остальных не-мы.

Коммуникативная ситуация и обстановка митинга довольно типична для подобного рода «провластного» события. Владимира Владимировича на сцене окружают люди милитаристической внешности. Сзади президента стоит Аксенов почему-то с георгиевской лентой (собственно, на дворе 18 марта). Вообще митинг сплошь пестрит разного рода патриотической символикой: флаги (различных партий: от ЛДПР до коммунистов - причем и имперские флаги, флаги георгиевской раскраски, триколор и т.д.). Все кругом скандируют «Россия», сопровождая сакральные президентские речи. Милитаризм, Путин, патриотический экстаз.

В самой речи Путина, в его дискурсе, внимания занимает его виртуозная игра на чувствах, именно на личных чувствах людей. То есть спикер переносит политическую сферу на что-то близкое каждому – на семейные узы, нечто очеловеченное, какой-то чувствуется «отеческий» оттенок (забота, тепло, любовь) в сравнениях и метафорах.

Мы очень переживали за них, и Россия ответила им теплом, повернулась к ним и открыла всё своё сердце, всю свою душу.

Но я верю, что Украина преодолееет все трудности. Мы не просто соседи, мы самые близкие родственники, и наш будущий успех зависит от нас: и от России, и от Украины.

Но я знаю, я уверен, мы всё преодолееем, всё решим, потому что мы вместе.

Конечно, слезы наворачиваются на глаза от таких речевых оборотов. Хочется скакать по полям, обнимать березы и читать Есенина. Эта коммуникативная манипуляция и рассчитывает на такой эффект.

Отдельный аспект в речи – историческая память. Путин говорит об «исторической родине» Крыма и Севастополя (интересно, какие еще регионы ждут своего возвращения в «родную гавань?»), о последовательности

крымчан, мол, «не предали памяти своих героических предков». Все это, конечно, лишь спекуляция на обостренных, воспаленных «патриотических» чувствах людей.

Приложение 6. Критический дискурс-анализ (Исторический дискурс-метод).

Студент 1

Дискурс-анализ выступления В. Путина на митинге «Мы вместе!»

Условия и контекст. Текст возник в результате митинга в честь принятия Крыма в состав Российской Федерации. Вспомним, по итогам референдума в 2014 году полуостров Крым и город Севастополь перешли в состав Российской Федерации. Одни утверждают, что Россия вернула свои законные земли, другие – Россия захватила Крым. Для того, чтобы в обществе усилить первую идею, президент России выступает на митинге в честь присоединения этих земель. Слова оратора расходятся с реальной ситуацией на Украине и России. Так возникает дискурс речи президента России.

Тема и содержание, интертекстуальность. Темы этой речи отражают присоединение и захват земель, «теплые» отношение дружеских стран. В. Путин часто произносит местоимение множественного числа «мы» («мы вместе много сделали», «мы все преодолеем», «мы очень переживаем» и т.д.), тем самым показывая, что он как президент страны, выражает взгляды всего народа. С одной стороны – он этим нивелирует свою значимость и приравнивает себя к одним из «нас», то есть зарабатывает себе статус «главы из народа». С другой стороны – местоимение «мы» звучит более внушительно: показывает, что нас много, и мы все разделяем эту точку зрения, «стоим горой друг за друга».

Лишь однажды в речи В. Путин звучит личное местоимение «я» («я верю, что Украина преодолеет все трудности»). Таким образом он показывает свою некую избранность: если русский народ верит – это одно, но если верить сам президент России, то точно на Украине все будет хорошо.

При этом «избранность» главы государства не сильно преувеличивается, но укрепляется вера в мир соседней страны.

Президент России благодарит крымчан и севастопольцев «за их последовательную, решительную позицию, за их ясно выраженную волю быть вместе с Россией», хотя согласны были далеко не все. Он игнорирует, отрицает вторую сторону. Россия же предстает как страна, которая прощает и принимает всех заблудших («Россия ответила им теплом, повернулась к ним и открыла все свое сердце, всю свою душу»). В. Путин несколько раз называет новых граждан России «крымчанами и севастопольцами». Этим он подчеркивает, что уважает их географический статус. В этой ситуации – присоединение их земель к нашей стране – уважение выглядит насмешкой.

Речь оратора наполнена метафорами. Самая яркая из них – «После тяжёлого, длительного, изнурительного плавания Крым и Севастополь возвращаются в родную гавань, к родным берегам, в порт постоянной приписки, в Россию!». Она придает выступлению торжественный характер. Метафоры украшают речь выступающего, но при этом делают ее проще для понимания, такие метафоры легко будет цитировать в различных СМИ.

Президент говорит о победе, но тут же предупреждает о новых абстрактных трудностях, не указывая даже на их характер и тематику («предстоит сделать ещё больше, предстоит решить очень много задач»). От этого дальнейший сценарий жизни в таком составе страны становится не предсказуемым. Однако Путин тут же успокаивает: «мы все преодолеем, все решим, потому что мы вместе». Главная мысль главы страны: держитесь нас – России – и все будет хорошо. Тогда доброе «мы вместе» становится почти угрозой.

Итог. Президент России нивелирует свою роль в победе, тем самым перекладывая ее на русский и украинский народ, но вместе с заслугами он перекладывает и промахи. Он всячески подчеркивает, что уважает украинцев как самодостаточный народ, но призывает к объединению для решения

совместных проблем. На самом же деле оратор под видом дружеского объединения завуалировал захват земель соседней страны.

Студент 2

Дискурс анализ

Условия и контекст:

Владимир Путин выступил на митинге “Мы вместе!” Митинг проходил в Москве 18 марта 2014 года в поддержку принятия Крыма в состав Российской Федерации. Запись выступления Владимира Путина выложена на официальном сайте Президента России kremlin.ru

Тема и содержание, интертекстуальность

Тема выступления носит патриотический характер: возвращение исторической территории в состав Российской Федерации. Выступление В.Путина направлено на всех граждан России, это подчеркивается фразой: “Уважаемые граждане России, крымчане, севастопольцы!”

Крымчанам и севастопольцам выражается особая благодарность “за их последовательную, решительную позицию, за их ясно выраженную волю быть вместе с Россией”. Намеренное добавление “за их позицию/за их волю”, намекающее на всенародное и демократическое решение в вопросе присоединения Крыма. Благодарность крымчанам и севастопольцам выражается дважды за выступление. Также, в речи выступающего затрагивается проблема войны на Украине и особого положения Крыма в этой ситуации. Эта проблема звучит остро и подается с намеренным обобщающим местоимением “мы”.

Наиболее точное описание текста на лингвистических уровнях с помощью различий между стратегиями и лингвистическими реализациями.

Конструирование “мы-дискурса”, реализация на лингвистическом уровне с помощью обобщающего местоимения мы: “мы очень

переживаем/мы вместе/ мы не просто соседи/мы все преодолеем”. “Мы” употребляется в речи много раз, что говорит, с одной стороны, о коллективно принятом решении. С другой стороны, местоимение “мы” обезличено, под “мы” употребляется любой человек.

В предложении “после тяжёлого, длительного, изнурительного плавания Крым и Севастополь возвращаются в родную гавань” используется стратегия преувеличения. Субъективная оценка выступающего подкрепляется метафоричным образом Крыма, как “порта постоянной приписки”. Историческое расположение военно-морского флота России.

Итог: Выступление на митинге “Мы вместе” лаконичное. Каждое слово четко продуманно и направлено на конкретную аудиторию. Улавливается яркий патриотический посыл, вызывающий к ответственности и внимательности граждан. Как известно ситуация присоединением Крыма в состав Российской Федерации вызвала широкий резонанс в обществе и до сих пор однозначной оценки по этому событию у историков не сложилось. Но в выступлении считывается явная волевая позиция В.Путина по присоединению Крыма.

Критический дискурс анализ

Условия и контекст. Крым, после долгих обсуждений и сражений - и холодных, и боевых, - наконец присоединен к России. Естественно, правящая партия рада, как и поддерживающая ее часть народа - в особенности, новоиспеченные россияне. Тем не менее, обсуждения не утихают, а мнение о том, что присоединение - это на самом деле аннексия, озвучивается часто.

Тема и содержание, интертекстуальность. Главной темой речи является непосредственно присоединение Крыма к России: предпосылки, само осуществление и те трудности, которые предстоят в связи с этим в будущем.

Можно выделить три группы, о которых говорится в речи: “мы”-россияне, “они”-крымчане и “они”-украинцы. Группы описываются в позитивном ключе, все они подчинены дискурсу объединения: “нас” с крымчанами, “нас” с украинцами - при этом примечательно, что объединения между крымчанами и украинцами нет - дообъединялись уже. Казалось бы, из-за конфликта между Россией и Украиной и в принципе ситуации, в которой Крым делал выбор между ними, должно было возникнуть противопоставление двух стран, но этого не происходит - президент настаивает на наших добрососедских и родственных отношениях.

Наиболее точное описание текста на всех лингвистических уровнях с помощью различий между стратегиями и лингвистическими реализациями. Президент доносит до аудитории мысль о том, что вхождение Крыма в состав России - это правильно, что это радостное событие для всех, а то, что Крым вообще находился в составе Украины - трагическая ошибка. Делается это с помощью развернутой метафоры, где Крым сравнивается с кораблем, а его “путешествие” до возвращения в состав России называется “тяжелым, длительным, изнурительным плаванием”.

В речи крайне мало фактической информации: ее практически и нет. Президент размыто говорит, например, о предстоящих трудностях, но не уточняет их природу. Отчасти это объясняется спецификой выступления на митинге, где конкретика была бы не совсем уместна.

Президент дважды благодарит крымчан за их “последовательную позицию” и действия, при этом рисует Россию абсолютно пассивным участником конфликта - хотя мы знаем, что это не так, вспомнить хотя бы “вежливых людей”. Я вижу в этом отрицание ответственности.

Личная позиция президента смешивается с позицией абстрактных “нас” в абзаце, где говорится о “нашем” отношении к политической обстановке на Украине. Таким образом, он выступает от лица всей страны, но при этом объединяет позицию личную и общую.

Итог. В речи, где говорится об определенном конфликте, крайне мало негатива. Основная цель - наиболее положительным образом представить Россию в данных обстоятельствах - выполнена за счет отсутствия конкретики и откровенного обеления. Это обеление происходит в отношении всех сторон конфликта. Таким образом, вся сложность и запутанность конфликта замалчивается, обесценивается.

Речь очень эмоциональна, полна средств выразительности. При этом в ней малофактической информации, что приводит к субъективности, безаргументности высказываемой точки зрения.

Студент 4

Кда

Условия и контекст : речь Путина во время митинга "Мы вместе " за возвращение Крыма и Севастополя на свою "историческую родину" в контексте общественно-политического кризиса на Украине в феврале-марте 2014 года. Данные события широко освещались в международных сми (в них действия России были оценены как агрессия, оккупация и нарушение целостности Украинской территории) и отечественных (согласно позиции которым смена власти на Украине являлась переворотом, инсценированной извне "врагами с запада" ,а присоединение крымской территории к России рассматривается как решение, принятое на благо жителей Крыма и как гарантия защиты их правовых, социальных и личных свобод и вообще исторически детерминированное событие, что и было репрезентованно в речи президента на этом митинге).

Речь на митинге это открытое заявление и как правило позиция связана с одобрением или неприятием какого-либо решения. Подобная схема действовала и в рамках данного митинга. Президент обозначил явную поддержку мероприятия (" светлый, праздничный день") посвященную сплочению населения страны на основе исторического прошлого.

Имеет место быть институциональный дискурс, выраженный в формате речи президента ; был дискурс сочувствия братским народам "попавшим в беду"; дискурс мы-ты, противопоставляющий Крым и Севастополь остальной части Украины и западного мира настроенный против России;

Тема и содержание, интертекстуальность: темой встречи является утверждение легитимности объединения Крыма и Севастополя к России через указания исторической обусловленности воссоединения братских народов ("мы не просто соседи, мы самые близкие родственники") и положительных характеристик подобного исхода в контексте общественно-

политического кризиса Украины. Актор противопоставляет ситуацию в России для Крыма как положительную (называя родиной, гаванью) , в контраст упоминаниям о нестабильной ситуации на Украине ("мы очень переживаем за то, что происходит на Украине. Но я верю, что Украина преодолеет все трудности", "после тяжелого изнурительного плавания Крым и Севастополь возвращаются в родную гавань... ") Утверждается, что Крымчане сами потребовали присоединения и помощи России ("ясно выраженная воля быть вместе с Россией") и теперь ей предстоит решать проблемы, существующие в Крыму. "Хорошая" Россия как бы заявляет, что будет вести дела в Крыму лучше, чем Украина и обещает благоприятное будущее ("но предстоит сделать еще больше, предстоит решить очень много задачи ... мы все преодолеем, всё решим, потому что мы вместе»). Одним из основных аргументов присоединения Крыма является общее историческое прошлое ("не предали памяти своих героических предков") , что очень характерно для российского политического дискурса. Апеллируя к исторической памяти и патриотическим чувствам россиян, например в обращении президента перед депутатами и членами СФ было упомянуто следующее : "здесь принял крещение князь Владимир, здесь находятся могилы русских солдат, завоевавших Крым в 1783 году для Российской державы, здесь стоит Севастополь — родина русского Черноморского военного флота " и т.д . подобные и другие отсылки присутствует почти во всех СМИ освещающих данные события.

Наиболее точное описание текста на всех лингвистических уровнях с помощью различий между стратегиями и лингвистическими реализациями.

Путин часто использует местоимение "мы", т.к. образом определяя и идеологию гражданской консолидации и авторитарность, заявляя право на выражение позиции общественности, а так же лексемы совместности (вместе, наш и т.п). Однако, в определенных моментах он обращается к народу от своего "я" ("я верю, что Украина преодолеет все трудности", "я

знаю, я уверен"), таким образом, как бы выражая свою личную позицию, но на деле лишь используя подобную форму речи для убеждения аудитории. "Выраженная " "личная" точка зрения Путина помогает легитимировать действия всей системы государственной власти, позволяет реализовывать стратегию воздействия на восприятие событий.

Речь Путина эмоционально-экспрессивна. Актор активно использует словосочетания, в которых наблюдается варьирование прямого и переносного смысла, что порождает эффект экспрессии, делает политический дискурс более выразительным и воздействующим ("Россия ответила им теплом, повернулась к ним и открыла всё своё сердце, всю свою душу"). Эти же метафоры имеют свойства положительной самопрезентации, "хорошая Россия" открытая, безхитростная открывает врата своим близким (подменяя политическое понятие союзники, соседи на "близкие родственники") . Актор использует метафорические модели ("после тяжелого, длительного изнурительного плавания Крым и Севастополь возвращаются в родную гавань - в Россию, к родными берегами, в порт постоянной приписки") , которые в контексте событий являются аллюзиями на базированный в Севастополе военно-морской флот России и историей этого города. Одновременно с этим, метафора подразумевает, что Крым и Севастополь как корабли, после сложного пути возвращаются в родные края. Интерпретация этой метафоры "возвращения на родину " может нести в себе смысл избавления от негативных последствий общественно-политического кризиса Украины.

Итог: в процессе анализа были выявлены стратегии воздействия, целью которых является формирование восприятия события присоединения крымского полуострова как воссоединение семьи, исключая ассоциации в ходе речи какие-либо политические интересы. Речь актора формирует восприятие этого события через мы-дискурс реализованный через

контруирование "мы" на основе якобы исторических фактов и положительного самоописания.

Студент 5

Критический дискурс-анализ (исторический дискурс-метод)

Условия и контекст: Как президент Владимир Путин выступает, комментируя ситуацию присоединения новых территорий к Российской Федерации. Этот текст появился в результате дискуссий, собственно, о вхождении Крыма и Севастополя в состав России – были споры о том, является ли это аннексией или легитимным актом – это один и тот же дискурс присоединения – до этого был, получается, украинский дискурс, майдановский дискурс, дискурс сочувствия к крымчанам и севастопольцам, как к угнетаемой группе – целая плеяда дискурсов сформировала этот текст. Мы не знаем, как назвать этот дискурс – но цель выступления президента, то есть главы государства, легитимировать акт этого присоединения, то есть своим выступлением он признает законность этой процедуры, дает, что называется, добро.

Тема и содержание, интертекстуальность: Темы этого выступления отражают позицию власти (в лице президента) по отношению к присоединению Крыма и Севастополя. Акцент делается на историческом праве России на эту территорию, для этого спикер использует олицетворения (очеловечиваются страны, наделяются чувствами), метафоры родства («Мы не просто соседи, мы самые близкие родственники»), антропологические метафоры, очень яркая морская метафора («После тяжёлого, длительного, изнурительного плавания Крым и Севастополь возвращаются в родную гавань, к родным берегам, в порт постоянной приписки, в Россию!»). Также Путин подчеркивает правильность выбора крымчан и севастопольцев, он благодарит их от лица страны за «последовательность», которая заключается в принятии Российской стороны в этом конфликте и в целом в соглашении с поведением России на мировой арене, с принятием ее внешней политики.

Также президент в своем выступлении отделяет группы. Он говорит: «**Мы очень переживали** за них (про Крым и Севастополь), и Россия ответила им теплом, повернулась к ним и открыла всё своё сердце, всю свою душу. **Мы очень переживаем** за то, что происходит на Украине». Президент два раза подряд говорит о переживании, но эта повторенная эмоция подчеркивает отделение некогда целостной территории и одного народа. Причем дальше, описывая происходящее на Украине, он говорит о трудностях. Президент подразумевает этим, что там, где Крым и Севастополь – сейчас «тепло» и «очень радостный, светлый, праздничный день!», а где Украина – там трудности. Это важное скрытое противопоставление в его речи.

Наиболее точное описание текста на всех лингвистических уровнях с помощью различий между стратегиями и лингвистическими реализациями: Первое, что бросается в глаза, это изобилие местоимения «мы», это говорит о том, что спикер захватывает власть и высказывает свое мнение за всех, тем самым обозначая позицию всей страны. Также в тексте много вводных предложений, транслирующий знание и уверенность: «я знаю», «я верю», «я уверен». Заметим, что местоимения «я» используется в тех местах, где речь заходит о каком-либо преодолении («Но я верю, что Украина преодолеет все трудности», «Но я знаю, я уверен, мы всё преодолеем»), тем самым президент пытается убедить в своей позиции и внушить свою веру в лучшее. Возможно, уместно будет сказать о техники аргументации, когда президент говорит о «ясной выраженной воле быть вместе с Россией», таким образом он аргументирует само присоединение территорий – на все воля Крыма и Севастополя. Метафору «После тяжёлого, длительного, изнурительного плавания Крым и Севастополь возвращаются в родную гавань, к родным берегам, в порт постоянной приписки, в Россию!» - можно рассматривать как эвфемизм, где изнурительное плавание – это события Майдана, референдума и выхода из состава Украины, а возвращение в родную гавань – это аннексия.

Итог: Легитимация присоединение Крыма и Севастополя, использование президентом своей символической власти. Дискурс относительно присоединения можно понимать только со ссылкой на предыдущие дискурсы относительно разницы в более отдаленном и недавнем прошлом.

Приложение 7. Заключительные эссе (саморефлексия)

Студент 1

Заключительное эссе

Провести дискурс-анализ речи президента оказалось для меня не просто, так как я выполняла такую работу впервые. Верно я выполнила только со второго раза. В целом анализ занял около 4 часов (при условии, что выполняла работу дважды). К тому же считаю себя аполитичной – я плохо разбираюсь в данной проблеме. Перед анализом мне пришлось изучить материалы про ситуацию на Украине и историю присоединения Крыма к России.

В курсе «социология» в университете этот метод мы прошли стороной. Оказалось – зря. Дискурс-анализ позволяет более точно рассмотреть анализируемую речь, вскрыть, как говорят, «гнойники», которые не под силу дотеоретической интерпретации. Такое исследование открывает «третий глаз». Однако этот метод требует разносторонних знаний и определенных навыков, а, следовательно, не каждому с ним справиться. Сложность состоит еще в том, что теоретические итоги дискурс-анализа вступают в разлад с нашим бытовым пониманием проблемы. Происходит диссонанс. Этот метод словно разбивает информацию на молекулы, и все уже больше не кажется гармоничным.

В повседневной жизни, на мой взгляд, дискурс-анализ невозможно применять, да и нет такой потребности. Однако в университетах на специальностях «политология», «социология», «психология» и т.д. данное исследовательское направление поспособствует более глубокому изучению какой-либо проблемы.

Студент 2

Заключение

В общей сложности, написание работы заняло около трех часов.

При использовании КДА возникла трудность с нахождением его признаков в речи выступающего.

Дотеоретическая интерпретаций вызвала некий диссонанс, смешение знаний из анализа выступления оратора и конкретной поставленной задачей на данном этапе. Дотеоретическая интерпретация была написана быстрее и процесс не вызывал больших затруднений. Возникло непонимание с написанием КДА по причине пробела в знаниях по этой теме. Сложность в описание текста на лингвистических уровнях с помощью различий между стратегиями и лингвистическими реализациями.

КДА показался мне интересным методом для анализа речи публичного человека. Мне кажется, что КДА направлен на более критичное восприятие к выступлениям медийных личностей. Обычно популярные личности, общественные и политические важные деятели, которые имеют авторитет охватывают широкую аудиторию и пользуются некими манипулятивными приемами, которые используются как средство внушения и навязывания определенной идеологии.

Я считаю, что данное исследовательское направление актуально для использования и изучения в современной высшей школе. Например, в курсе дисциплины социологии.

Студент 3

Саморефлексия

С методом дискурс-анализа я была знакома и до ознакомления с материалом лекции, но очень поверхностно. Эта лекция дала мне базовую теоретическую информацию и конкретную практическую, которую я и использовала при написании своего дискурс-анализа.

Самым сложным для меня был поиск конкретных техник аргументации. Представленные в примерах техники были почти не использованы (или я, опять же, не смогла их увидеть) в тексте, который нужно было анализировать мне.

На весь анализ, включая написание этого эссе, у меня ушло приблизительно три-четыре часа.

Мне кажется, что преимуществом дискурс-анализа перед обывательским заключается в его научности, наличии определенного инструментария - конкретного и четкого, что делает анализ менее субъективным. Главный минус: каша в голове.

При этом я узнала много интересной информации, но полезными считаю не общие знания о методе, а знания о конкретных техниках, какие-то факты из примеров.

Считаю, что критический дискурс-анализ актуален для изучения в вузах, так как дает как раз инструментарий для анализа текстов, о котором я говорила выше - он помогает достичь конкретики, четкости, приводит анализ к некоему регламенту.

Студент 4

Заключительное эссе

Описывая определенные события, образы, средства массовой коммуникации, в том числе интернет- среда, формируют определенное восприятие этих событий, отражение, реакцию на них массового сознания. Метод анализа направленных на распознавание информационной структуры этих практик не могут быть не актуальными в эпоху бесконечного потока информации, которую необходимо уметь структурировать, распознавать уровни её воздействий, чем и занимается критический дискурс анализ.

Благодаря КДА для меня появился метод анализа социальных практик вне обыденного восприятия, но пока этот подход не использовался за пределами данного задания, едва ли можно говорить о каком-то значимом влиянии на моё мировосприятие.

Приступая к заданию у меня возникла сложность с пониманием применения теории и структуры/последовательности анализа, не знание релевантных категорий для анализа дискурса , но в процессе они были разрешены . Анализ текста занял примерно два часа.

Любые методы направленные на когнитивную работу с получаемой информацией полезны и КДА не исключение. Обучение ему в рамках учебного процесса не было бы лишним, понимая как его плюсы , так и минусы (например, субъективность произведенного анализа) .

Студент 5

Саморефлексия

Трудности возникли в первую очередь в процессе перехода от теории к практике. Ты видишь пример, понимаешь в целом, чего хотят от тебя, но чтобы дойти до самой сути метода - нужно время, чтобы самому суметь правильно применить его. Собственно, на ум приходит аналогия с открывашкой или штопором. Есть банка или бутылка, до содержимого которых нужно добраться: в теории ты примерно представляешь, что куда нужно закрепить, какие действия совершить, но на практике - и банки разные открывашки не такие простые. Не знаю, насколько уместна аналогия, но что-то близкое по ощущениям. Мне представляется, что сама речь президента - это своеобразная банка, то есть оболочка, за которой скрывается содержимое, сама суть - конкретные установки, которые транслирует политик, конкретные действия, которые прячутся за словами 'мы вместе'. И до этого нужно докопаться, сорвать маску, чтобы увидеть, что на самом деле хотят от нас и что на самом деле транслируют нам символические элиты. Уяснить истинную мораль сей басни. Поэтому, мне кажется, для этой цели материал, которым мы руководствовались для анализа и лекция были, наверно, теоретизированы, нагружены лишней теорией и неудобоваримы, им не хватало наглядности, практики. Не хватало в целом какой-то осязаемости, если можно, так сказать.

Сколько точно ушло на всю работу - сказать трудно, я думаю, 2-3 часа.

Разница ощутима в том, что для анализа был дан конкретный инструментарий, были объяснены некоторые термины - то есть в своем первом эссе я вижу попытки такого же анализа, просто без знания - как все правильно называется, также для эссе и для анализа, на мой взгляд, были даны разные инструкции. Зачем было в эссе описывать атмосферу митинга, обстановку? Для эссе и, собственно, анализа были даны разные блоки.

Ну, конечно, такой опыт анализа текста дает определённый скилл, навык, в принципе теперь по-другому считаешь речи тех же политиков, уже видишь тот подтекст, то важное, что оставалось между строк. Понимаешь, из чего это сделано и как это работает.

Да, в силу вышесказанного, я считаю КДА актуальным для изучения, так как это развивает критическое мышление, дает важные ориентиры в современном мире, в том числе и в политической жизни, помогает сформировать собственное мнение касательно определенных злободневных вопросов и быть меньше подверженным манипуляциям символической элиты, то есть быть более независимым.

Таблица 1

ИНТЕРЕСУЕТЕСЬ ЛИ ВЫ ПОЛИТИКОЙ,
И ЕСЛИ ДА, ТО В ЧЕМ ВЫРАЖАЕТСЯ ЭТОТ ИНТЕРЕС?* (в %)

Варианты ответов	В среднем по выборке	Образование		
		<i>Высшее</i>	<i>Среднее</i>	<i>Ниже среднего</i>
Не интересуюсь	54	44	57	67

Приложение 8. Данные доклада «Молодёжь России»

Внимательно слежу за информацией о политических событиях				
Обсуждаю политические события с друзьями	29	37	27	19
	22	31	19	15

* Можно было выбрать несколько позиций, поэтому сумма ответов превышает 100%.

Таблица 2

В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ ДОВЕРЯЕТЕ...

(сумма ответов «полностью доверяю» и «скорее доверяю» в %)

Варианты ответов	В среднем по выборке	Образование		
		<i>Высшее</i>	<i>Среднее</i>	<i>Ниже среднего</i>
Президенту	63	54	64	73
Правительству	36	31	37	39
Государственной думе	22	20	22	26
Политическим партиям	19	16	19	25

Таблица 3

**МОГУТ ЛИ ТАКИЕ ЛЮДИ, КАК ВЫ,
ВЛИЯТЬ НА СИТУАЦИЮ В
СТРАНЕ, УЧАСТВУЯ...**

Варианты ответов	В среднем по выборке	Образование		
		<i>Высшее</i>	<i>Среднее</i>	<i>Ниже среднего</i>

В выборах	38	38	37	43
В работе общественных организаций	40	49	37	33
В акциях протеста	40	42	40	38

Таблица 4

**МОГУТ ЛИ ТАКИЕ ЛЮДИ, КАК ВЫ,
ВЛИЯТЬ НА СИТУАЦИЮ В СТРАНЕ, УЧАСТВУЯ...**

Варианты ответов	В среднем по выборке	Потребительский статус		
		<i>Высокий</i>	<i>Средний</i>	<i>Низкий</i>
В выборах	38	41	37	39
В работе общественных организаций	40	46	37	34
В акциях протеста	40	44	38	42

Таблица 5

В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ ДОВЕРЯЕТЕ...

Варианты ответов	Молодежь до 34-х лет			
	2009		2011	
	Вся страна		Крупные и средние города	
	<i>Доверяю</i>	<i>Не доверяю</i>	<i>Доверяю</i>	<i>Не доверяю</i>
Политическим партиям	22	69	19	76
Государственной думе	47	42	23	69
<i>Число опрошенных</i>	<i>600</i>		<i>800</i>	

Таблица 6

В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ ДОВЕРЯЕТЕ...

Варианты ответов	Молодежь до 34-х лет			
	2009		2011	
	Вся страна		Крупные и средние города	
	<i>Доверяю</i>	<i>Не доверяю</i>	<i>Доверяю</i>	<i>Не доверяю</i>
Правительству	62	29	36	57
Президенту	80	15	63	30
<i>Число опрошенных</i>	<i>600</i>		<i>800</i>	

Таблица 7

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, БОЛЬШИНСТВО ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ, ИНИЦИАТИВ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ ВОЗНИКАЕТ.

Варианты ответов	2010 <i>Все население</i>	2011 <i>Молодежь крупных и средних городов</i>
По частному почину граждан, «снизу», независимо от власти или иных политических сил	13	12
По инициативе власти	30	33
По инициативе иных политических сил, находящихся в оппозиции к власти	22	29
По инициативе внешних сил, заинтересованных в определенном развитии России	13	10
Затруднились ответить	22	16
<i>Число опрошенных</i>	<i>1600</i>	<i>800</i>

Таблица 8

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ЧТО ПРЕПЯТСТВУЕТ
ФОРМИРОВАНИЮ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ?
(2011 г., молодежь крупных и средних городов, ответы ранжированы)

Люди в России не готовы к инициативной, самостоятельной деятельности	31
Власть препятствует появлению по-настоящему независимых от нее объединений граждан	29
Исторически жизнь в России не предполагала свободы людей, чувствуют себя зависимыми от государства	они и сегодня 25
Люди не понимают пользы таких объединений	22
Люди опасаются, что власть рано или поздно начнет сводить счета	17
Люди считают неприемлемым что-то требовать от власти	12
Я не знаю, что такое «гражданское общество»	12
Затрудняюсь ответить	10

Таблица 9

ГОСУДАРСТВОМ КАКОГО ТИПА ВЫ ХОТЕЛИ БЫ
ВИДЕТЬ РОССИЮ В БУДУЩЕМ?

Варианты ответов	2008 <i>Все население</i>	2011 <i>Молодежь крупных и средних городов</i>
Социалистическим государством типа СССР	17	6
Государством, подобным странам Запада, с демократическим устройством и рыночной экономикой	32	44
Государством с совершенно особым устройством и своим путем развития	39	39
Затруднились ответить	11	11
<i>Число опрошенных</i>	<i>1600</i>	<i>800</i>

Таблица 10

В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ СОГЛАСНЫ С МНЕНИЕМ,
ЧТО У РОССИИ СЕГОДНЯ МНОГО ВРАГОВ? (Молодежь 16-29 лет)

Варианты ответов	2005	2011
	<i>Вся страна</i>	<i>Крупные и средние города</i>
Полностью согласен/согласна	19	20
Скорее согласен/согласна	41	34
Скорее не согласен	28	31
Полностью не согласен	5	8
Затрудняюсь ответить	7	8

Таблица 11

КАКИЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, НАИБОЛЕЕ ВАЖНЫ?
(2011 г. молодежь крупных и средних городов)

Варианты ответов	Образование	Потребительский статус
------------------	-------------	------------------------

	<i>Высшее</i>	<i>Среднее</i>	<i>Ниже среднего</i>	<i>Высокий</i>	<i>Средний</i>	<i>Низкий</i>
Право на бесплатное образование, медицинскую помощь, на обеспечение в старости, при болезни	65	63	64	65	61	68
Право на жизнь	69	67	64	67	69	60
Неприкосновенность личной жизни, жилища	64	55	49	59	56	57
Право на хорошо оплачиваемую работу по специальности	49	51	44	44	50	65
Право владеть собственностью	49	45	35	47	44	43
Право на гарантированный государством «прожиточный минимум»	32	30	27	30	30	33
Свобода слова	53	53	53	57	51	47
Право на получение информации	35	29	29	36	28	26
Свобода вероисповедания	29	24	23	30	26	15
Право избирать своих представителей в органы власти	23	19	21	26	18	19
Право уехать в другую страну (и вернуться)	25	23	22	24	24	25
Затруднились ответить	1	1	1	1	1	1